

A person is shown from the waist down, sitting on a wooden bench. They are wearing a black leather jacket, a black crop top, and black leather pants. The background is a bright, outdoor setting with a railing and some greenery.

Черный Дождь

ДЖЕТТИ ВУДРУФФ

vk.com/bambook_clubs

Эта история обо мне, о том, кем я являюсь, о том, как я стала такой, и о людях, которые помогли мне преобразоваться в Макайлу Карли. Наступает момент, когда жизненные разочарования начинают прибавляться. Когда ты больше не можешь проронить ни одной слезы. Когда больше не можешь чувствовать приступов паники или, когда не можешь молить еще об одном дне. Интересно, мы люди, имеющие духовные переживания или же мы духи, обладающие человеческим опытом? Что все это значит? У нас у всех есть цель? Говорят, я была героем — могла добиться всего, что задумала. Как я могла быть героем, если у меня не было выбора? Меня никто не спросил. Я сделала то, что, надеюсь, любой, читающий это, сделал бы. В то время как одну жизнь забрали слишком рано, другой нужно было жить, жить по-настоящему. Ей нужно было быть центром чьей-то вселенной. Я была этой вселенной. Я чувствовала ее, прямо как Горошинку под матрасом.

Автор: Джетти Вудруф

Название: Черный Дождь

Серия: Пусть прольется дождь #1

Количество глав: 31

Переводчик: Елена Ковалева

Редактор с 1 по 10 гл.: Соня Бренер

с 11 гл.: Ника Гарская

Обложка: Галина Лавренюк

Глава первая

Огни блестели как зеркала на мокрой дороге впереди. Я перевела глаза на Пи, крепко спавшую на заднем сиденье. Ее голова была на боку, одной щекой она прижималась к Ларри, обезьянке. Вернувшись взглядом обратно на слепящий свет фар прямо перед собой, я посмотрела на белую полосу справа, служащую ориентиром. С машинами не было проблем, но эти чертовы полуприцепы ослепляли меня. Разноцветные огни плясали на темном, мокром дорожном покрытии, когда приближался грузовик.

Этот маршрут был не самым популярным, но полагаю, в этом и была суть, и я не собиралась облажаться. Я зашла слишком далеко, чтобы меня теперь поймали. Стремление к счастью, мое Богом данное конституционное право. Вот к чему я шла. Мы будем счастливы, если это последнее, что я сделаю. К новым начинаниям, к новым главам, и к нашей оставшейся счастливой жизни.

— Ну ладно, сладкая моя. Давай. — Сказала я, поднимая Пи с ее сиденья для последней ночёвки. По крайней мере, эта гостиница была симпатичней той, в которой мы ночевали вчера. Стараясь удержать спящую четырехлетнюю девочку, сумку с вещами и открыть дверь ключом картой, я сумела пройти через дверь и опустить Пи на двуспальную кровать. Боже, она становилась тяжелой.

— Мне нужно пописать, — сказала она, сползая с края кровати. Я включила для нее свет и оглядела маленькую комнату. Не плохо.

— Ты голодная?

— Я хочу фруктовый ролл-ап (Фруктовый ролл — ап — a fruit rollup — это вид фруктовых сладостей, производимых компанией Дженерал Милз и распространяемых под маркой Бетти Крокер. Эта сладость представляет собой плоскую конфету на основе пектина и ароматизированную фруктовым вкусом, завернутую в целлофан. Прим. пер.).

— Где же я ее возьму? У меня есть Читос. — Фруктовый ролл-ап? Неужели? И как это вообще пришло в ее четырехлетнюю голову? Я даже не покупала такие вещи.

— Мисс Бартли даст мне один, когда я вернусь в кружок по чтению, — заверила она меня, болтая ногами, пока она что-то буркнула и сходила по большому. Я помыла ванну и стала набирать ей воду, в то время как она навоняла на всю комнату. Не только на ванную, но и на всю гостиницу. Черт. Что она ела? Комментарий по поводу угощения в ее группе по чтению был проигнорирован и замят.

Сидя на кровати, я подсчитывала остатки наличных. Девяносто один доллар и немного мелочи. Этого должно хватить до нашего места назначения. Само слово «назначение» пугало и волновало меня. Я действительно это сделала и не было пути назад. Я была либо бесстрашным героем, либо смиренным преступником. Полагаю, это зависит от того, кого вы спросите.

Я открыла дверь и встала в проходе подышать свежим воздухом. Было так хорошо на открытом пространстве. Уверена это потому, что последние три дня я провела в машине, похожей на коробку из-под крекеров, с четырехлетним ребенком. Сколько тук-тук шуток можно выдержать, прежде чем сойти с ума? Я была уже на грани.

Слушая как Пи пугала слова песни, которую пела, я улыбнулась. Иногда эта девочка была слишком умной для ее же блага. Пи вступила не как ядро для сноса зданий. Она пела в унисон с Майли Сайрус, но вступила легко, как пляжный надувной мяч. Этот ребенок... скажу я вам.

— Ты закончила, Бритни Спирс? — Спросила я, роюсь в поисках последней коробки с соком. Где же она? Должна же быть еще одна? — Ты взяла последнюю коробку с соком из своего рюкзака?

— Это плохо?

Я перестала искать и бросила рюкзак, зная, что она это сделала. — Нет, не плохо, если сначала спросить.

— Я забыла.

— Нет, не забыла. Ты знала, что я не разрешу. Где мусор?

— На полу.

Пи скользила туда — сюда в ванне, вперед — назад, отталкиваясь для силы ногами. — Конечно, на полу, — сказала я сама себе тихо. — Вот твоя пижама, вылезай.

— Почему в гостиницах маленькие ванны для детей?

Я выдавила зубную пасту на ее щетку и подумала над ответом. Сказать ей, что ее мнение основано на том, что она родилась с серебряной ложной во рту, не кажется правильным ответом. Как сказать четырехлетнему ребенку, что она была меньшинством, что у большинства детей ее возраста не было таких предметов роскоши, к которым она привыкла? Как, например, экстравагантные ванны для маленьких девочек.

— Возможно так ты потратишь меньше воды. Выходи, — уговаривала я ее, вытащив

пробку. Было уже почти десять вечера, и я хотела принять душ.

Как только я уложила Пи в кровать в последней чистой пижаме, комфортно подбив подушки и включив ей мультики, я пошла в душ. Я была истощена.

— Я не хочу воду, — пожаловалась она, когда я поставила кружку на подставку рядом с ней.

— Что ты от меня хочешь? Ты выпила весь сок.

— Я не буду это пить, — заверила она меня.

Хорошо. Не пей. Жуй Читос всухомятку...мне плевать. На тот момент мне было все равно. Я слишком устала, чтобы переживать, что она будет давиться сухими чипсами, потому что ей захотелось поупрямиться.

Целых две минуты моему страдающему телу было так хорошо под парящими струями горячей воды. Все же моя теория о том, почему в гостиницах такие маленькие ванны, не была нелепой. Из-за горячей ванны для Пи, мне достались остатки наполовину горячей воды. Сначала пошла горячая, потом она быстро стала теплой, и с угрожающим темпом полилась ледяная. Это был самый быстрый душ в моей жизни, не говоря уже о том, что оделась я за рекордное время тоже. Брррр.

— Я замерзаю. Согрей меня, — попросила я, стуча зубами. Пи захихикала, когда я набросилась на ее теплое маленькое тельце. А потом...

Ничего. Тишина.

— Микки? Спросила она после долгого молчания.

— Что, детка? — Спросила я, убирая волосы с ее лба и нежно целуя ее теплую кожу.

— Мой папа найдет нас?

Черт.

Дерьмо.

Дьявол.

Я знала, что это случится, но все-таки надеялась сначала добраться до места и обустроиться.

— Милая, папа какое-то время не сможет приехать. Помнишь, я говорила тебе, что ему пришлось уехать ненадолго.

— Потому что ему пришлось отправиться в тюрьму?

— Да, детка. — Какого черта я должна была сказать? Как, объяснить четырехлетнему ребенку, что возможно пройдет какое-то время, прежде чем она снова увидит своего папочку. Как объяснить это какое-то время? — Эй, давай сыграем в игру, — предложила я.

— Мы сыграли в слишком много игр в машине.

Это точно...

— Нет, эта игра будет длиться вечно. Так как мы собираемся начать новую жизнь, давай также выберем себе новые имена. Мы даже можем притвориться сестрами. Ладно?

— Ладно, но я хочу, чтобы ты была моей мамой, а не сестрой.

Я сжала ее чуть крепче. Мысль действительно приходила мне в голову, но я не хотела запугивать ее еще больше, чем она была. Я могла только надеяться, что высказывание о том, что дети быстро приспособляются, верно. Я сделала бы все, что угодно, чтобы защитить эту малышку. Все, что угодно.

— Мне нравится эта идея. Давай выберем тебе красивое имя. Любое, какое захочешь, — сказала я, зная, что я сама должна выбрать ей имя. Было только одно, которое она могла использовать, но я все же собиралась позволить ей его выбрать, намекнув на нужное.

— Итак. Пенелопа, Джейн, Люси, Мэри или Билл, — предложила я несколько вариантов, добавив имя мальчика смеха ради.

Пи засмеялась и указала на то, что не может носить мальчишечье имя, так как она девочка. А потом...

— Пенелопа, — решила она, не задумываясь.

— Пенелопа? — Переспросила я. ДА!!! Ну это было легко.

— Да, как у Мисс Бартли.

— Ты имеешь ввиду кролика? — Спасибо Мисс Бартли, что у Вас есть мягкий белый кролик по имени Пенелопа.

— Да. Может быть и у меня тоже будет кролик.

— Может быть будет, Пенелопа, — поддразнила я, щекоча ее под ребрами. Она визжала и извивалась под моими руками.

Этой ночью я опять обнимала Пенелопу чуть сильнее. Как и прошлые три ночи, я размышляла, правильно ли я поступила. Я, чтобы не случилось, выживу. А вот за нее я переживала. Я поклялась сделать все, что в моих силах, чтобы сделать эту малышку счастливой и уберечь ее. Я была убеждена, что моим истинным предназначением на земле был этот ребенок, спящий прямо здесь, в моих объятьях, и я ее так сильно любила.

Проснувшись первой, я уговаривала Пенелопу встать с постели. — Вставай, соня. Надо двигаться. — На секунду я подумала, может ее рука была ампутирована во сне. Как, черт возьми, она могла так спать? — Пойдем, Пенелопа, — позвала я, мне было любопытно, какой будет ее реакция на новое имя.

Она улыбнулась и открыла сонные глаза. — Я есть хочу... Мама.

— Ты всегда хочешь есть. Одевайся, сегодня прекрасный солнечный день, и впереди у нас очень живописный день.

— Что значит живописный день?

— Живописный. Мы увидим красивый пейзаж, начиная с больших пышных оладий через дорогу. Надень эти, сказала я, подкинув ей на голову пару красных шорт и белую майку.

— Что еще? — Спросила она, слезая с кровати и топая в маленькую ванную комнату.

Я объяснила ей, что, как я надеялась, мы увидим, слушая, как поток обрушился в унитаз. Черт, где же она держала это всю ночь? — Мы увидим горные вершины, бурные реки, безмятежные озера и обширные поля.

— Что за дорогие виды? Нам нужна кредитная карта?

— Нет, глупышка. Обширные виды. Это значит красивые пейзажи. (Здесь обыгрываются два слова: *expansive* — обширный и *expensive* — дорогой. Прим. пер.). Мы поедем через Национальный Лес Бойсе.

— Ну, давай посмотрим, — бойко сказала Пенелопа, наклонив свое маленькое бедро, пока натягивала шорты. Я надеялась, что мое описание не обманет. Фотографии леса были потрясающими.

Дополнительные пару часов к нашей поездке доказали, что мое живописное описание оправдало наши надежды. Не знаю, как для Пи, но для меня достопримечательности, которым я стала свидетелем, были величественными. Я замедлила свою спешку попасть

туда, куда мы собирались, когда мы проезжали по живописной уединенной дороге. Нас окружали величественные деревья, огромные, каких я никогда в своей жизни не видела.

— Посмотри на все эти красивые цветы, — указала я в окно на поле, покрытое и тонущее в цветах.

— А мы можем их собрать?

— Хмм, лучше не стоит. Давай подождем, когда доберемся до нашего нового дома. Держу пари, мы сможем найти цветы там, чтобы собирать каждый день, — я закрыла глаза ненадолго и вдохнула свежий деревенский воздух. Люди, которые говорят, что не замечают разницы в воздухе, когда покидают Нью Йорк, сумасшедшие. Воздух здесь был освежающим, чистым и восстанавливающим. Как раз то, что мне нужно. Солнце, проникающее через потолочный люк, согревало мое лицо, и я ощущала начало крутых перемен. С нами все будет хорошо. Должно быть хорошо.

Дополнительные два часа к нашей четырехчасовой поездке до нашей конечной цели стоили того. Множество раз мы с Пи выскакивали из машины, чтобы полюбоваться красотой. Жаль, что у меня не было телефона или фотоаппарата. Хотя это не важно. Я выгравировала ее счастливую улыбку в своем сердце.

Пи не могла поверить, что ручей был таким кристально чистым, насколько величественными были деревья, и почему вершины гор покрыты снегом. Она не понимала, как мы могли видеть снег, но были в шортах. Я постаралась как можно понятнее рассказать ей о высоте и расстоянии. Глядя на пейзаж перед собой, никогда не подумаешь, что горные вершины в многих милях отсюда. И мы собирали цветы. Красивые синие, красные, желтые и даже бирюзово-голубые цветы, которых я никогда раньше не видела. Почти как цвет глаз Пи. Потрясающе.

К тому времени, когда мы, наконец, добрались до нашего конечного пункта, Пи устала от поездки и начала ныть. Ей нужно пописать. Она хотела пить. У нее болела задница. Болел животик. Ей нужно было размять ноги. Она хотела есть.

— Чтобы прибыть к пункту назначения, поверните направо, — объявил голос навигатора. Музыка для моих ушей.

— Ты слышала это? — спросила я, не сумев спрятать улыбку. Широкую, дурацкую улыбку. Я это заслужила. За почти четыре дня и 240 миль с Пи я заслужила намного больше, чем просто улыбку. Я заслужила выпивку. Была бы я того возраста, когда уже можно легально купить алкоголь, я бы возможно это сделала.

Подождите! Я уже достаточно взрослая. Я улыбнулась еще шире, вспомнив, что Дженне двадцать четыре, и она может покупать все, что захочет...и Дженной была я.

Я не была уверена, как Пи будет вести себя с другими людьми. Я знала ее достаточно хорошо и понимала, что все должно быть естественно и непринужденно. Она была ужасной актрисой. Она не смогла бы притвориться, даже ради спасения своей задницы. Если она назовет меня Микки, я проигнорирую это, сменив тему разговора. Если она назовет меня мамой, я буду в шоке.

Подойдя к машине с ее стороны, я решила не наставлять ее. — Ладно, давай возьмем ключи от нашего нового дома, — легкомысленно сказала я, подняв ее с ее кресла.

Я зря волновалась, Пи вообще никак меня не назвала, она была слишком занята, рассматривая стайку тропических рыбок. Аквариум был круглым, и она ходила вокруг него, пока я занималась оформлением бумаг.

— Вот Вам, Мисс Бредфорд. Все готово, — сказала приятная женщина средних лет

радостно передавая мне ключи. Уф. Мое сердце немного успокоилось, когда я поняла, что мы вне подозрений. Никто нас не искал. Не здесь. Не в Ясной Долине, штат Айдахо.

Я слегка прислушивалась, как Миссис Вильямс рассказывала Пи о разных видах тропических рыб. Детей похищали каждый день и не находили. Долетят ли новости до этого маленького городка? Он был недостаточно большим, чтобы назвать его городом. В очередной раз те же ужасные вопросы заполнили мой разум, и я забеспокоилась. Я не могла потерять ее. Ни за что.

— Ладно, пойдем, Пи. Нам сегодня многое предстоит сделать. Спасибо Вам большое Миссис Вильямс.

— Не за что. Звоните нам, если что-нибудь будет нужно, слышите?

— Да, мэм. Большое спасибо.

У меня сердце колотилось в груди, когда мы поворачивали на грунтовую дорогу. Мы действительно это делали. Я действительно это делала. Стоп! Просто остановись, Микки. Дерьмо! Дженна. Дженна Бредфорд. Дженна Бредфорд. Я не могла облажаться. Мои актерские способности должны быть безупречными. Второго дубля не будет.

— Мы собираемся жить здесь? — Спросила Пи, оживившись, когда мы приблизились к дому. Я взглянула на нее в зеркало заднего вида, когда свернула на длинную прямую подъездную аллею. Она была подходящей. Пи сможет кататься на своем велосипеде прямо по этому проезду, на велосипеде, которого у нее пока нет. Она напряглась, и глаза загорелись. Фух... она была счастлива.

— Ага, это наш новый дом. Как тебе?

— Мне нравится. Смотри, там вода, — она указала вдаль.

— Это озеро Бейберри. Здесь более пятисот маршрутов и двести пятьдесят озер, — полагаю, что это действительно не имеет большого значения для четырехлетнего ребенка.

— Эй, смотри, какая забавная птичка, — воскликнула она.

Припарковавшись, я повернулась к ней, — Вот, пожалуйста. Дом, милый дом.

Наморщив нос, Пи спросила, — И все?

Ох, нет...

— Что не так?

— Он слишком маленький для дома.

— Зачем нам большой дом? Мы же в любом случае всегда вместе, верно?

— Хмм, да. Могу я отпереть дверь? — Спросила Пи, взяв у меня ключи. Я вдохнула потрясающий вид и чистый воздух. Ощущение тревоги наполнило мои легкие вместе с освежающим воздухом. Еще три глубоких вдоха немного успокоили мои нервы. Мы в порядке. Нас здесь никто не ищет.

— Где все вещи? — Спросила Пи, — здесь воняет.

— Нам придется прибраться здесь, и завтра мы поедем за покупками, помнишь? Я говорила тебе об этом по дороге сюда. Ты хотела себе в комнату Холодное сердце, — напомнила я ей, открывая окна. Какого, блин, цвета была эта комната? Кто покрасил гостиную в яблочно-зеленый цвет?

— Где моя ванная комната?

Кивнув в сторону единственной ванной комнаты в конце коридора, я посмотрела на ее выражение, — Там. — Она не впечатлилась, но не могу сказать, что виню ее за это. Для меня эта ванная комната была нормальной, я жила и в худших условиях. Она — нет. Пи привыкла, что ее баловали подарками и роскошными вещами, которые ей не были нужны.

— Это моя комната? — Спросила она, открывая первую дверь справа.

— Можешь выбрать любую, какую захочешь. Эта выходит окнами на озеро Бейберри, а другая на равнины и горные вершины.

— Я вижу горные вершины из обоих окон. Мне нравится этот дом, — улыбнулась она, и мое сердце успокоилось, — Я выбираю эту комнату, потому что мне нравятся стены.

Это осчастливило меня. — Хорошая идея. — Я ненавидела зеленовато-голубые стены. Думаю, предыдущими арендаторами тут были цыгане. Круто.

— Где мы будем спать?

— На наших одеялах. Мы достанем мебель, когда приберемся.

— Ладно.

Вот так. Это было просто. Избалованная маленькая богатая девочка Лондон Джейн Коаст была счастлива в скромном доме на обычном куске собственности. Теперь, если нам удастся держать наши личности в секрете, успех нам обеспечен. Я зашла в ванную и протянула руку над дверью шкафа, где мне было сказано посмотреть, и вытащила конверт. Ух ты. Это должно помочь.

Глава вторая

Я не осознавала, что делаю, пока нижняя часть моего предплечья не покрылась татуировками. Рисунки из жизни раскрасили мою руку. Я прикоснулась к половинке сердца с неровными краями, вспомнив ее важную роль в формировании той, кем я была.

Забавно, что я никогда, казалось, не заикливалась на первых тринадцати годах своей жизни. Счастливых годах. А вот следующие за ними годы, стали мучением для моего разума. Я взглянула на Пи, свернувшуюся калачиком на полу. Взяв ручку, я заштриховала зазубренное сердце, в то время как в памяти всплыли воспоминания о медальоне.

Мне было тринадцать, за неделю до той новости. Моя мама только что выступила в Чикагском Симфоническом оркестре и была возбужденной от радости. Я любила, когда она была такой после выступления. Сидя в первом ряду, я испытывала гордость за нее как никогда. Моя мама работала больше и усерднее, чем кто-либо, кого я знала. Ничто не могло встать у нее на пути. Даже я.

Конечно, моя бабушка Ронда имела к этому прямое отношение. Мы жили в ее доме, и она заботилась обо мне, пока моя мама заканчивала медицинское училище. И даже после неожиданной смерти бабушки, когда мне было семь лет, мама продолжала бороться за нас. Мы, конечно же, унаследовали дом бабушки Ронды. Мама по-прежнему ежедневно занималась музыкой, и она была лучшей детской медсестрой в Чикаго. Она была занята, и я была занята с ней. Если я не была в школе, или она не была на работе, мы были вместе.

У меня была одна подруга, которую я помню, Карен, но в основном это всегда была моя мама. Она была тем человеком, с которым мне хотелось находиться рядом, и я была более чем рада тусоваться с ней. Именно тем вечером, после ее потрясающего выступления, я получила этот медальон. Она носила одну половинку, и я носила вторую. Моя рука потянулась к разбитому сердцу у меня на шее. Зажав свою половинку в ладони, я постаралась услышать ее голос.

— Мам, он стоит сто восемнадцать долларов. Ты уверена? — спросила я, уже в тринадцать лет представляя, как это дорого.

— Конечно, уверена. Держи, — сказала она, надев мне мою часть медальона на шею. С тех пор я его никогда не снимала

Это было, когда мы были очень счастливы, моя мама и я, и жили в нашем доме на улице Бегония Драйв. В доме, в котором я выросла, с огороженным забором двориком и качелями — шиной, свисающей с дерева в глубине двора. Где у меня была своя спальня со всеми моими вещами. Я проглотила ком в горле, стараясь не думать о последнем дне. Конечно же, именно об этом я и подумала. Я всегда это делала.

Четыре года борьбы. Существует два типа боли: одна, которая мучает вас, и другая, меняет вас. Каково это, когда вы испытываете обе? Я все еще была ребенком. Она все еще нужна была мне в моей жизни. Я не была готова сказать прощай. Я никогда не буду готова отпустить ее.

— Дорогая, есть кто-нибудь, кому бы мы могли позвонить? Где твой отец?

Я слышала слова, которые произносила социальный работник, четко и ясно. Но не воспринимала их. Я вообще не понимала, о чем она говорит. Я повернула голову в сторону женщины, сидевшей напротив нас. Она быстро отвела взгляд, вернувшись к своей газете и прикидываясь, будто ей это не интересно. Любопытная сучка. Мой мозг не сумел послать эти слова к моим губам. Они громко кричали у меня в мозгу, но так и не смогли выразиться в звуки.

— Микки, ты знаешь, где твой отец? — Спросила Мисс Дэвидсон, взяв меня за руку. Я проглотила комок в горле и опять покачала головой, все еще пытаясь вымолвить хоть слово. Она ушла. Все эти годы борьбы. Она ушла. Все мои занятия в средней школе. Она умерла. Это несправедливо. Моя мама не заслужила этого. Я не заслужила этого. Почему я? После всего, чем я пожертвовала ради нее. Почему я? Почему она? Почему моя мама?

Почувствовав горечь в горле, я вскочила со стула и побежала в другой конец коридора. Зеленая желчь забрызгала унитаз, и я заплакала, согнувшись от боли. Нет на свете боли хуже, чем боль от потери мамы. Я никогда не оправлюсь от этого. Как мне дальше жить? Я была семнадцатилетней сиротой, и моя мама умерла. Где бы она не была, это вдруг стало лучшим выбором. Я не хотела жить без нее. Я никогда больше не услышу ее слов. Моя мама умерла.

— Я дам тебе несколько минут, милая. Мы должны позвонить кому-нибудь, кто придет и заберет тебя.

Я плюнула в унитаз и выпрямилась, глядя на нее, — Ах да? Кому же, мисс Дэвидсон? Мой отец стыдится меня, он так и не признался, что является моим отцом. Кому Вы хотите, чтобы я позвонила? Через три месяца мне исполнится восемнадцать, возможно вы сможете включить меня в списки на усыновление.

— Макайла, ты все еще старшеклассница. Мы можем отправить тебя в приют до окончания школы.

— Что тоже случится через три месяца. А что потом? Просто уходите. Со мной все будет хорошо.

— Я не могу этого сделать, Макайла. Ты несовершеннолетняя.

Гм! — Перестаньте называть меня Макайла. Seriously? Вы не можете оставить меня, потому что мне нет восемнадцати, но, когда мне исполнится восемнадцать буквально через три месяца, Вы вышвырните меня на улицу. Очень разумно, — упрекнула я едко.

— Микки, должен же быть хоть кто-то, кому мы можем позвонить. Я действительно не хочу отправлять тебя в чужой дом сегодня вечером.

— Вы сказали, что дадите мне немного времени. Можете просто оставить меня одну?

— Конечно, я пока сделаю пару звонков. Подумай, кому мы можем позвонить. Я передам тебя любому взрослому, который согласится принять тебя. Наверняка у тебя есть друг, которому ты можешь позвонить?

— Я подумаю, — солгала я. У меня никого не было. Последние четыре года я провела, ухаживая за своей умирающей матерью, и все впустую. Она все равно умерла. Я проглотила горький комок и взяла себя в руки. Что мне делать? Мне нужно что-то придумать. Я не собиралась ехать в какую-то приемную семью, не после того, что пережила сегодня.

Я никогда о нем не думала — больше никогда. Должно быть в этом все проблемы. Внезапная вспышка ярости пронзила мою кожу и наполнила меня волной гнева, о которой я даже не подозревала. Я имею в виду, я знала, что ненавижу ублюдка, но не настолько.

Зная, что у меня не было другого выбора, как только сбежать, я выглянула за дверь. Мисс Дэвидсон разговаривала по сотовому в конце коридора. Я показала на свой рюкзак, надеясь, что дама, спрятавшаяся за газетой, проявит свое любопытство еще раз и поможет мне сбежать. Я приложила к губам палец и указала на социального работника.

Да!

Оглянувшись, дама подняла мой рюкзак. Мисс Дэвидсон спрашивала о семье Хендлин, пытаясь найти для меня место. Мне не понадобится ни семья Хендлин, ни какая-либо другая из ее семей.

— Спасибо, — прошептала я, взяв рюкзак и быстро пошла по коридору. Слезы наполнили мое сердце, и оно снова начало болеть. Как только я выйду из больницы, все кончится. Это происходило в действительности. Сделав глубокий вдох, я вышла через двойные двери, чтобы больше никогда не увидеть свою маму снова.

Я шагала вниз по бетонным ступенькам, вдыхая воздух, которого в Чикаго, казалось, не было. Он пропал. Как и моя мама, воздух исчез. Чем дальше я убегала от Мисс Дэвидсон тем ближе была к нему. Два переулка, мост, метро и девять миль спустя я была почти там. Что бы я ему сказала сейчас?

Мне было плевать, кто его окружал. Я надеялась, что вокруг будут сотни людей, клиентура высокого класса, работники и даже его семья. Мне было все равно. Я собиралась обозвать его всеми нецензурными словами, какие только придумала бы. Кем, черт возьми, он себя считал, приехав сюда и насмехаясь мне в лицо? Я бы показала ему. Я бы всем показала, кто я такая. Я сделала бы его церемонию торжественного открытия самой незабываемой из всех, что он когда-либо имел.

Прежде чем я поняла, что делаю, я бежала со всех ног. Мне пришлось. Я слишком боялась. Уверена, если бы я не бросилась бежать, я бы съежилась, превратившись в жалкий плотный комочек, и тоже умерла. Как он посмел приехать в мой город и насмехаться мне в лицо. Как он смеет думать, что выйдет сухим из воды, дважды... я собиралась показать ему. Возможно у меня не так много средств нападения, возможно я даже попаду в тюрьму, но по крайней мере, он будет знать, черт возьми, кто такая Микки Карли. Я хотела убедиться в этом.

Вот тогда я и столкнулась с ним. Называйте это судьбой, называйте это совпадением, называйте, как хотите, но я полагаю, что для этого была веская причина.

Высшие силы заставили мое тело врезаться в него. Я всегда буду верить, что наши пути пересеклись по воле судьбы, а не случайно. Я не уверена на сто процентов, что моя мама не подтолкнула меня к нему. Не знаю, что случилось. Я увидела парня, ходившего кругами и разговаривавшего по телефону. Он был в смятении, размахивая руками и крича на того, с кем разговаривал.

Он поднял руку, ловя машину, вот тогда наши пути и пересеклись, и мы столкнулись. Блейк Коуст ухватил меня за плечи, чтобы я не врезалась в него. Его сотовый телефон упал на тротуар, в то время как он уставился на меня и заорал прямо мне в лицо.

— Смотри, на хрен, куда идешь!

— Простите, — извинилась я, глядя в его темные изумрудно-зеленые глаза. Такими я их и запомнила. Он был связан с ним. Он знал его. Этот парень был как-то связан с Барри Холденом. Он должен был. Я запомнила его на той вечеринке. Он был там, когда мне было пятнадцать. Именно он грубо выпроводил меня на выход. Я запомнила его холодное белое лицо, как будто он был в каком-то трансе. Это был тот же парень. Я уверена в этом.

Хорошо одетый мужчина отодвинул меня в сторону и поднял с тротуара свой телефон. Я остановилась рядом, очень внимательно прислушиваясь к его дилемме. Его машина подъехала к обочине, пока он снова набирал номер того, с кем разговаривал, когда его телефон упал.

Я шагнула к нему, — Эй, можно мне поехать с Вами? Я забыла свой бумажник дома утром.

— Конечно забыла. Уходи.

— Да ладно, чувак. Пожалуйста. Мне нужно выбраться отсюда, — умоляла я, размышляя, вызвала ли мисс Дэвидсон полицию уже.

Его глаза прошились по моему телу с отвращением, — От кого ты убегаешь? Эй, я тебя знаю? У тебя знакомое лицо.

— Я расскажу тебе об этом в машине. Поехали, — уговаривала я его, запрыгнув в подъехавшую машину без приглашения. Я опустила голову и пригнулась, когда мимо проехала полицейская машина. Знаю, что этот парень смотрел на меня как сумасшедшую, но меня это не волновало. Он был моим единственным шансом добраться до Холдена. Я должна была уехать с ним.

— Что ты делаешь?

— Что ты имеешь в виду? Я ничего не делаю.

— От кого ты убегаешь? — Уточнил он, разоблачая мой обман.

Я солгала, — От бывшего. Куда ты едешь?

— В аэропорт. А ты куда?

— О, думаю, аэропорт подойдет.

— Подойдет для чего? — Спросил он с любопытством, — Сколько тебе лет?

— Я могу переночевать там пару ночей, пока не придумаю, что мне делать.

— Чем ты занималась?

— Ничем особенно. Жила со своим бывшим.

— Где твоя семья? — Спросил он.

— У меня здесь нет семьи, я переехала сюда с парнем, я из Флориды. Куда ты направляешься?

Красавец — мужчина поднял указательный палец, шикая на меня, когда зазвонил телефон. — Нью Йорк, — ответил он, прежде чем принял вызов.

Нью Йорк. Это было бы идеально. Моя мама всегда собиралась свозить меня туда... Но этого так и не случилось.

— Конечно, не обращай на меня внимания, — я пожала плечами и оглянулась на город, молча прощаясь с Чикаго. Я сваливала отсюда к чертовой матери. Так или иначе я оставляла город ветров позади.

— Извини, что так получилось, какой-то идиот врезался в меня на тротуаре, — сказал парень в трубку. Зная, что он говорит обо мне, я повернулась и увидела его сердитый взгляд. Я услышала, как девушка быстро говорила ему на ломаном английском, объясняя, что должна уехать.

— Эй, эй, не части. Что значит, ты увольняешься? Ты не можешь уволиться. Я в Чикаго.

— Я к сожалению, мистер Коуст, это мой отец. Я ехать к нему. Лондон у ваш сосед. Я извиняться. Мне нужно ехать.

— Нет. Нет. Подожди, подожди. Ладно, послушай. Я дам тебе прибавку. Я заплачу тебе премию. Я в процессе открытия нового отеля. Ну давай же. Пожалуйста, Патриция, не делай этого со мной.

— Вы деньги не объяснять, почему вы деловая сделка быть важнее меня больной отец.

— Нет, я не это имел в виду. Три дня. Дай мне только три дня.

— До свидания, мистер Коуст.

— Патриция! Патриция. Не вешай трубку. Патриция! — прокричал он в свой отключившийся телефон, — Блядь!

Я слушала, как следующей он умолял помочь ему свою бывшую девушку. Фелицию. Я не могла расслышать все, что она говорила, но все же услышала, как она сказала ему, что они расстались две недели назад, и что у него никогда не было на нее времени, разве что, когда он нуждался в ней, чтобы посидеть с ребенком.

— Потому что я являюсь генеральным директором Зазен Ризотс. У нас ничего не получилось, потому что я не прикладывал к этому усилий. Этот новый отель почти готов к открытию, я больше сюда не приеду. Мы обсудим это, когда я вернусь домой через пару дней. После этого у меня будет больше времени для тебя. Обещаю.

Генеральный директор... Вот оно. Бам... Я знала, что он тесно связан с Барри Холденом.

— Прощай, Блейк, — ответил голос, выдав мне имя. Блейк. Мистер Коуст.

— Мама! — прокричал он сам себе и набрал следующий номер.

— Привет, Блеки. Могу я перезвонить тебе позже? Я готова.

Я слышала каждое слово, произнесенное его матерью. Водитель, возможно, тоже слышал, что она сказала. И тот, что в следующей машине тоже. Сногсшибательная дама.

— Готова к чему?

— Я играю в боулинг. Я тебе перезвоню позже.

— Мама, мне нужно, чтобы ты приехала и побыла с Лондон пару дней. Я в процессе открытия магазина, а Патриция взяла и бросила меня. Она оставила Лондон со стариком Уилсоном, моим соседом. Ты можешь к ней поехать?

— Извини, я не могу. Блейк. Я уезжаю завтра на экскурсию по западу. Меня не будет три недели, помнишь?

— Мама, ты не могла бы отложить это на несколько дней? Умоляю. Ты мне нужна. Пожалуйста.

— Это автобусная поездка, Блейк. Я не могу ее отложить. Знаешь, экскурсии на самом деле не переносятся. Мне жаль. Мне пора. Поцелуй ее за меня. Удачи, люблю тебя.

— Мама, мама. Мам! Блядь.

Колесо фортуны вращалось, как велосипедные спицы, пока я планировала свой следующий шаг. Я поймаю Блейка на приманку, прямо как добычу. Это было слишком просто. Я надеялась.

— Хмм, похоже у тебя проблема. Я могла бы помочь тебе. Видишь, в этом есть смысл. Я оказалась тут с тобой в машине не по воле случая. Я попала сюда неспроста. Мне нужно удрать от своего старика, а тебе нужна няня, — предложила я, объясняя, как бы мы могли помочь друг другу.

— Да ты даже говорить правильно не умеешь. Не хочу, чтобы мой ребенок находился рядом с каким-то гангстером, употребляющим сленг, который даже не может купить себе джинсы подходящего размера.

— Делай, как хочешь, но, по-моему, от этого выигрывают все. Сколько лет твоему ребенку?

— В сентябре ей будет три. — Он действительно об этом думал? — Как тебя зовут? К этому времени я отбивала чечетку от волнения.

— Микки, дай пять, — сказала я, пожав его руку каким-то гангстерским рукопожатием. Даже не знаю, откуда это взялось. Я была комком нервов, но на какое-то время, я не думала о своей матери. Этот парень и его ребенок были единственными, о ком я могла думать. Мне нужна была эта работа.

— Как Микки Маус?

— Нет, как Макайла, но никто никогда не называл меня так. Я всегда была Микки.

— Мне больше нравится Макайла. Что ты знаешь о детях? — Я почти завопила от волнения. Этот парень был идиотом. Вот так запросто он собирался оставить своего ребенка с незнакомым человеком. И премия Отец года присуждается... — Какой у тебя номер социального страхования? Я должен проверить твои данные. У тебя есть хоть какой-нибудь опыт общения с детьми, маленькими детьми?

Черт. Что теперь острячка? — Ах да, да. Я все время нянчилась со своими племянницами и племянниками.

— Номер социального страхования? — Подняв бровь, спросил он. Он держал большой палец на телефоне.

— О, мне нужно будет позвонить своей маме и дать его тебе. Я оставила его дома. А она в круизе, — соврала я, надеясь, что это прокатит, волнение уменьшалось с каждой ложью. Я не собиралась сдаваться.

— И так, у тебя есть братья и сестры?

— Нет. Я единственный ребенок.

— Ты же сказала, что нянчилась с племянниками и племянницами?

— Ах, я имела в виду своих кузенов. — Я задолбалась быть остроумной. Мне нужно было время, чтобы обдумать свою ложь. Я не могла ляпать что попало.

— Твоя фамилия?

— Казино. — Это было легко. Это была девичья фамилия моей матери. Я не назвала ему свое настоящее имя, на случай, если мисс Дэвидсон позвонила в полицию.

Я сделала глубокий вдох, пока Блейк оценивал меня. Я могла только предположить, что он увидел. Я хотя бы причесалась? Должно быть мои глаза заплыли и опухли от слез.

Джинсы, которые на мне, сейчас были на два размера больше, благодаря волнениям из-за моей мамы, и на моей рубашке прямо посередине осталось жирное пятно от сырных палочек, которые я ела вчера.

— В действительности ты не выглядишь как няня. Дай посмотреть твои руки.

Я взялась за правый рукав. Даже для Чикаго, в это время года мне не нужны были длинные рукава. — Зачем? — Спросила я осторожно, придерживая манжету.

— Я не могу позволить своему ребенку находиться рядом с наркоманом. Как ты думаешь, почему?

— Уверяю тебя. Я не принимаю наркотики.

Я посмотрела ему в глаза. Блейк взял мою руку в свою и поднял рукав на моей левой руке. Чисто. Наши глаза встретились, когда он проделал тоже самое с правой рукой. Я увидела, как изумление промелькнуло у него на лице.

— Это ты сделала? Это потрясающе.

— Ага, — сказала я, опуская рукав.

— Ты всегда бездельничаешь и рисуешь на себе? Что это?

— Черный дождь, и только когда у меня слишком много свободного времени. Последние несколько дней мне требовалось отвлечение. Ты собираешься нанять меня или нет? Если нет, мне нужно будет договориться с кем-нибудь еще. — Мы не будем обсуждать мое произведение искусства, растянувшееся сверху вниз по моей правой руке.

— Ладно, Макайла. Я собираюсь принять все это на веру и поверить, что ты не похитишь мою дочь. Но только потому что у меня неприятности. Вот что мы сделаем, я слетаю в Нью Йорк и привезу Лондон, и вы поживете с ней в гостинице.

— Я бы предпочла остаться с ней там. Зачем тебе везти ее сюда? Нет никакого смысла.

— Потому что я не доверяю тебе. Думаю, мне стоит держать тебя рядом.

— Хорошо, как скажешь. По мне, так никакого смысла, но эй, ты здесь босс. Говоря о боссе, сколько ты платишь мне? — Спросила я. Я не собиралась делать это бесплатно.

— Во-первых, — сказал он, указывая на меня пальцем, — Если это сработает, и ты в конечном итоге будешь работать на меня, тебе придется следить за своим языком.

— Извините, сэр. Я была бы рада, если Вы разъясните финансовую сторону нашего соглашения, — уверенно ответила я с прямой осанкой и фальшивой улыбкой. Я могу быть такой умной, какой тебе надо, мудака.

Блейк слегка усмехнулся, — Впечатляюще.

— Итак, где мама Лондон?

— Она поблизости. Типа того.

— Славно, — сказала я, ожидая продолжения объяснений, которого так и не последовало.

— Забудь об этом. Ты же умеешь готовить и убираться, не так ли? “

— Конечно. Знаешь, у меня ведь есть вагина. Это природный инстинкт для большинства женщин, возможно не для женщин твоего класса, но там откуда я родом, мы учимся основным правилам выживания довольно рано.

— Не уверен, что также хочу, чтобы моя дочь находилась рядом с твоим дерзким ртом.

— Прости, я буду следить за собой, — извинилась я. И вот так просто он нанял меня. Что за лох.

Глава третья

— У меня спина болит, — пожаловалась Пи. Я охнула, соглашаясь с ней по поводу боли в спине. Нам нужно достать мебель.

— Мммм, — застонала я, пытаюсь перевернуться на деревянном полу. Моя спина развалилась на три части. Я возможно больше никогда не смогу ходить.

— Это о том, когда мы встретились, правильно, Микки? — Спросила Пи, проведя своим пальчиком по моей руке, покрытой татуировками. Ее пальчик остановился на кольце с огромным бриллиантом.

Я улыбнулась ей и погладила ее крысиное гнездо, которое она называла волосами. — Я взяла тебя на руки, не зная, что у тебя было кольцо-леденец. Оно так сильно запуталось у меня в волосах, что мне пришлось половину из них отрезать, — я рассказала ей эту историю в тысячный раз, и она засмеялась.

— Нарисуй мне на руке такое же, — попросила она, кувыркнувшись назад, чтобы взять ручку. Я схватила ее прежде, чем она отошла и отговорила ее.

— Позже, аллигатор. Давай поедим.

Мы с Пи провели большую часть дня в мебельных магазинах на этой стороне Бойсе (Бойсе — столица штата Айдахо. Через город протекает река с одноименным названием. Прим. пер.). Наше маленькое сельское ранчо являлось как раз конечным пунктом доставки, большинство из этих магазинов не стали бы осуществлять доставку дальше сорока миль. Мне пришлось умолять парня, осуществлявшего доставку, и заплатить лишние 50 баксов за дополнительные пятнадцать миль и доставку в тот же день. Если бы не Пи, которая очень хотела эту мебель, я бы сказала куда ему идти. Это был ее спальный гарнитур, бело-розовая мебель принцессы. Там даже были книжная полка и стол в том же цвете, как будто у нее было место для всего этого. Но она его хотела, а я хотела, чтобы у нее это было.

Мы купили только мебель. Я не хотела напрягаться больше, чем нужно, когда начала уборку. Быстренько пообедав и заскочив в магазин за моющими средствами, мы с Пи начали наводить порядок. Для избалованной богатой маленькой девочки, *Пенелопа* была очень хорошим помощником. Для нее мытье стен было весельем, а для меня это было большой помощью. Она сделала потрясающую работу, помыв стены от пола до туда, куда могла дотянуться. Огромная помощь.

Если не брать в расчет стены цвета яблока, мне понравился этот маленький дом. Он напомнил мне дом, в котором я выросла, прежде чем нам пришлось переехать.

— Эй, здесь полицейский, — сказала Пи, стоя у большого панорамного окна. У меня сердце в пятки ушло, и я подошла к ней, увидев огни на крыше внедорожника. Замечательно. Сердце в груди колотилось, как сумасшедшее. Инстинктивно я передвинула ее за себя, защищая. Открыв дверь, я громко вздохнула с облегчением, когда увидела табличку с именем. Рейнджер Рик. На самом деле. Вот, что на ней было написано.

— Мэм, я рейнджер этой части леса. Меня зовут Рик, я заехал просто, чтобы поприветствовать Вас в Ясной Долине.

— Большое спасибо. Меня зовут Дженна Брэдфорд, а это моя дочь, Пенелопа. Я перестала дышать, ожидая, что Пи проболтается.

— Ну, здравствуй, Пенелопа. Какое красивое имя.

— Меня назвали в честь кролика.

— Ей четыре года, — сказала я, пожав плечами. Уф. Она не открыла свой обычно болтливый рот, рот, из-за которого у меня было столько неприятностей с ее отцом, что и не сосчитать.

— А Вы полицейский? — Спросила Пи. Нужно было сменить тему прежде, чем она сболтнет, что ее папочка в тюрьме.

— Он рейнджер. Это значит, что он защищает животных и землю.

Пи почесала голову, обдумывая это, — Значит, вы не можете сажать животных в тюрьму, — решила она. Мое сердце опять замерло.

Присев на корточки, Рейнджер Рик улыбнулся и объяснил ей, что означает его должность, — Иногда мы сажаем их в клетку, но это больше похоже на карантин. Если они болеют, или есть опасность, что они ранят кого-то.

— Что такое карантин?

— Это что-то типа больницы для животных. Тебе нравится рыбалка? В этом озере водится самая вкусная форель, какую только можно найти. — Поделился Рик, вставая и кивая в сторону озера, находящегося в отдалении, и просторов вокруг него. Здесь нас трудно выследить.

Пи прикрыла глаза от солнца, когда посмотрела вверх на него, — У нас нет удочки.

— Уверен, мы можем найти вам парочку. Не буду задерживать Вас, мэм, хотел просто поприветствовать Вас в Ясной Долине. Здесь достаточно безопасно. Осы в это время года злые, но они вас не побеспокоят, если вы не будете их беспокоить. Если вы не очень хорошо знакомы с видами змей, держитесь подальше от горных выступов.

— Ага, мы не будем навещать никаких змей. Спасибо, что заскочили, — сказала я, пожимая его руку. Я еще не была готова заводить дружбу с соседями. Пока нет. Мне было необходимо больше времени, чтобы потренировать Лондон быть Пенелопой.

Пи и я быстро подстроились под новый образ жизни. Наш маленький домик был идеальным, городок Ясная Долина был достаточно большим, чтобы остаться незамеченными, но при этом достаточно маленьким, чтобы испытывать чувство общности. Мы действительно купили пару удочек и проводили много времени, греясь на солнце и пытаясь поймать рыбу. Но так, ни одной и не поймали. Возможно я и не очень изнеженная девочка, но я чертовски уверена, что и пальцем не дотронусь ни до червяка, ни до рыбы.

Тропы вокруг нашего дома были изучены с большой фантазией. У Пи имелась новая цель каждый раз, когда мы отправлялись открывать новый маршрут. Я любила ее воображение. Я никогда не знала, буду ли переплывать реку Амазонку или восходить на гору Рашмор. Меня устраивало и то и другое.

Рейнджер Рик также был прав насчет ос. За эту неделю меня ужалили больше раз, чем за всю мою жизнь. И Пи также впервые испытала боль от укуса на этой неделе. Она больше не любила пчел, как и я. Мы их ненавидели. Когда одна из них подлетала к нам, мы кричали, размахивая руками, и спасались бегством.

Бесконечные мили земли, природа и новые приключения подарили мне девятнадцать дней без единой жалобы от Пи. В тот день после обеда она была более тихая, чем обычно. Она почти не притронулась к своему сэндвичу с беконом и не захотела посмотреть, как садилось солнце за озеро.

— Что случилось, детка? — Спросила я, расчесывая ее мокрые, спутанные волосы, пока она готовилась ко сну.

— Я больше не хочу быть в отпуске.

О, Боже!

— Мы не в отпуске. Теперь мы тут живем.

— Но не по-настоящему. Я просто хочу вернуться обратно к Ларри и Веронике, сейчас, хорошо, Микки? — Спросила она, повернувшись, чтобы посмотреть на меня.

— Милая, мы не можем вернуться обратно. Там нет папы.

— Там есть бабушка. — Мне тоже не хватало Грейс. Я бы с удовольствием обратилась к ней за поддержкой.

— Может нам стоит раздобыть пару велосипедов. В городе есть велосипедная дорожка, идущая вдоль ручья. Мы могли бы купить фотоаппарат и начать вести альбом. Что ты об этом думаешь? — Я старалась подкупить ее, хотя именно за это я обычно злилась на ее отца. Я просто не знала, как еще справиться с этим.

— Ладно, — согласилась она, свернувшись калачиком под одеялом, на котором была изображена принцесса из мультфильма Холодное сердце. И по правде говоря, я не могла сказать было ли это печальным или радостным. Тем не менее, я избежала разговора, рассказывая сказку, пока она крепко не заснула.

Я вздохнула и поцеловала ее голову, задумавшись, правильно ли я поступила. Должна ли я была оставить ее там? Играла ли я с высшими силами, не имея на это право? Действительно ли я думала больше о ней, чем о себе, или дело было во мне? При мысли о потере Пи у меня кровь стыла в жилах. Я не могла и ее тоже потерять. Было бы также больно, как с мамой. Вот какой большой частью меня она была.

Набрав ванну с клубничной пеной, я постаралась растянуться в ней, насколько эта маленькая ванна позволяла. Я закрыла глаза, вдохнув пар. Ожидая, пока напряжение в моих мышцах ослабнет, я подумала о том дне, когда я потеряла маму и нашла Пи.

Трудно объяснить, но как будто первых нескольких часов после смерти моей мамы никогда не было. Мои глаза закрылись, мышцы расслабились, и мои мысли перенеслись в то время...

Я изо всех сил старалась скрыть свои эмоции за сарказмом. Прямо сейчас мне этот чувак был нужен больше, чем я ему, я раскисну позже, когда буду далеко от Чикаго. Не то чтобы я волновалась, что кто-то ищет меня. В Чикаго было полно более сложных проблем, о которых стоило позаботиться, чем розыск какого сбежавшего подростка, у которого не было семьи, переживавшей за него. Полагаю, я просто хотела уехать, и независимо от того, сработала бы эта штука с мистером Коустом или нет, я не осталась бы жить в Чикаго.

— Срань Господня! Ой. Извините, — воскликнула я, прямо перед тем как хлопнуть рукой себе по рту. Идиотка. Мистер Коуст ничего не сказал, но я очень быстро научилась различать неодобрительное выражение лица. Правая бровь приподнялась, а левый глаз прищурился, уголки губ искривились, — Я сказала, что извиняюсь. Боже. Посмотрите на это, это безумие, — заявила я, проведя пальцем по дубленой коже. Теперь я знаю, что такое летать с шиком. Дерьмо! Летать? Впервые я собиралась парить в небе выше птиц.

— Что случилось? — Спросил мистер Коуст.

— Я раньше никогда не летала на самолетах.

— Шутить? Я думал в наши дни каждый летал на самолете хотя бы раз, независимо

от возраста.

— Но не я. Я никогда не уезжала из этого города.

— Никогда?

Мой речевой фильтр перестал работать в согласии с фильтром в голове. — Нет... Ой, черт.

— Ага, черт. Итак, Флорида, а? Пошли, — сказал мистер Коуст, ведя меня обратно к выходу. Я не могла вернуться обратно тем же путем. Тот мост разрушился еще до того, как я покинула больницу. Тот мост рушился, пока я держала руку своей матери и плакала, всего несколько часов назад. Он распался на множество маленьких кусочков, когда грудь моей матери поднималась все медленнее, вплоть до последнего вдоха. Я проглотила слезы и взмолилась.

— Хорошо, я солгала об этом. И что? Вы все равно туда едете, по крайней мере позвольте мне доехать с Вами. Пожалуйста?

— И зачем мне это? Возможно ты только что ограбила банк или что-то в этом роде. Я не верю ни единому слову, вылетающему из твоего рта, и я не хочу, чтобы ты влияла на мою дочь, — завопил он, повышая голос. Он прошелся по моему телу взглядом, полным отвращения. Да пошел он. Мне не нужна его снисходительная эгоистичная задница. Мне нужно, чтобы меня подвезли. И это все.

— Послушайте, мистер Коуст.

— Перестань называть меня так, я не такой старый.

— Я не плохой человек, клянусь. Я просто девушка, от которой отвернулась удача, и я умоляю Вас хотя бы просто подвезти меня до Нью Йорка, — попросила я, тихим, умоляющим тоном. Я увидела, что он сдался по расслабившемуся выражению.

— Больше никакой лжи. И лучше бы тебе не быть замешанной в каких-либо неприятностях.

— Клянусь Богом, никаких неприятностей.

Фу. Пронесло. Я тоже расслабилась и села на кожаный диван. Ух ты! Это безумие.

— Вы выглядите слишком молодым, чтобы быть генеральным директором чего-либо. — Спросила я, выглядывая в иллюминатор.

— Владелец и сам достаточно молод. Сорок лет?

— Да, этот парень ненормальный. Кто меняет свое имя на то, которым называется его бизнес?

— Миллионеры как Зазен. Ты его знаешь?

— Лично нет. Он разрушил благотворительную столовую. Я видела его в новостях.

— Он ничего не разрушил. Он отреставрировал старое здание.

— Да без разницы.

— Да что ты вообще знаешь? Зазен самый умный человек, которого я знаю. Он взял одно старое здание в центре города и превратил его в компанию на миллион долларов, когда ему еще не было и сорока.

— А как Вы получили эту должность? — Спросила я больше для себя, чем для него. Возможно я пару раз вышла за рамки, но он отвечал, и он уже достаточно хорошо понимал, как работает моя система фильтрации. Никак.

— Я много работал, чтобы попасть туда. К тому же я знаю владельца. Это помогает, — ответил Блейк, наливая нам обоим вино. Еще одно впервые. Единственный алкогольный напиток, который я когда-либо пробовала, это отвратительное теплое пиво

моей мамы однажды ночью. Я не была, как вы бы назвали слишком оберегаемой, просто я была занята. Я понимала все, что происходило на улицах, но это не значит, что я тоже этим занималась. Моя мама находила для нас занятия, а потом я была занята ее болезнью. У меня никогда не было возможности быть такой, как большинство девочек подростков.

— Итак, расскажите мне о Лондон, — попросила я, вцепившись в кресло, когда самолет мчался все быстрее и быстрее по взлетной полосе. О, черт. О, черт. О, черт.

— Зачем? Я только что сказал тебе, что не нуждаюсь в тебе.

— Аааа, он и должен так шуметь? — Спросила я. Возможно я увижу свою маму раньше, чем предполагала.

— Расслабься. Мы не разобьемся.

— Обещаете? — Умоляюще спросила я, уставившись на удаляющуюся все дальше и дальше землю. Вскоре я уже не могла разглядеть город. Подумав о том, что я оставила ее, мое сердце накрыла внезапная волна вины. Я была в крутом самолете, а она в морге. И приз дочь года вручается кому, мне?

— Да, обещаю, — засмеялся он.

Я очень старалась не думать о моей матери, я сказала себе, что это больше не она. Что от нее ничего не осталось кроме разлагающегося тела. У нее больше ничего не болело, и это больше была не она. Моя мама была ангелом в прекрасном месте, в котором она наконец-то стала свободной. — Вы собирались рассказать мне о Лондон? — упрасивала я.

— Нет, не собирался. Я тебя уже уволил.

— Нет, не уволили. Вы знаете, так же точно, как сейчас летите в небе, что я Вам нужна, возможно даже больше, чем Вы мне.

— Сомневаюсь. Нью Йорк не место для хорошеньких бездомных девушек. Тебе не надо будет беспокоиться, как прожить на улице. Какой-нибудь злодей мигом воспользуется тобой для извращенных удовольствий. Могу поспорить, ты сможешь заработать кучу денег какому-нибудь стильному сутенеру.

— Я справлюсь. Скорее ад замерзнет, чем я когда-либо буду отсасывать за деньги. Черт. То есть, блин. Извините, — повторила я. Черт побери, Микки, соберись.

Блейк рывком открыл газету и уставился на меня поверх нее. Давай, Микки. Не вздумай все испортить. Я особо не рассчитывала найти безопасное место для ночлега в чужом городе, в котором проживали восемь миллионов человек.

— Лондон нет еще и трех лет. Так что не о чем особо рассказывать.

— Сколько часов в неделю Вы работаете?

— Восемьдесят, девяносто, зависит от обстоятельств. Мне нужен кто-то, кто мог бы находится с ней двадцать четыре часа. Семь дней в неделю. Я никогда не знаю, когда или где я буду. Моя помощница замечательно справляется, поддерживая меня в рамках моего расписания, составляемого примерно на две недели. Так что тебе придется подстраиваться под меня, если понадобятся день или два выходных. Я не подстраиваюсь под тебя. — Заверил он меня поверх газеты.

Да! Сказала я, победоносно махнув кулаком в уме. Я знала, что нужна ему больше, чем он мне.

— Все что у меня есть, это время. — Улыбнулась я ему победно. — И как долго Вы работаете по столько часов?

— С колледжа.

— Это было?

— Шесть лет назад.

— Итак, Вы говорите мне, что не знаете, что любит Ваш ребенок, потому что в действительности почти не проводите с ней время, правильно?

— Мне не нужны советы, как заботиться о своей дочери. Нам стоит установить несколько основных правил. Если продержишься следующие три дня, я составлю договор.

— Как угодно, — я пожала плечами. Я просто констатировала факты. Парень ничего не знал о своей дочери, потому что его никогда не было рядом. Насколько трудно это будет? Я смогу справиться с одним ребенком.

Я опять запаниковала, когда почувствовала, что самолет начал снижение. Думаю, от вина у меня немного закружилась голова.

— Смотри в окно.

— Что?

— Смотри в окно. Мне это всегда помогало, когда я раньше боялся летать.

Я повернулась и уставилась широко раскрытыми глазами в окно на облака. Лжец. Стало еще хуже.

Я опять повернулась к нему, — Как долго еще до посадки?

Блейк указал в потолок, когда мы услышали звонок, пилот собирался сделать объявление.

— Все готово для посадки. Впереди чистое небо, мистер Коуст. Ваш рейс прибудет вовремя примерно через двенадцать минут. Хорошего Вам дня, сэр.

— Двенадцать минут? Сколько это миль? А мы не должны уже снижаться? — Забеспокоилась я. Придурок засмеялся.

— Расслабься. Разве я не обещал тебе, что мы не разобьемся?

Себе на заметку: никогда в жизни больше не садиться в самолет.

Думаю, я была близка к потере сознания от гипервентиляции, прежде чем мы наконец-то приземлились. Это были вторые самые ужасные двенадцать минут моей жизни. Первые были несколько часов назад.

— Что это было? — Сказала я, ощутив, как что-то сломалось внизу самолета.

— Это шасси. Колеса нужно выпустить, чтобы мы смогли приземлиться на землю. Мы приземлимся прежде, чем ты поймешь. Ты ходила в школу в Чикаго? Ну, поскольку ты на самом деле не из Флориды.

Я знаю, что Блейк старался отвлечь меня от мыслей о моей смерти из-за падения самолета, но я все еще была в состоянии паники. Я не ожидала, что буду реагировать именно так. Хотя, с другой стороны, я также не думала, что буду находиться в самолете.

— Нет, то есть, да. Но в настоящее время нет. С тринадцати лет я стала обучаться онлайн. — Хммм. Надеюсь у него есть компьютер. Я обещала маме, что закончу школу и пойду в колледж.

— Теперь понятно, такие вещи еще одна плохая идея. Когда я был ребенком, то ходил в школу из кирпича и цемента, где нас учили быть общительными. Думаю, это половина того, что не так с этой страной. Всегда одно и то же. Бедный ребенок. Я полагаю, нужно делать ребенка ответственным и отправлять его задницу в школу. Никто не хочет вставать и отправляться в школу, но это учит нас ответственности. Современные дети думают, что кто-то им обязан.

Я держала язык за зубами и оставила свое предвзятое мнение при себе. Говнюк, ни черта не знает. Наивный, вырос, купаясь в деньгах. Не рассказывай мне об

ответственности. Затаив дыхание, я приготовилась к падению. Самолет подпрыгнул один раз, потом второй, затем плавно подкатился к дальней стороне аэропорта. Телетраны быстро промелькнули мимо, и мы остановились в конце взлетно-посадочной полосы. Пилот остановился у обочины парковки, мы спустились по трапу и сели в ожидавшую нас машину. Этот парень был чертовски богат.

Глава четвертая

Я заварила себе горячий чай и вышла обратно на открытую веранду. Ясная Долина была красивой, особенно ночью. На небе сияли и переливались звезды, яркие звезды, миллионы звезд. Совсем не так как в городе, кучка там, кучка здесь. Это было волшебно. Я вдыхала магию через нос и надеялась на лучшее. Это было правильно. Я это знала. Я прокручивала это у себя в голове миллион раз. Я все сделала правильно.

Я прислонилась к столбу, согнула руку так, чтобы свет падал на нее и провела длинную прямую линию от кисти к центру локтевого сгиба, в то время как мои воспоминания вновь нахлынули на меня.

Как только мы оказались в машине, которая везла нас по Нью-Йорку, Блейк перестал обращать на меня внимание. Он был очень занят разговором с каким-то парнем по имени Райан и полностью поглощен обсуждением расстановки моделей. Я слушала его в пол уха, одобряя или не одобряя моделей, которые должны будут работать на подиуме в день открытия.

Я никогда не была в Зазен Лакшери Ризорт, но много раз слышала это название по MTV и развлекательному каналу. Я знала, что это была сеть шикарных отелей, которые обслуживали богатых и знаменитых. Блейк планировал какое-то грандиозное открытие одного из них, когда его вызвали обратно в Нью-Йорк, чтобы решить сложный вопрос с его дочерью.

Мама, посмотри на меня. Я в Нью-Йорке.

Она хотела, чтобы я двигалась дальше и была счастлива. Ну, я двинулась. Быстро. Даже волнение от того, что я нахожусь в переполненном городе, взволновало меня, оставляя мало места для грусти. Не сейчас, во всяком случае. Нам потребовалось почти полтора часа, чтобы пробраться через весь город в центр Манхэттена. Срань Господня. Я была в Нью-Йорке.

Это было слишком много для одного дня. Слово Зазен отделилось от слова Ризорт, когда средневековые ворота открылись, приглашая нас внутрь.

— Святое д-д-рыбные палочки, — воскликнула я, вовремя поправившись, потому что такой язык не нравился Блейку Коусту. — Это словно другой город. Город в городе. Вы живете в отеле?

— Типа того. Ты получаешь лучшее из обоих миров. За оградой. Не должно быть никаких причин, чтобы ты выводила Лондон за эти ворота. Я бы предпочел, чтобы ты с ней оставалась по эту сторону ограды.

— То есть, Вы не берете нас с собой в Чикаго?

— Нет, но к твоему сведению, все в этом отеле знают, кто моя дочь. Я скажу Ларри,

чтобы он присматривал за тобой. Поняла?

— О Боже, правда? Я надеялась осмотреть достопримечательности.

— Сможешь сделать это, когда я вернусь. Позади отеля есть бассейн, современный тренажерный зал на первом этаже, теннисные корты и даже ресторан, но держись от него подальше. Ты на самом деле не тот тип, чтобы обедать там, — добавил Блейк, еще раз оглядев мой прикид. Я ничего не могла поделать. Если бы этот парень знал, что мне недавно пришлось пережить, он бы понял почему я не могу есть, почему мне плевать на пятно на моей рубашке, или почему мои волосы собраны в беспорядочный пучок на затылке.

— Что это значит? — Спросила я в свою защиту.

— Увидишь через пару минут. Ты почувствуешь себя не в своей тарелке.

Если и была хоть одна вещь, которой моя мама научила меня, так это никогда не чувствовать себя не в своей тарелке. Только потому что этот парень разгуливал в дорогом сшитом на заказ костюме и галстуке, не означает, что я хочу походить на него.

Водитель открыл мне дверь и кивнул, нахмурившись. Даже когда я улыбнулась ему, он продолжал хмуриться.

— Подожди здесь, — сказал Блейк, оставив меня на каменной подъездной дорожке. Ух ты, даже круговая подъездная дорожка была великолепна. Я закинула свой рюкзак на плечо, наблюдая как Блейк удалялся. Фонтан был изящным, и я гадала, кто бы это мог быть; возможно смесь херувима и пухлого ангела.

Мужчина, одетый в форму убийственно белого цвета, подошел ко мне с парадного входа,

— Здравствуйте, мисс Макайла. Я покажу Вам, где Вы будете жить, — я кивнула, задаваясь вопросом, куда ушел Блейк и почему бросил меня. Я поняла это, когда вошла в здание.

Вот черт!

Ого.

Это место было умопомрачительным, как пятизвездочный курорт. Ах, да. Это и был пятизвездочный гостиничный комплекс. Там была стойка обслуживания клиентов, красивый мягкий уголок и самая яркая люстра, какую я когда-либо видела. Свет от люстры плясал по бордовому роскошному ковру, и я очень сильно старалась сдерживать изумление.

Стараясь не показывать, что я чувствовала себя не в своей тарелке, я заметила двух стильных высокомерных жениц, которые шептались о чем-то, а потом рассмеялись надо мной и моим внешним видом. Мило, не правда ли? Одна носила высоченные каблуки, а у второй были серьги, похожие на висевшую люстру.

— Девушкам здесь, должно быть, требуется больше времени, чтобы созреть, — сказала я с отвращением, улыбаясь обоим бесчувственным стервам. Да пошли они! Они были не лучше меня, и я не собиралась позволить им думать обратное.

Мой провожатый ухмыльнулся:

— Возможно, лучше ничего не говорить, — дал он мне ненужный совет. Я ничего не ответила. Пусть думает, что хочет, как и те две, которые были богаче, чем тысяча бродяг. Становилось еще безумнее. Полагаю, я не представляла, сколько денег необходимо иметь, чтобы владеть частным самолетом. Это место было нелепым.

— На какой этаж мы поднимаемся?

— Пятьдесят восемь — шестьдесят, северное крыло.

— Что Вы имеете в виду? Типа он занимает два этажа?

— Да, северный пентхаус. Мисс Лора Уилсон живет в восточном пентхаусе.

— Где он? Куда он ушел?

— У меня нет полномочий спрашивать мистера Коуста о его делах, — сообщил мне неприветливый пожилой мужчина. Высокомерный старикашка. Я очень надеялась, что не все в Нью-Йорке такие высокомерные.

Я опять перестала дышать, когда мы наконец остановились на пятьдесят восьмом этаже. Когда двери лифта открылись, нас ожидал обалденный вестибюль из белого мрамора. Я могла бы спать прямо тут. Без проблем. У кого есть свой собственный частный вестибюль? Ух ты...

Я закрыла рот и посмотрела налево, откуда доносился шуриющий звук. Если не брать в расчет вычурного платья с рюшами, малышка была чертовски красива. У этого парня будут большие проблемы лет через десять. Первое, что я заметила, это ее длинные ресницы и бирюзовые глаза

— Привет, — сказала я, опустившись на одно колено перед ней. Боже мой!!! Этот ребенок был прекрасен. Ее светло каштановые волосы были слишком длинными для девочки, которой еще не было и трех лет; почти по пояс. Она сжала губы и съежилась за папиными ногами.

Блейк уронил ее сумку, а затем свой телефон. Я поймала кружку непроливайку в воздухе.

— Как ты думаешь, может ты сможешь помочь? Забери ее, — приказал он, собирая свои вещи.

Я взяла ребенка на руки и уставилась на Блейка.

— Может быть, если Вы оставите свой телефон на пять секунд, Вы перестанете все ронять. — Блин. Я опять это сделала, но черт возьми. Этот парень ничего не понимает. Никогда раньше не видела таких широких шор на ком-нибудь.

— Ты ведь понимаешь, что должна помогать, так ведь? Я предлагаю тебе держать свое мнение при себе, если хочешь сохранить эту работу по истечении трехдневного испытательного срока.

Когда Блейк открыл широкие двойные двери, мой вздох был отчетливо слышен. Ни фиги себе, ни фиги себе и ни фиги себе! Других слов у меня не было. Мой взгляд метнулся к массивной стене из стекла, но мои охи-вздохи вызвало то, что было выставлено на обозрение перед стеклянной стеной.

— Макайла, у тебя есть сотовый телефон? — Спросил Блейк, просматривая электронные письма и набирая ответы пальцами на своем телефоне со скоростью тысяча слов в секунду.

Я посмотрела на телефон, стоявший на изысканном столике сразу около парадного входа.

— Нет, а стационарный телефон не работает?

— Работает.

— Это что Аугуст Фёрстер? Моя мама с ума сходила от этого рояля. То есть она бы визжала до потери сознания над этой штукой. (August Förster — Аугуст Фёрстер, рояли, Германские инструменты известной марки мирового исполнительского класса премиум, уже более 150 лет выпускаются в Германии, неизменно на исторической родине в саксонском Лёбау. Стоимость варьируется от 2 мил. рублей до 6 млн. рублей и выше. Прим. пер.)

— Ты знаешь, что такое Аугуст Фёрстер? — Спросил Блейк, хмурясь.

— Вы играете? — Спросила я, подойдя к роялю и держа Лондон на руках. Мои пальцы скользили по глянцевым белым блестящим клавишам, и эмоции всколыхнули что-то в моей душе. Что-то, что оставила там моя мама.

— Немного. А ты?

— Немного, — беспечно ответила я, передвинув эту маленькую девочку к себе на бедро.

— Сколько тебе лет?

— А Вам сколько лет?

— Почему ты не можешь просто отвечать на мои вопросы?

— Я уже говорила Вам, что мне восемнадцать, — нервно ответила я. Я ненавидела вранье. Я погрязла в нем.

— Когда тебе будет девятнадцать?

— В сентябре. Когда Вам будет двадцать восемь?

— Следи за своими словами. Двадцать пять. Ладно, мне пора. Вот моя кредитная карта. Купи себе какую-нибудь одежду.

— Вы сказали не выходить за пределы территории.

— В моем кабинете есть компьютер, которым ты можешь пользоваться. С его помощью ты найдешь кучу одежды. Я скажу Ларри, чтобы он потом принес тебе сотовый телефон. Хочу, чтобы ты всегда была на связи. Ладно, увидимся позже, Лондон. Будь паинькой с Макайлой. Я позвоню, когда долечу. Уже почти шесть. Она должна поужинать и принять ванну.

И это все. Он ушел.

Когда дверь захлопнулась, в комнате повисла тишина. Я повернулась к Лондон, а она пристально смотрела на меня, никто из нас не произнес ни звука.

— Ты умеешь говорить?

Тишина. Боже. Эти глаза. Теперь, когда я посмотрела на них поближе, я поняла, что они были темнее. Интересный бирюзовый цвет сменился на темно изумрудный, как у ее отца.

Я поставила Лондон на пол, но она не отпускала меня. Ее липкие пальчики запутались в моих волосах вместе с вишневым леденцом — кольцом, одетым на пальчик. Я знала, что она пахла забавно. Я забила на это, поскольку богатые дети так пахнут, как вишня. Как только ее пальцы выпутались из моих волос, я отвела ее в ванную комнату с поднятыми вверх руками, ощущая, как липкая конфета дергала мои волосы, когда я шла.

— Святое ддд... — сдержалась я, не сказав вслух слово, которое я не хотела, чтобы она повторила перед своим отцом. Эта ванная комната была обалденной. Восхитительной. Сначала я вымыла липкие руки Лондон, потом стянула с нее через голову кружевное платье. Почему двухлетняя девочка должна ходить по дому в таком виде, было выше моего понимания.

— Подожди-ка. Ты носишь памперсы? Разве тебя не должны были научить пользоваться туалетом? — Спросила я. Я не так много знаю о детях, но я знаю, что этому ребенку через три месяца будет три года. Я полагала, что она умеет пользоваться унитазом. Набрав ванну, я посадила ее в воду. Она могла бы плавать в этой штуковине, но не плавала. Она просто сидела в ней и гладела на меня своими глазами, вновь ставшими бирюзового цвета.

— Как тебя зовут? Меня зовут Микки, — объяснила я ей, глядя на ее через зеркало, пока

отчаянно пыталась вытащить из своих волос инородный липкий объект. Лондон до сих пор не ответила. Она сидела в ванне неподвижно, пока я в течение десяти минут боролась с конфетой, стараясь освободить от нее мои волосы. К сожалению, пришлось прибегнуть к помощи ножниц.

— *Triste, (печально — с испанского. Прим. пер.) — тихо сказала Лондон. Мое сердце растаяло. Боже мой! Это был самый миленький голосок, какой я слышала за всю свою жизнь. Я понятия не имела, что она сказала, но это было восхитительно.*

Я улыбнулась. Но она не улыбнулась в ответ. Она только гладела на меня этими глазами, которые еще не умели читать. Лондон позволила мне искупать ее, вымыть ей волосы и одеть в самую дурацкую ночную рубашку в мире. Кто захочет спать в таком количестве кружев?

Это было началом, нас соединили невидимые узы, и я представить себе не могла, чтобы их можно было когда-либо разорвать. Этот ребенок стал единственным значимым для меня существом. Я вытащила пробку из ванны, стряхивая с себя прошлое, когда поняла, что вода в ванне стала совсем холодной. Тесная ванна напомнила мне о том, что я была очень далеко от Нью-Йорка, и Пи спала в безопасности под своим уютным одеялом из ‘Холодного сердца’ и на простынях безумного розового цвета.

На следующее утро я проснулась раньше Пи и соскребла щеткой свою жизнь, наблюдая, как черный дождь вращался в раковине и смывался в водосток. Я старалась не показывать ей эту мою сторону, хотя иногда она видела. Я наблюдала, как символы моей жизни стирались с моей кожи, и чувство безнадежности вновь появилось во мне.

— Произошло что-то нехорошее, — сказала Пи, стоя в дверях.

— Что-то вроде чего? — Недоумевая, спросила я, вытерев полотенцем свою красную чисто вымытую руку.

— Это, — захихикала она, кружась вокруг себя. На ее пижамных штанах, на заднице была дырка в форме буквы L. Похоже она только что их разорвала.

Я тоже захихикала.

— Что ты сделала?

— Я соскользнула с подоконника. Моя попа зацепилась за скобу.

Слава Богу. Пи забыла о своей ностальгической просьбе вернуться домой прошлым вечером.

— Чем хочешь сегодня заняться? Я подумывала о том, чтобы прогуляться к реке. Рейнджер Рик говорил, что мы можем взять хлеб и понаблюдать за пескарями, кишащими в косяках.

— Ладно, мы можем представить, что они огромные белые акулы, но могут мутировать в наземных животных, поэтому нам придется построить стену, чтобы не дать им выбраться.

У меня голова кружилась от того, где она этого набралась, но я предпочитала болтать о побеге воображаемых трансформирующихся акул. Это гораздо лучше, чем продолжать разговор о конце нашего отпуска и возвращении домой.

Упаковав обед и рюкзак, полный амуниции для завоевания тварей-трансформеров, мы с Пи отправились на поиски новых приключений. Она бежала впереди меня, подпрыгивая вверх и вниз от нетерпения, желая найти речку. В руках Пи держала карту великого леса и

направила нас к тропе, ведущей к мелкому ручью.

— Эй, смотри, собака! — Воскликнула она, побежав вперед.

— Пи, вернись. Нельзя подбегать к незнакомым собакам. Пи! Я серьезно, — закричала я, увеличивая свой темп.

— Все в порядке, мама. Она не кусается, — услышала я мужской голос.

Пи не обратила внимания на ремарку мама. Она была слишком занята этой очень большой собакой.

— Это достаточно близко, — сказала я, но она не обратила на меня внимания и погладила собаку по голове.

— А что он за собака? — спросила она, проигнорировав все, что я говорила.

— Это она. Ее зову Сэди, а меня зовут Квинтон, но друзья зовут меня Куинн. Ты тоже можешь звать меня Куинн, если хочешь.

Я настороженно наблюдала за общением Пи с незнакомцем. Позже нам предстоит серьезный разговор об этом.

— По настоящему меня зовут Лондон Джейн Коуст, но я притворяюсь Пенелопой, — я быстро пришла в себя, когда она продолжила, — Мы собирались бросать хлеб в воду и построить ловушку для акул, чтобы они не выбрались за нами на сушу.

Куинн засмеялся и пожелал ей удачи. Он не обратил ровным счетом никакого внимания на ее слова по поводу имени, под которым она притворяется. Он не придавал этому значения, как и воображаемым акулам. Фух...

— Дженна, — я протянула свою руку, так как он первым протянул свою. *Ладно, теперь двигаемся дальше.*

Куинн болтал с Пи еще пятнадцать минут, отвечая на вопросы о собаке, а потом о рыбе.

— А ты тут поймал хоть одну рыбку? — Оживленно спросила Пи, — Мы с Микки не умеем ловить рыбу, — объяснила она. Я посмотрела на Куинна, чтобы увидеть его реакцию на мое имя.

Он никак не отреагировал. Он не обращал внимания на вещи, о которых она подсознательно говорила правду, списывая это на ее буйную фантазию.

— Ты выдумщица. Я водила тебя сюда на рыбалку много раз.

— Но мы ничего не поймали. Мы только рыбачили.

— Да, да, к чему ты клонишь? — ну и что, если я не рыбак. Мы хорошо повеселились, пытаюсь.

— А что вы использовали в качестве наживки? — Спросил Куинн, скорее меня, чем Пи. Она уже отошла, играя с собакой. Пи кидала палку на середину ручья, а Сэди бежала за ней.

— Мы использовали все, кроме живца. Мы обе пытались, но извивающиеся черви, это слишком. Мы громко визжали, а потом отпустили их, — рассказала я правду, — Нам достаточно и корочки пиццы. Маленькая рыбешка клюет ее, а Пи смотрит. Вот и все, что имеет значение.

— Вы должны есть ее.

— Ой, нет, не должны. Если мы захотим рыбу, мы найдем кого-нибудь другого, кто почистит ее.

— Это называется разделка на филе. В этом пресноводном ручье водится самая вкусная форель, какую вы когда-либо пробовали. Пи, иди сюда. Я тебе покажу, — предложил Куинн. Здорово... Мне не нужен рядом симпатичный парень, который будет нас учить чему-либо. Я здесь не для этого и абсолютно уверена, что мне это не нужно.

Конечно же, я ничего не сказала. Куинн открыл небольшой контейнер и скатал какую-то субстанцию, похожую на тесто, в маленький твердый шарик. Показав Пи, как насаживать наживку на крючок и не уколоться, он научил ее забрасывать удочку. Должна признаться, в этом он был намного лучше, чем я. Я сидела на песчаном берегу и наблюдала, как Пи радовалась жизни рядом с этим парнем, который нашел время, чтобы уделить ей внимание. Почему девушки всегда хотят внимания мужчины? Если этот парень был милым, чтобы подкатить ко мне, он жил в другом мире. Не в моем.

— Вы живете неподалеку? — Спросила я из любопытства, пока он вместе с Пи ждал, когда пятая рыбка попадется на крючок. Она была в рыбном раю.

— Вообще-то, нет. Я работаю егерем в Симарроне, а здесь я в отпуске, приехал порыбачить, — улыбнулся он мне. Здорово! Я только что стала свидетелем того, как он со мной флиртовал. Мои глаза быстро переметнулись к Пи, когда он пытался удержать мой взгляд. Нет, спасибо, приятель. Мне и одной хорошо. Хотя я знала о Симарроне. Я собрала кое-какую информацию о нем, когда решала, куда мы поедем.

— Как долго Вы здесь пробудете? — Спросила я, надеясь, что он не задержится тут надолго.

— Только вчера приехал. Я живу в коттедже в Мун Бэй. Три, четыре дня, этого должно хватить.

Я изучала его, чувствуя, что есть какое-то скрытое послание. Этого должно хватить? Что это значит? Моя паранойя немного ослабла, когда он объяснил по поводу коттеджа.

— Это коттеджи вдоль маршрута Дэндилеен Треилс. Вам уже доводилось ходить этим маршрутом?

— Мы ходили туда? — Спросила Пи, поворачиваясь ко мне.

— Не думаю.

— Ты можешь показать нам, если хочешь. Мы живем в Нью-Йорке, правда, Микки?

Давай, Пи. Так? Я улыбнулась ей и кивнула, не собираясь признаваться в этом. Особенно тому, кто носит значок. Я не знала, что входит в обязанности егеря, но была уверена, что он может сделать нужный звонок, чтобы меня арестовали.

Куинн научил ее не только тому, как использовать менее грубые наживки для ловли рыбы, но также научил ее чистить рыбу. Она вскрикнула пару раз, но сделала это. Мало того, что помогла ему почистить рыбу, так ей еще понадобилось взять и пригласить его пообедать этой рыбой. Я убью ее.

Глава пятая

Должна признаться, что мы с Пи весело провели время с Куинном, и он оказался довольно хорошим поваром. Куинн был прав. Это была лучшая форель в округе, и я была вполне уверена, что он не знает обо мне. Он был милым парнем, и, если бы я не была так одержима кем-то другим, я, возможно, дала бы парню шанс. К тому времени, как я столько раз намекнула, что ему пора уходить, было уже девять вечера. О, Боже.

— Если хочешь, приходи завтра, — предложила Пи, погладив собаку в последний раз.

— Иди в ванну, — проворчала я. Она засмеялась и смылась, — Извини за это. Ее иногда заносит.

Куинн фыркнул и улыбнулся мне.

— Где ее отец?

— Он в Нью Йорке.

— Развелись?

— Никогда не были женаты.

— Он ее навещает?

— Отчасти. Прямо сейчас его задержали дела. Он довольно занятой человек.

— Вы останетесь здесь жить, или это только на лето?

— О, мы вернемся домой до начала учебного года, — солгала я, желая избавиться от симпатичного егеря. Я воздержалась от расспросов о его личной жизни, мне не нужно было ничего о нем знать.

Все пошло не так. Конечно же. С чего бы мне все давалось легко? Пи притащила нас на то же самое место на следующий же день. Она поймала нам ужин на наживку, похожую на тесто, как научил ее Куинн, и была полна решимости почистить эту скользкую рыбу самостоятельно. Ни при каких обстоятельствах я не дала бы ей ничего острее ножа для масла. Последнее, что нам нужно, так это поездка в травм пункт.

Хотя мне гарантировали, что наши удостоверения личности сработают везде, где мне необходимо, я не хотела рисковать. Дама с искаженным голосом заверила меня в подлинности наших удостоверений личности, и в тоже время посоветовала особо не высовываться в первые двенадцать месяцев. Не открывать счетов для кредитных карт, платить только наличкой, держаться, по возможности, подальше от общественных мест, всегда иметь наготове сумку с необходимыми вещами и не заводить друзей. Чем меньше будет людей рядом с нами, тем лучше для нас.

Именно поэтому я выбрала Ясную Долину, когда искала куда податься. Я знала, что это место является приманкой для туристов, и много людей приезжало и уезжало каждый день. Никто не обращал внимания на подозрительных маму и ребенка. У меня заняло девятнадцать дней, чтобы понять это. Девятнадцать дней, чтобы моя бдительность снизилась, и я сделала глупость из-за отвратительной интуиции на людей.

Куинн спас ситуацию, когда пришел как раз во время спора об остром ноже, который Пи не могла получить.

— Ты что-нибудь поймала? — крикнул он, Сэди бежала рядом с ним.

— Я всех их поймала. Сама, а моя мама не позволяет мне их разрезать, — объяснила Пи расстроенно. А-а-а-а-а, она сказала ее мама. Я бы дала ей пять острых ножей после этого. Это было так естественно. Так правильно. Это был тот самый момент, когда я поняла, что поступила правильно. Пи Брэдфорд была на своем месте. Со мной. И не имеет значения, назвала бы Пи когда-нибудь меня мамой или нет. Я совсем не сомневалась, что она смотрела на меня именно так, как я на свою маму.

— А что, если я помогу тебе? — предложил Куинн. Здорово. Мне нужно было, чтобы он уехал. Вернулся бы обратно в свой лес и оставил нас в покое. Квинтон был одним из тех парней, к которым ты не можешь плохо относиться. Как Лэрри, лифтер в гостинице. Он был добрейшим человеком на земле, всегда счастливым и всегда улыбался. Куинн был похож на Лэрри. Он был чертовски милым парнем.

Я старалась держаться от него подальше, пока он сидел за моим столиком для пикника и чистил рыбу с моим ребенком. Он так хорошо с ней обращался. Пи сидела у него на коленях, и он направлял ее руку, показывая ей, как нарезать идеальное филе его острым как бритва ножом.

Ну...

По крайней мере, мы не умрем с голоду. Я вздохнула и улыбнулась Пи. Она высунула свой язычок на бок, полностью сосредоточившись на рыбе, лежащей перед ней.

— Я собирался съездить в Бойсе и поужинать в Эпплбис (Applebee's — сеть американских ресторанов гриль-баров, ориентированных на основные американские блюда, такие как салаты, креветки, курица, паста и «риблеты» — считаются фирменным блюдом этих ресторанов. Во всех ресторанах Эпплбис есть барная зона, и посетителям подаются спиртные напитки. Прим. пер.). Кто со мной? — спросил Куинн, ополаскивая руки водой из шанга.

— Я-я-я-я-я-я-я-я-я-я! — запела Пи одно длинное слово.

— У нас уже есть планы на ужин, — напомнила я ей, сердито посмотрев на нее, чтобы она заткнулась.

— Пожалуйста! Я хочу поесть мороженого.

— У нас есть мороженое.

— Не такое. Пожалуйста, мам. Пожалуйста.

О, конечно. Впутывай маму в это. Петля на моем пальце перекрыла кровообращение, пока я не сдалась, уступая самой сообразительной малышке во Вселенной.

— Пенелопа... — взмолилась я взглядом.

— Пожалуйста, — заныла она снова.

— Итак, договорились. Я приведу себя в порядок и заберу вас, дамы, в шесть. И, юная леди, я знаю лучший магазин мороженого в мире. Ты можешь сама его собрать, и у них есть мишки Гамми (желейные конфеты с разными вкусами в виде мишек, производство Харибо. Прим. пер.), шоколадные пирожные Брауни, шоколадный сироп и M&M's.

— А кондитерская обсыпка?

— Да, множество разной обсыпки, — Куинн выпрямился и дотронулся до моего локтя, — Увидимся в шесть.

Скрепя сердце, я согласилась. Девятнадцати дней слишком мало, чтобы перестать делать глупости. Прочитав довольно длинную лекцию Пи, что вряд ли пойдет впрок для ее болтливому рту, мы приняли душ перед нашим свиданием.

Мои волосы с естественно осветленными прядями, ниспадали до середины спины, завиваясь на концах крупными локонами. Я выглядела сексуально и привлекательно с макияжем, красной помадой на губах и серебряными кольцами серьгами. Я повернулась и улыбнулась, мне нравилась моя задница в джинсах и на каблуках.

— Ты собираешься поцеловать Куинна? — ухмыльнулась Пи, стоя в дверном проеме.

— Нет. Я не собираюсь целоваться с Куинном. Иди сюда. Давай я причешу тебя.

— Ну, ты хорошо выглядишь.

Я поцеловала ее в щеку из-за спины.

— Спасибо. Ты тоже.

У меня снова закрались сомнения, когда Куинн заехал за нами ровно во столько, во сколько обещал. Он был за рулем черного грузовика со словом Герц на номерных знаках. Почему он приехал на машине, взятой напрокат? После того как он закрыл мою дверь и обходил машину, чтобы забраться внутрь, я решила заманить его в ловушку.

— Как думаешь, Пи, он приехал на этом грузовике из дома? — спросила я, закинув удочку.

— Ты приехал на этом грузовике из дома? — спросила Пи с заднего сиденья.

Куинн клюнул на наживку, но не проглотил ее. Нахмурившись, он заколебался на

секунду.

— Нет, мой грузовик сломался по дороге сюда. Мне пришлось взять машину напрокат. Я заберу свою машину по дороге домой. А почему ты спрашиваешь? — поинтересовался Куинн.

— Ну, просто на всякий случай, вдруг твой грузовик может летать, мы могли бы отправиться на Луну.

Я понятия не имела, о чем она говорит, но как бы там ни было, мое сердцебиение замедлилось. Я убеждала себя успокоиться. Никто нас не искал. История Куинна вполне может быть правдой. Я была смешной. Мы находились почти в двух с половиной тысячах миль от Нью Йорка. С нами все в порядке.

Ожидая в очереди свободного столика, мы были заняты пустой болтовней, и я шикнула на Куинна и Пи, чтобы они вели себя тише. Пи стояла на его ботинках, и он прохаживался туда-сюда, в то время как она все время теряла равновесие. Я покачала головой и подняла глаза, когда очередь немного продвинулась. Вот тогда-то я ее и увидела. Фарра Брайтон была перед камерой, держа белый носовой платок и фотографию, где было написано *Пропала* и имя *Лондон Джейн Коуст*. Я не могла разобрать, что она говорила, но могла сказать, что она умоляла вернуть Пи.

На большом телевизионном экране появилась фотография Пи, а затем моя. Неосознанно я запаниковала. Я схватила ее на руки и вышла из ресторана. Черт. Дерьмо. Черт. Дерьмо. Как я могла быть такой глупой? Я обернулась и увидела Куинна, идущего следом за мной. Он тоже это видел? Он знает, что происходит? Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо. Что я сделала?

— Я хочу поесть тут, — заныла Пи.

— Тссс, Пи, нам нужно убраться отсюда, — прошептала я, чтобы только она смогла услышать.

— Дженна? — позвал Куинн, догоняя нас.

— Просто отвези нас домой, Куинн.

— Нет, я есть хочу, — снова заныла Пи.

— Мы купим по дороге пиццу.

— Что происходит? — спросил Куинн. Он выглядел так, словно что-то знал, а потом, словно не знал. Я не знаю. Думаю, я параноик, но я имела на это полное право. Наши фотографии только что промелькнули прямо у него перед глазами. Прямо перед всей толпой. Иисус. Что не так с моей головой?

— Просто отвези нас домой, — повторила я.

Куинн открыл заднюю дверь, и я пристегнула Пи в ее кресле. Мне пришлось остановиться, когда я закрыла ее дверь. Он не позволил мне открыть мою.

— Что произошло? — Спросил он. Он выглядел искренним. Действительно ли он беспокоился или что-то выуживал?

— Ничего, там кое-кто был, с кем бы я не хотела повстречаться.

— Там? — задал вопрос Куинн чуть более удивленно, прежде, чем пришел в себя. Я попалась. Я думаю. — Типа, бывшего? — Спросил он. Ладно, возможно и пронесло. Ох Зачем я на это согласилась?

— Да, бывший, — солгала я, соглашаясь с его предположением. Я не могла сказать, то ли я ему лапшу на уши вешала, то ли он меня обманывал. Я не была уверена, что хочу околачиваться поблизости, чтобы увидеть, уедет ли он, и комментарий о том, что нескольких дней будет достаточно, все еще вертелся в моих мыслях. Что он имел в виду? И

эта история об арендованной машине? Это у меня чрезмерно разыгралось воображение, или все было правдой?

Куинн болтал с Пи, словно понятия не имел, что я украла ее и сбежала с ней. Мысленно я пыталась унять свое скачущее сердце, но безуспешно. Я едва понимала, о чем он с ней разговаривал. В голове у меня проносились мысли о том, что произошло бы, если бы кто-то нас узнал.

— Хочешь остановимся и купим пиццу? — предложил он с улыбкой.

— Нет, не хочу. Я сама приготовлю ее для нас дома. — Ладно, возможно он был просто хорошим парнем. А может и нет. Я не знала, но я ненавидела все эти переживания. С тех пор, как Куинн приехал сюда, мне было беспокойно.

К тому времени, как Куинн наконец-то ушел, я умудрилась наврать обо всем, включая мою семью, которая жила во Флориде. Не знаю, зачем я это сказала. Просто сорвалось. Если он и подозревал что-либо, то он этого не показывал. Может быть он купился на историю с моим бывшим. Блейк когда-то купился. Я нахмурилась, наблюдая, как его грузовик удалялся по длинному переулку и повернул направо. Огни фар неожиданно исчезли, и он пропал. Это заставило мой пульс биться быстрее. Он, что следил за моим домом?

Я сидела в одиночестве, наблюдая за темным, беззвездным небом, и заключила сама с собой договор, что буду держаться подальше не только от маленького городка Ясная Долина, но и от Бойсе. Мы можем ходить за покупками в небольшой продуктовый магазинчик рядом с автомойкой. У них нет всего, что мы привыкли покупать, но мы обойдемся тем, что есть. И там нет телевизоров. Будем проводить время, исследуя акры и акры Божьей земли. Это был последний раз, когда я рисковала.

Отмокнув в ванне с очень ягодной пеной, я легла рядом с Пи, которая крепко спала в своей кровати. Почему я была единственной, кто понимает, каким особенным был этот ребенок? Я притянула ее маленькое тельце поближе к себе, вдыхая тот же очень ягодный аромат, который был на мне. Так должно было быть. Это была единственная пена для ванны, которая продавалась в нашем магазине. Нам обеим нравились пузырьки, поэтому я была уверена, что мы обе будем пахнуть очень ягодно. Что бы это ни было.

Мои мысли перешли к тому, какой хрупкой Пи была, когда я нашла ее. Она была совсем не такой, как сейчас. Даже приблизительно.

Я провела с ней три дня, до того, как ее отец вернулся домой. Или мы должны называть его просто донором спермы сейчас? Блейк был далек от того, чтобы быть отцом для нее. Он даже не замечал ее, и Пи была такой, я даже не знаю, какой. Лишенной внимания. Она была такой тихой, такой замкнутой. Я не очень много знала о малышах, но я знала, что этот не был нормальным. Она должна была играть, кричать, прыгать, исследовать и быть сорванцом. Она не была. Она была пугающе тихой. Ее бирюзовые глаза смотрели на меня неуверенно.

Первые пару дней я в основном наблюдала за ней. Ей было намного удобнее в idiotских маленьких платьицах, чем должно было быть. У этой малышки не было одежды. Ну, вернее была, но вся ее одежда выглядела так, словно она участвовала в конкурсе красоты, каждый день. Я собиралась позаботиться об этом, что было первой чертой, которую я преступила. Ничего не могла с этим поделать. Этот парень понятия не имел, как быть отцом. Он не был отцом — совсем.

— Почему она еще до сих пор не спит? Уже почти половина десятого, — спросил Блейк, открыв дверь в спальню Лондон. Я натянула вниз свою футболку и села. Лондон даже не отреагировала на него. Она не была взволнована, вообще. Я никогда не знала своего отца, но я помню, как бежала к входной двери, встречая маму после долгой смены в больнице. И не важно насколько уставшей она была, она всегда находила время для меня. Первой, кого она хотела видеть, когда возвращалась домой, была я.

— О, привет. Мы просто читали книгу.

— На ее планшете?

— М-да. Да, на ее планшете. Я установила для нее приложение для чтения. Почему у нее совсем нет книг? У нее должны быть книги.

— У нее есть книги.

— На случай, если Вы не знаете, она еще маленькая. Зачем Вы покупаете ей обычные книги? Где книги с картинками? Мы хотим красивые картинки, — сказала я нараспев, стараясь быть милой. Я пощекотала малышку, а в ответ ничего. Она оттолкнула мою руку, даже не улыбнувшись. Почему она была такой замкнутой?

— Есть пути решения проблем, Макайла. Ты можешь заказать книги. Все, что тебе нужно, просто спросить. Ее последняя няня не очень хорошо говорила по-английски, уверен, она об этом никогда не думала. Отбой через десять минут, — сказал Блейк строгим, командующим голосом. Как угодно, мудака.

— Хотите закончить последние несколько страниц? — спросила я, предлагая ее родному отцу занятие, за которое он должен был ухватиться. Он даже не сказал ей привет, никаких объятий, ничего. Я была сбита с толку и не могла поверить тому, как он обращался с этой очаровательной малышкой, словно она была никем.

— Я собираюсь в душ. Спокойной ночи, Лондон.

И это все. Вот какое приветствие получила его дочь, которую он не видел три дня.

— Мальчишки... Они такие странные, — сказала я повернувшись к Лондон. И — в ответ ничего. Ее глаза вернулись к планшету, не предназначенному для двухгодовалого малыша, и я продолжила.

— Обезьянка Ларри хандрил. Ему было грустно.

— Почему?

Я улыбнулась ей. Еще не все потеряно для этого ребенка. Ей просто нужно, чтобы ее замечали. Я видела ее; я постоянно замечала, какой особенной она была. Она любила читать. Мы прекрасно поладим.

Лондон прикрыла глаза рукой, когда я прочитала последнюю строчку

— Конец.

— De Nuevo (снова — с испанского. Прим. пер.) — робко сказала Лондон, прикрываясь рукой. О Боже мой. Испанский. Она говорит по-испански. Я помнила 'de Nuevo' со школы. Снова. Она хотела, чтобы я снова почитала ей. Я вдруг вспомнила одно слово, которое она сказала мне в ванне, и поняла, что она говорила, что ей жаль. Она извинялась за конфетуледенец, а я-то подумала, что это просто детский лепет.

— Ладно, давай выберем другую книгу. У меня есть кредитка твоего папочки, — улыбнулась я, забыв о комендантском часе Блейка через десять минут. Лондон понимала меня просто отлично, но отвечала мне на испанском. Логично. Ее няня была испанкой. Меня расстраивало то, что об этом никто не знал. Перед вами высокоинтеллектуальная, говорящая на двух языках маленькая девочка, и никто об этом не знал.

Именно тогда Лондон получила свое новое имя. Она указала на старую народную сказку «Принцесса на горошине» ('Pea' [Пи] — в переводе с англ. — горох, горошина, горошинка. Прим. пер.). Лондон забралась ко мне на колени, и я прочитала ей историю о настоящей принцессе; историю о том, что нельзя осуждать, историю, которая стала ее любимой. Я сказала ей, что она была настоящей принцессой, как в сказке.

Тем вечером я впервые поцеловала Пи на ночь. Мой первый глоток любви, после смерти моей мамы. Она вздохнула спокойно, когда я поцеловала ее теплый лобик, и подложила свои маленькие ручки под щеку. Она была такой драгоценной.

Глава шестая

Я не собиралась шпионить или подслушивать, но благодаря Блейку это было легко. Когда я спускалась по лестнице, он находился в своем кабинете с открытой дверью. Его впечатляющее кожаное кресло было обращено к огням города, и он крутился в нем, отталкиваясь ногами. Туда-сюда. Туда-сюда.

— Привет, как дела? — спросил он в телефон.

— Фелиция, мы собираемся обсудить это? Я скучаю по тебе.

Я слушала односторонний разговор, стоя у двери, пока Блейк обращался к этой Фелиции, кем бы она ни была.

— Что? О чем ты говоришь? Я был в Чикаго, работал.

— Фейсбук?

— Какого черта ты несешь?

— Я не хочу двигаться дальше, Фелиция. Я хочу быть с тобой, я —

— Что?

— Фелиция, я —

— Что на хрен это значит?

— Это привилегия находиться в моей жизни. Мое присутствие должно быть удостоено чести. Ты имеешь хоть малейшее понятие, сколько женщин умерли бы ради того, чтобы оказаться на твоём месте?

Я громко фыркнула из-за его последнего комментария, а затем удрала сломя голову, когда кресло повернулось. Этот парень был невероятно самовлюбленным. Он был симпатичным, да, надо отдать ему должное. Я никогда бы не посчитала это большой честью быть удостоенной его присутствием. Он действительно так сказал? Какой мудака.

Одетая в джинсы и кроссовки, я вышла из своей комнаты и встретила Блейка, наливавшего себе выпивку из бара. Я последовала за ним на балкон.

— Думаю, теперь, когда Вы дома, я пойду немного погуляю.

— А я думаю, это плохая идея. Уже темно, и ты не должна бродить одна. Особенно в той одежде, которая у тебя есть. Даже я подумал бы, что ты бездомная.

— Я и есть бездомная. Со мной все будет хорошо.

— Ты хотя бы останешься по эту сторону ворот?

— Нет, я уже побывала везде в пределах ворот, в буквальном смысле. Пи и я обошли всю территорию отеля. В этом новом телефоне, что Вы мне дали, говорится, что владения занимают территорию в 2,7 мили, практически образуя ровный квадрат, что означает, они занимают 4 акра земли. В той стороне даже есть небольшой лесок, — я указала в сторону крохотного кусочка владений.

— Пи? И в этих владениях нет никакого лесочка, — резко заметил Блейк. — Мы в Манхэттене. Я абсолютно уверен, на многие мили отсюда нет никакого леса.

Я с гордостью похвасталась своими новыми знаниями:

— Ага, конечно. Мы разговаривали с садовником. Он рассказал нам, что когда-то здесь был парк с задней стороны отеля. Еще до постройки этого места в двадцатых годах, до того, как Зазен купил его. Деревья были выкорчеваны, чтобы построить парковку, но небольшая их часть оставлена из-за необходимости переноса водопровода и канализации.

— Спасибо за информацию. Я рад, что теперь знаю об этом. Завтра я буду дома в пять вечера. Тогда сможешь выйти прогуляться.

— Значит, вы также платите мне за то, что командуете мной? — спросила я, прислонившись к дверному косяку.

— Нет. Я плачу тебе, чтобы ты не глупила. Сегодня вечером ты никуда не пойдешь. Иди спать.

— Я не хочу спать. Мне скучно. Мне нужно подышать свежим воздухом.

— Дыши здесь.

— Нет, спасибо, — сказала я, держась за дверной косяк. Мне не нравилась даже мысль о пребывании на пятьдесят восьмом этаже. Я бы ни за что не вышла на балкон.

— Ты трусишь. Ты боишься высоты, — упрекнул он меня и, ухмыляясь, взболтал свою выпивку в стакане.

— Не боюсь.

— Тогда иди сюда.

— Нет. Я только что сказала вам, что собираюсь прогуляться немного по городу.

— А я сказал тебе, что ты не пойдешь. Ты заказала себе одежду, да?

— Ага, и я купила несколько вещей для Пи тоже.

— Перестань ее так называть. И что это вообще за имя такое? Ладно. Та кредитная карта на любые ее нужды, включая соответствующие возрасту книги.

— Вы не поймете. Ей нужно посещать что-то типа дошкольной развивающей группы или детского сада.

— Зачем? Она уже записана в Оверлук Поинт. У нее будет лучшее образование, какое можно купить за деньги. И что значит — я не пойму?

— Я говорю не о том, что можно купить за деньги. Я говорю о друзьях и воображении.

— У нее есть все, что она только пожелает, чтобы не скучать. Ты можешь хотя бы присесть? Ты меня нервируешь, стоя вот так, — потребовал он, — Мне нужно видеть, с кем я разговариваю.

— Опять, мистер Коуст, я говорила о вещах, которые нельзя купить за деньги.

— За деньги можно купить все. Даже друзей, — заверил он меня. Я села на скамью сразу у двери, но не там, где был он. Я не хотела видеть, что там внизу. Мне и здесь было неплохо. Была ли в Нью-Йорке линия тектонического разлома? Была! Разлом Рамапо (Разлом Рамапо простирается на 300 километров по территории штатов Нью-Йорк, Нью-Джерси и Пенсильвания. Разлом неактивный. Прим. пер.). Этот небоскреб может разрушиться и обвалиться на землю. Мне буквально пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы успокоить растущее беспокойство. И чтобы не думать, как высоко над землей я была, или о землетрясении, которое может вскоре случиться и обратить меня в прах, я высказалась по поводу его теории приобретения друзей за деньги.

— Итак, если бы все это завтра исчезло, у Вас все еще остались бы друзья? Как

насчет того чувака Зазена, о котором Вы все время говорите? Будете ли Вы все еще его другом, если обнаружите себя живущем в трущобах на следующей неделе?

— Конечно. Я тебе рассказывал. Я знаю Зазена лет с двенадцати.

— Тогда Вы воспринимаете его как отца? — спросила я, выпытывая информацию.

Он снова взболтал свою выпивку и сделал большой глоток, скорчив мину, но так и не ответил.

— Вы не можете ответить, потому что знаете, что я права, — упрекнула я.

— Нет, я знаю, что ты ничего не знаешь. Ты узнала номер своей социальной страховки?

— Моя мама не перезвонила мне пока. Мы не так много общались в последнее время.

— Хмм.

— Что?

— Ты врунишка.

— Что? Мы не общались. Да как угодно! Мы закончили об этом? — спросила я, вставая. Мы не должны к этому возвращаться. Мне нужно было время, чтобы подумать о том, что я ему уже наговорила.

— Мы и не начинали. Иди, ты вольна приходить и уходить, когда пожелаешь.

— Но только не когда стемнеет, — поправила я его, умничая.

— Совершенно верно.

— Как скажете. Могу я воспользоваться Вашим компьютером?

Блейк кивнул, потягивая свой напиток и глядя на меня поверх стакана с виски.

Сев за его стол, я зашла в свой школьный личный кабинет и начала читать задание, на выполнение которого уйдет целый час. Мне просто нужно было сосредоточиться на достаточно долгое время, чтобы выполнить его. Последнее время мне трудно было это сделать. Я взяла черную ручку из кожаного стакана и нарисовала одну прямую линию. Время остановилось, пока я читала о возведении и падении Берлинской стены. Я как-то умудрилась нарисовать перо, голову льва, половинку сердца с неровным краем, и открытую книгу.

— Сдается мне, ты тратишь чернила попусту. Тебе стоит просто сделать татуировку, — посоветовал Блейк, стоя в дверях. Я выпрямилась и вытерла катившуюся по щеке слезу, о которой я даже не подозревала. Я резко прижала руку к своему боку и озлобленно уставилась на него.

— Вы сказали, что я могу воспользоваться Вашим компьютером.

— Можешь, все в порядке, — сдался он, подняв руки, — Я просто высказал свое мнение о твоём произведении искусства на руке. Ты могла бы просто сделать татуировку.

— Сделаю, когда добьюсь совершенства, — сказала я грустно, вернувшись взглядом на экран компьютера. Я закрыла все окна на его рабочем столе и стерла историю.

В животе у меня были такие же ощущения, как и в тот день, когда она умерла. Это то, к чему мне придется привыкнуть? Что-то, что появляется каждую ночь, когда я остаюсь наедине со своими мыслями? Я бы никогда не подумала, что эта маленькая девочка действительно поможет мне справиться с болью. Не важно, насколько виноватой я себя чувствовала, когда улыбалась, но этого невозможно было не делать, находясь рядом с ней. Пи была чертовски смешной, и мне нравилась ее компания. Я начинала с ужасом ожидать именно этого тихого времени суток.

Свернувшись в кровати, я решила прочитать о возведении и падении Берлинской

стены. К концу недели мне нужно было отправить эссе по мировой истории двадцатого века. Конечно, я не ожидала, что меня хватит надолго. Слова на моем новом телефоне были слишком мелкими, и мои мысли уплыли в другом направлении. Сдавшись, я бросила телефон на кровать и осмотрела свою красивую новую комнату. Если бы моя голова не была занята всякими другими вещами, я бы возможно испытывала благодарность. Я чувствовала себя благодарной. Благодарной и печальной.

Если бы я только могла рассказать своей маме о том, где я была. Если бы она могла меня сейчас видеть. Она была бы очень счастлива за меня. Это навяло мысль о моем выпускном. Он не был похож на настоящий выпускной, где бы я гуляла со всем классом, но это была финишная черта. Наконец-то я заканчивала школу, среднюю школу, по крайней мере. И что теперь я собиралась делать? Все, что мне нужно было сделать, это сдать эссе и закончить несколько небольших заданий, и я буду свободна. Я смогу вычеркнуть 'диплом' из своего списка нужных дел. Если бы я не отставала по английскому, я бы уже закончила. Но благодаря их тупой программе, классы английского, которые мне нужно наверстать, начнутся снова только в сентябре.

Где бы я не оказалась в конечном итоге, это будет не город. Я это точно знала. Мне нужно было пространство, без асфальта и бетона, возможно Вермонт. Мы с мамой всегда говорили о том, что поедem туда. Из-за этого мне тоже становилось грустно. Когда она заболела, она пообещала, что мы поедem туда, как только ей станет лучше. Она пообещала и солгала. Она оставила меня. Но и я тоже оставила ее. Я просто бросила ее, оставив заботам кого-то другого. Нет. Это была не она. Я не оставила ее в той больнице в одиночестве. Она уже ушла. Она умерла до того, как я оставила ее.

Пытаясь вновь дышать, я выпрямилась и подошла к окну. Повсюду мерцали огни, некоторые тускло, некоторые исчезали, а некоторые продолжали гореть. Трудоголики, как я полагала. Люди, подобные Блейку. Люди, которые не имели ни малейшего представления, кем была их маленькая девочка.

Когда я думала о Пи и несуществующих отношениях между ней и ее отцом, я радовалась, что у меня была мама, даже несмотря на то, что это было недолго. Первые тринадцать лет моей жизни были счастливыми, и я бы вернула их в любой момент. Может мы и не жили богато, но моя мама всегда следила за тем, чтобы нам было весело.

Слеза скатилась с моей щеки и упала на руку. Стерев ее, я размазала чернила и смазала верхнюю половину своего пера. Рассмотрев кляксу на моем детально прорисованном стволе пера, я решила дорисовать его. Перо было идеальным за исключением смазанного участка на его верхушке. Я практически чувствовала боль в нем. Оно болело. Так сильно болело, подобно ожогу, который никогда не заживет. Он никогда не превратится в шрам. Он навсегда останется ожогом, и всегда будет болеть.

Я сползла на пол и уронила лицо на руки. Боже, у меня болело сердце. Эта боль возвращалась снова и снова, ночь за ночью, она никогда не покинет меня. Я обречена на вечную скорбь души. Мне придется терпеть эту разрушающую боль ночь за ночью, до конца моих дней. Я боролась сама с собой, чтобы не расклеится. В моей голове вертелись мысли о воздушных шарах в небе. Голубые воздушные шары. Затем я начала добавлять предметы, стараясь заполнить все пространство. Неважно сколько клоунов, яблок, слонов, облаков или кексиков я добавила, покрытое предметами небо не помогло. Оно не заполнило то пространство, которое я усердно расчистила, стараясь вытеснить свою маму.

Она была там. Она всегда будет рядом. Моя изобретательная игра разума исчезла, и я

разрыдалась от боли. Я вскинула голову и беззвучно прокричала в небеса: «Мааааааааа!»). Я завывала, позволив себе еле слышно кричать в агонии. Было больно. Было так больно, что хотелось умереть. Если время лечит, сколько еще мне осталось терпеть? Я не могла больше ее выносить. Три дня спустя было также больно, как и в первый день. У меня грудная клетка взорвется раньше, чем эта боль прекратится. Я скучала по ней. Мне так ее не хватало. Я просто хотела услышать ее голос и попросить прощения. Она не оставила мне шанса попроситься с ней, сказать ей, как сильно я ее любила. Я не успела попроситься. Я плакала, стремясь к измождению, которое накроет меня и заберет эту боль. Я желала, чтобы боль остановилась.

Я почувствовала под щекой холодный пол, когда проснулась на следующее утро от света и звонка будильника на своем телефоне в полвосьмого. Согласно моим расчетам Пи встанет примерно в восемь пятнадцать — восемь тридцать. Обычный распорядок дня подкрался, казалось, быстро и незаметно. Горячий душ, где я смывала чернила, стал ежедневным ритуалом. Черный дождь стекал ручьями по моей руке, закручиваясь в воронку и смешиваясь с водой, и исчезал в водостоке. Мою грудь заполнила легкая ностальгия, и я удивилась, почему мне это так знакомо. Словно дежавю. Почему мне кажется, что это уже случалось однажды? Возможно, потому что так и было. Много раз.

Обернув одним полотенцем тело, а другим свои длинные волосы, я нанесла утренний увлажняющий крем на свои опухшие веки. Голос моей матери звучал у меня в голове, напоминая мне, что никогда не будет слишком рано волноваться о морщинках. Приложив пальцы под глаза, я оттянула нижние веки. Моей маме было всего лишь тридцать девять. У нее было много морщин, но лишь в последние шесть месяцев или около того. Такая быстрая потеря веса привела к тому, что гладкая кожа стала морщинистой.

Я быстро переключила внимание от своего гладкого семнадцатилетнего лица на стук в дверь.

— Да? — спросила я, открыв дверь и придерживая полотенце на груди.

— Э-э, я уезжаю сейчас, — сообщил Блейк. Я наблюдала, как его глаза прошились по моему телу, и мысленно покачала головой. Мудак.

— Ну, до свидания, — бойко ответила я, давая ему ненужное разрешение.

Какого черта? Не знаю, чего он ожидал, или какого черта, он делал, но неловкое молчание было лишним.

Блейк закрыл рот, повернулся на каблуках и кивнул. Извращенец.

Я посадила Пи на столешницу, пока готовила ей завтрак. Она осматривалась вокруг, будто никогда не делала такого раньше. Я всегда сидела на столешнице, пока моя мама готовила. Именно в такие моменты мы часто говорили по душам.

— Чем хочешь заняться сегодня, Пи? — спросила я, вмешивая свежую голубику в тесто для оладий. Лиловый цвет напомнил мне черный дождь, стекающий по моим рукам. Конечно же, Пи не ответила. Она, с большими глазами молча сидела напротив меня и в самой обычной одежде, какую я только смогла найти.

Разводы двигались по кругу, пока я думала о воде. Разводы от голубики были подобны черному дождю, исчезавшему в водостоке, за которым я наблюдала много раз.

— Иди сюда, Микки, — прошептала моя мама, пытаясь поднять голову. Моя ручка перестала рисовать летящих вниз птиц, и я подняла свою руку с холодного радиатора. Ее болезненные, блестящие глаза улыбались.

— Что случилось? Хочешь, я позову врача? Тебе нужно обезболивающее?

— Нет, детка. Я в порядке. Я хочу уйти сейчас, Микки. Мое время пришло.

— Уйти куда? — встревожено спросила я, — Нет, это не так. Мама! Не говори так.

Ты поправишься. Я готовлюсь к окончанию средней школы. Ты не можешь сдать, — сказала я с мольбой в каждом слове. Мой взгляд медленно переместился на слезу, катившуюся вниз по моей руке.

Моя мама улыбнулась и стерла ее.

— Зачем ты это делаешь? — улыбнулась она, рассматривая поврежденный участок.

Моя рука снизу доверху была покрыта чернилами. Я умудрилась разрисовать руку от плеча до кисти, пока наблюдала, как ее грудь поднималась и опускалась, опасаясь, что она перестанет дышать. За последний визит у меня должно было уже случиться несколько сердечных приступов, из-за многократного выброса адреналина. Не такого, как во время катания на американских горках, а плохого, подобного тому, когда рядом громко закричат, и от такого крика можно описаться. Каждый раз, когда я видела, как ее дыхание останавливалось, я вскакивала, готовая броситься за помощью.

— Это помогает занять мысли.

— И твое время. Я хочу, чтобы ты этим больше не занималась, Микки. Мне нужно, чтобы ты меня отпустила. Мне нужно, чтобы ты сходила к нему еще раз. Пожалуйста, Микки. Я должна знать, что с тобой все будет хорошо.

— Нет. Я не собираюсь этого делать. Я умоляла его о помощи. Он отверг меня. Я не нуждаюсь в нем. Мне никто не нужен. Я сама могу о себе позаботиться, — вставая, заверила я маму.

— Детка, иди сюда.

— Иди, мам, уходи. Если тебе нужно мое разрешение, бери его, — закричала я, вытирая рукой свое мокрое предплечье, размазывая последние семь часов работы своими слезами. Я отпрянула, задыхаясь. Мне не хватало кислорода.

Как она могла так поступить? Как могла переложить это на меня?

— Микки, подойди сюда, — умоляла меня мама. Она уткнулась лицом в подушку, пытаясь спрятать свои собственные вырвавшиеся слезы.

Я вцепилась в ее больничную ночную сорочку в цветочек и зарыдала:

— Мама, пожалуйста, не умирай. Пожалуйста, не сдавайся. Ты должна бороться. Ты должна, мам, пожалуйста, — всхлипывала я, прильнув к ее костлявой груди. Моя счастливая, сильная, любящая мать иссохла до кучки костей прямо у меня на глазах. Ее хрупкое, тощее, как скелет, тело было уставшим.

— Микки, я устала, — подтвердила она. Я знала, чего она просила. Я знала, она хотела перестать бороться. Я не могла позволить ей этого. Мы были командой. Микки и Викки. Мы были вместе, как близнецы, как кофе и сливки, как прожилки мяты в жвачке. Она не могла разлучить нас. Я не могла с этим справиться. Я все еще была ребенком, и несправедливо было оставлять меня в таком положении. Я не просила, чтобы меня рожали. Она не могла родить меня, а потом оставить меня. Так не пойдет.

— Я не позволю тебе сдать. Ты едешь домой, мам. Ты здесь не останешься. Мы вернем наш дом на Бегония Драйв, ты снова вернешься на свою работу в больницу, и ты снова будешь играть на фортепьяно перед тысячами людей. Ты не устала. Нет, мама! — закричала я, осознав, что стою у двери, а не рядом с ней. Я не дала ей времени сказать больше ни слова. Я убежала. Я не собиралась так легко отпускать ее. Она не бросит нас.

Не сейчас. Еще нет. Мы победим это, как и в первый раз. Мы должны.

Шум от моего энергичного перемешивания теста вывел меня из надвигающегося эмоционального срыва. Я посмотрела на Пи, которая сидела и ничего не делала. Вообще ничего. Она настороженно наблюдала, как я расправляюсь с ее завтраком.

— Хочешь помочь? — спросила я, задаваясь вопросом, была ли эта девочка всегда такой тихой. Она четко слышала меня. Ее глаза светились другим голубым, красивым бирюзовым цветом.

— Ты вампир? Твои глаза меняют цвет. Ты знала об этом?

Ничего.

Тишина.

Забрав из прихожей стул, я сняла ее со столешницы и поставила на стул. Вложив в ее маленькую ручку деревянный венчик, я помогла ей взбивать. Она обернулась и улыбнулась. Даже если она робко отвела глаза в сторону, я видела, как счастье ненадолго осветило ее личико. Именно тогда я поняла, как сильно этот ребенок нуждался во мне. И я нуждалась в ней. Только я пока еще не знала об этом.

Тем утром на ней были трусики, которые помогают приучиться к горшку, вместе с обычной удобной одеждой. Она была чертовски очаровательной в джинсах и кроссовках. Я знала, что возможно к полудню у нас случится небольшое происшествие с ее штанишками, но этого не произошло. Она не описалась. Ни разу. Ей всего лишь нужно было, чтобы кто-то одел их на нее и сказал, что делать. И все. Она была невероятно смысленая, и я была потрясена, что ни один человек не попытался приучить этого ребенка к горшку. Она не только была к этому готова. Она могла самостоятельно это делать.

Упаковав сэндвичи с арахисовым маслом и вареньем для ленча, мы с Пи отправились в наше первое приключение. В основном говорила я, но она шла рядом, наслаждаясь каждой секундой. Большую часть утра мы провели в небольшом пролеске. Мы все еще могли слышать шум города, бурильные молотки, автомобильные клаксоны, сирены, и мы могли чувствовать запах мегаполиса, но на это было довольно легко не обращать внимание.

*Мой новый телефон творил чудеса для нашего воображения. С помощью приложения звуковых эффектов, мы уплывали от акул, убегали ото львов, нашли пещеру, чтобы спрятаться от громкой грозы, а потом, пока ели арахисовое масло и варенье с чипсами, мы слушали как Янни играл на фортепьяно (**Янни Хрисомалис** — греческий композитор, основатель музыкальной группы «Yanni», исполняющей инструментальную музыку).*

— Нам пора, Пи. Ты выглядишь усталой и тебе пора вздремнуть, — заключила я, наблюдая как она зевает. Я тоже зевнула, но не потому что устала, а просто потому, что она сделала это первой.

Я подняла руку и с ужасом уставилась на нее, когда она подвинулась ближе ко мне. Это бедное дитя жаждало внимания. Моей единственной проблемой было то, что я не хотела любить ее. В конечном итоге она покинет меня. Второй раз мне уже не преодолеть эту боль.

— Давай возвращаться, — сказала я, немного ероша ее волосы. Я понимала, что этот ребенок привязывается ко мне, но я не была уверена, что с этим делать. Я больше никого не буду любить. Боль того не стоит.

В то время, во всяком случае, это было так. Сейчас, она того стоит.

Глава седьмая

Я точно не знала, какие у Куинна были намерения, но на следующий день в десять утра он был у нашей двери. Я настороженно наблюдала, как он грубо выманивал черную собаку из грузовика. Схватив ее за ошейник, он стащил ее с сиденья, а затем пригрозил пальцем, когда она оскалилась. Я ошиблась с первым впечатлением о нем, Куинн мне больше не нравился. И я также не хотела, чтобы он находился рядом с Пи.

С опаской я открыла дверь, и Пи побежала к собаке, робко стоявшей в стороне от Куинна. Я чуть не закричала ей, чтобы она держалась подальше от этой собаки, после того, как увидела ее оскал, но Сэди радостно завиляла хвостом.

— У вас, дамы, есть купальники, верно? Кто хочет совершить сплав по реке? — спросил он Пи, но не меня. Я бы соврала. Конечно же Честный Эйб сказал правду (Честный Эйб — это прозвище Линкольна, 16-го президента США, освободителя американских рабов. Прим. пер.). Она заверила его, что мы хотели бы пойти и, что у нас действительно были купальники. Не уверена, что этот ребенок хоть раз в жизни врал. Даже когда она делала что-то плохое, она мне рассказывала, как в тот раз, когда она училась рисовать круг. В коридоре до сих пор остались фиолетовые круги, украшающие обе стороны. Ей тогда еще и трех лет не было, но она рассказала мне правду, когда я спросила, она ли это сделала, даже пусть я не была уверена виновата она или нет. Она сказала правду.

Можно подумать, что мы сделаны из одного теста. Ей редко хватало силы воли подумать прежде, чем сказать. Но... в ее защиту скажу, она училась у лучших. Я почти уверена, что никто из тех, кого Блейк удостоил своим присутствием, не действовал ему на нервы так, как я.

— Не думаю, что это хорошая идея. — Я совершила ошибку, войдя в переполненный ресторан, я не собиралась приближаться к какому-либо прокату лодок или любому другому общественному месту.

— Да брось! — уговаривал Куинн.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — заканючила Пи, подпрыгивая и дергая меня за руку, — я никогда раньше не каталась на надувной камере.

— Пи, я сказала нет. Иди в дом, — приказала я. Куинн озадаченно посмотрел на меня. Возможно я снова стала параноиком, но я не хотела кататься на надувной камере в горах, где не берет сотовый, где безлюдно, и никто не услышит выстрела или криков. Мы с Пи не собирались плавать по реке с этим парнем.

— Ладно, давай не будем сердить твою маму, мы просто поиграем здесь у реки. Мне только нужно срочно позвонить до того, как мы спустимся вниз. Как только ты зайдешь за эту скалу, ты уже вне цивилизации, — объяснил Куинн. Он повернулся и с улыбкой пошел обратно к своему грузовику. Это он был подозрительным, или я — несправедливой?

Пи надела свой купальник, пока я беседовала с ней.

— Пи, не думаю, что мы должны доверять Куинну. Почему бы нам не сказать ему, что ты себя плохо чувствуешь сегодня?

— У него есть надувные камеры, чтобы покататься по реке, — объяснила она, просовывая руку в лямку от купальника, — Он не плохой. — Черт. Я знала, что будет не легко. Я вздрогнула, когда слышала выстрел, и схватила Пи. Я выглянула с фасада дома, где мы его оставили, чтобы он сделал свой телефонный звонок, но его там не было. Я выглянула с задней части дома туда, где находился лес, и увидела, как он засунул пистолет себе за спину.

Хотя мое сердце заколотилось в груди, я не позволила этому остановить себя. Мне не понравилось, что он таскал с собой пистолет, когда был рядом со мной или Пи. Кто так делает? Гнев добрался до меня прежде, чем осознание того, что у него был пистолет. Зачем?

— Извините. Медянка, — улыбнулся он, словно это был пустяк. Я встретила с ним на полпути, Пи соскользнула с моих рук вниз.

— Ты с ума сошел? Зачем ты таскаешь пистолет, находясь рядом с моим ребенком?

— Я егерь. Я всегда ношу с собой пистолет.

О, что ж, это имеет смысл. Боже, мне нужно было успокоиться.

Я нехотя пошла с Куинном к реке. Я думаю, он показался мне нормальным. Он действительно хорошо ладил с Пи и, вообще, вел себя нормально. Это я была сумасшедшей и знала, что он собирался уезжать спустя всего один день. Мне больше не придется об этом беспокоиться.

— Эй, а где Сэди? — спросила Пи, сидя в надувной камере.

— Минуту назад была здесь, — ответил Куинн, оттолкнув камеру и дернув обратно, когда веревка натянулась. Она завизжала и отчаянно вцепилась в ручки. Я огляделась в поисках собаки. Я не видела ее минуту назад, вообще-то, я не видела ее с тех пор, как она зарычала на Куинна тогда, у дома. О, боже мой. Просто перестань, Микки! Все, о чем бы я не подумала, было подозрительным. Даже переносной холодильник с напитками, который принес Куинн. Может быть он собирался нас отравить. Тьфу!

Когда день подошел к концу, и ничего подозрительного не случилось, я расслабилась. Я не наблюдала, как погас свет фар, как накануне вечером, и Куинн не стрелял больше ни в каких змей. Я вообще забыла о пистолете. Пожалуй.

— Давай почитаем эту, — сказала Пи, когда я забралась в кровать рядом с ней. Я держала книгу, вспоминая ее первый день рождения со мной.

— Ты могла бы читать эту книгу с закрытыми глазами.

— Я знаю, но это моя любимая самая книга.

— Моя самая любимая книга, — поправила я. Я поцеловала ее в мокрую макушку и в тысячный раз открыла книгу.

— Жил-был принц, который хотел найти принцессу, но она должна была быть настоящей принцессой, — начала я.

— Это я.

— Это всегда ты, — сказала я, снова целуя ее голову. Боже, как я любила ее.

Думаю, ее глаза закрылись в тот самый момент, когда я театрально сказала *конец*. Я укрыла ее одеялом, поцеловала в щечку и прошептала:

— Я тебя люблю.

Аромат смеси ягод наполнил мои ноздри. Я фыркнула, прочитав этикетку на флаконе, обещающую пробудить счастливые мысли. Кто-нибудь по-настоящему счастлив? Я цинично в этом сомневалась. Люди тратят свою жизнь, всячески стараясь достичь каких-то туманных, неясных понятий, которые они считают целью.

Моя цель не имеет ничего общего с удовлетворением и успокоением. Счастье воспринимается как само собой разумеющееся. Счастье упускается из виду, пока оно не уходит. Тогда, и только тогда, вы понимаете, что такое счастье на самом деле. Невозможно постичь драматическую разницу за одно Рождество. В одно — мне было двенадцать, и я открывала потрясающие подарки от своей мамы, а в следующее... Ну, в следующее я держала маму за волосы одной рукой, а серебряное мусорное ведро другой.

Доктор Томас переговорил с нами сразу после Дня Благодарения. Я сидела с другой стороны, пытаюсь понять, что происходит, о чем он говорит, а затем я повернулась к своей матери. Никогда не забуду выражения ужаса на ее лице. Мне не стоило закатывать истерику, когда он попросил ее зайти к нему в кабинет. Мне стоило проявить почтение и остаться с остальными людьми в зале ожидания. Мне не стоило входить.

— Что поразило сильно? — не понимая, спросила я. Мама взяла меня за руку, пока я переводила взгляд с нее на доктора Томаса. Я была в замешательстве. У моей мамы рак груди? Ей еще и сорока не было. Как у нее мог быть рак груди?

Я узнала насколько плохо все было лишь пару месяцев спустя. Моя мама встала и поблагодарила доктора прежде, чем он начал вдаваться в медицинские трудности с которыми они будут бороться вместе. Я поняла это в то Рождество. Она была слишком больной, чтобы украшать, как мы обычно делали, слишком больной, чтобы испечь наше обычное рождественское печенье, и она была слишком больной, чтобы делать покупки.

День Рождества был наихудшим. Я действительно думала, что она умрет. Она так сильно похудела за такой короткий период времени, и ее теперь уже плоская грудь в купе с ее маленьким телосложением делало ее похожей на скелет. Все становилось еще более реальным, когда я придерживала ее волосы подальше от лица, пока ее рвало зеленой желчью в металлическую урну. Не могу описать то чувство. Внушительная горсть темных волос напугала меня до чертиков. Мои глаза метнулись от кулака, полного волос, к проплешине на голове. Я разжала кулак и замахала рукой, словно это было заразно, словно я тоже могла заразиться. Возможно так и было.

Моя мама теряла сознание и приходила в себя на протяжении всего дня. Тем вечером моя правая рука впервые стала моим убежищем. Я растянулась в кресле, наблюдая за огнем в искусственном камине, пока грудь моей мамы при дыхании вздымалась и опускалась. Вдох-выдох. Я грызла кончик ручки, наблюдая за ней, и молилась любому, кто мог бы услышать мои молитвы. Я не могла потерять свою маму. Она была единственной, кто у меня был.

Я посмотрела в телевизор, заметив печальное, но довольное выражение на лице Форреста Гампа. Он сидел на бревне, наблюдая, как его сын исчез в школьном автобусе. Он был счастлив, что у него был маленький Форрест, но при этом он потерял Дженни. Может быть также было и с моей мамой. В тот момент я этого еще не знала, но, если бы она не заболела, у меня никогда бы не было Пи. Это факт. Конечно, в то время я этого не знала. Если бы она появилась в моей жизни тогда, и у меня был бы выбор, я бы выбрала свою маму. Сейчас, ну... я ее слишком сильно люблю, чтобы отвечать на этот вопрос.

Я обнаружила, что завернулась в то же мягкое одеяло и сижу в той же позе, как и в то Рождество. Взяв ручку, я начала рисовать перо. Я всегда начинала с пера. Это был мой Форрест Гамп. Это было прощание с чем-то, что я любила, ради того, что я также сильно любила. Мое упорство. Панадол вообще не помогал. К тому времени, когда я задремала, моя рука была полностью расписана. Покрыта рисунками из жизни и испещрена полосками черного дождя.

Черный дождь изменился также сильно, как и рисунки на моей правой руке. Теперь мои слезы редко служили причиной черного дождя. Время и Пи помогли справиться с болью, но определенные вещи вызывали в памяти особые моменты из моей жизни, что приводило к

слезам. Как сегодня вечером. Если бы я знала, что по телевизору будут показывать Форрест Гамп, я бы его не включала. Фильм напомнил мне о той ночи, когда я каждую секунду боялась заснуть. И я бы смотрела его, каждый раз, вызывая в памяти мое первое Рождество, когда я стала подростком.

Я натянула одеяло на свою руку, когда на следующее утро, Пи забралась ко мне под одеяло. Я все-таки уснула в кресле.

— Ты почему под одеялом? Здесь так жарко, наверно миллион градусов, — спросила она.

У меня заняло мгновение, чтобы понять, что происходит. В комнате жужжал кондиционер, в то время как перед нами горел газовый камин. Это что, я сделала? Я скинула одеяло с нас обеих и выключила огонь в камине с помощью пульта.

— Должно быть, я во сне нажала кнопку, — сказала я, прижимая ее к своей груди. Это была ложь. Пульт находился в вазе над камином, где бы она не смогла его достать. Черт. Я действительно не помню, чтобы брала его или включала камин. Я также не помнила всего, что нарисовала на своей руке. Вернее, я помнила, но просто все было таким расплывчатым. Словно это случилось, но во сне.

Я поторопила Пи, желая выбраться из дома прежде, чем появится Куинн и заберет нас на очередную рискованную прогулку. Я все еще была убеждена, что у Куинна был тайный мотив, чтобы подружиться не только со мной, но и с Пи тоже. Он собирался уезжать на следующий день, и все, что мне оставалось делать, это избегать его в течение этого дня. Если бы он уехал, тогда бы я точно знала, что у меня такое же буйное воображение, как у Пи.

— Куинн собирается отвезти нас к водопаду, — возразила Пи, слезая с кресла.

Она последовала за мной в ванную, и я выдавила зубную пасту на обе наши щетки.

— У нас есть карта, помнишь. Мы сами пойдем его искать. Давай притворимся, что мы заблудились на луне, и нам надо найти воду, — предложила я, надеясь отвлечь ее мысли от Куинна. Мы больше не будем проводить с ним время.

Пи почистила зубы две секунды и сплюнула.

— Нет, давай представим, что водопад волшебный, и нам нужно набрать волшебной воды для волшебника. Ему необходимо сделать волшебное зелье, чтобы разрушить заклинание.

— Продолжай чистить. Что за заклинание?

— Вся земля — черная, и ничто не имеет цвета. Как твоя рука, — объяснила она. Я кивком указала на ее щетку, и она продолжила, — Нам нужно достать волшебной воды, чтобы волшебник смог вернуть цвета.

— Супер. Мне нравится эта идея! — воскликнула я, подтолкнув зубную щетку обратно к ее жемчужно-белым зубкам.

Я торопилась сама и подгоняла Пи, нам нужно было успеть покинуть дом до появления Куинна.

Увидев пыль прежде, чем я разглядела переднюю часть его черного грузовика, я бросилась с Пи через заднюю дверь, вниз по склону к тропинке и через овраг. Мы сбежали в лесную глушь как раз вовремя.

Глава восьмая

Мы с Пи провели день так, как она любила это делать, придумывая приключения. Клянусь, она вырастет и станет писателем или, может быть, актрисой, ей нравилось притворяться.

Водопад, который мы нашли, с трудом можно было назвать водопадом. Пара валунов и поток воды, стекающий по склону горы, в действительности не оправдал мои ожидания. Пи было все равно. В ее голове водопад был огромным.

— О, нет!

— Что такое?! — воскликнула я, остановившись за ней и подыгрывая ей.

— Аллигаторы! Нам придется ступать по их головам.

— Они сожрут нас, — сказала я, анализируя, как мы умрем.

— Они спят. Нам просто придется быть очень тихими.

— Да, Дженна. Вы должны действовать осторожно.

— Куинн! — завизжала Пи, поднявшись по небольшому берегу к нему. Я нахмурилась. Нас не было уже, по крайней мере, три часа, мы, не спеша, наслаждались природой. Он следил за нами все это время? Действовать осторожно? Какого черта это значит?

— Может нам стоит пересечь ручей там. Там есть мост, — подыграл Куинн, указывая на бревно.

— Оно так высоко. Что если мы упадем?

— Думаю, достаточно приключений на сегодня, Пи. Давай возвращаться. Нам нужно подготовиться к нашему вечеру, помнишь?

— Э-э?

Я посмотрела на Пи, пытаюсь создать что-то экстрасенсорное между нами. Телепатический разговор, но это не сработало. Она посмотрела на меня так, будто меня собирався съесть аллигатор. Никто из нас и не подозревал, что мы обе были в опасности.

— Давай, мы должны спасти лес. Тебе нужно добавить немного цвета в свою жизнь, не так ли, Дженна? — ох, я вдруг возненавидела этого парня. И что, черт возьми, это за темный взгляд? Я не была напугана этим парнем. Ни одной секунды, но ему нужно убрать из нашей жизни.

— Думаю, я подожду здесь, — сказала я, наблюдая, как Пи взяла его за руку, чтобы перейти через опасные воды вниз.

— Хорошо, оставайся и карауль троллей, — согласилась Пи.

Я села на камень и наблюдала, как Куинн общался с Пи, как я, словно он был неотъемлемой частью ее жизни. Но он ею не был, и я не хотела, чтобы был. Конечно же Пи этого хотела. Она была без ума от этого парня не понятно по каким причинам. Если бы Куинн собрался подняться с ней на самую высокую гору, она бы любила его вечно. Пи обожала играть в воображаемое. Она полюбила эту игру с того самого дня, когда я впервые предложила поиграть, тогда, когда я вытащила ее из ее раковины.

Все началось в том маленьком кусочке леса в городе. Хотя ей еще не было и трех, Пи обладала буйной фантазией. В одночасье она превратилась из безмолвного интроверта в болтливое дитя природы. Буквально. К трем годам Пи начала говорить полными предложениями. Не на испанском. К сожалению, она забыла его довольно быстро.

Я наблюдала, как Куинн держал ее за руку во время попытки пересечь качающийся мост. Разразилась гроза, и за ними по пятам гнались тролли. Я улыбнулась ей и отчитала

себя за чрезмерную подозрительность. Куинн был большим ребенком, и я возможно зря переживала. Я никому не доверяла, не только ему. Ничего не могла с собой поделывать. Я могла многое потерять, если бы снова проявила глупость. Это было в интересах нас обеих, меня и Пи, относиться ко всему скептически. Я вспомнила, как скептически относилась к ее отцу.

Практически сразу отношения между мной и Блейком стали напряженными. Я перегибала палку много, очень много раз, пока узнавала, кем была Пи. Она была особенной, и только я знала об этом. Меня бесило, что этот ребенок был никем. И всем было на нее наплевать. Я прожила там почти два месяца, прежде чем узнала, кем вообще была Фарра Брайтон. И потом я все еще не знала.

В тот вечер Блейк пришел домой пораньше, как обычно он не обратил внимание не только на своего ребенка, но и на меня. Ему ничего не стоило зайти домой с телефоном у уха и пройти напрямик в свой кабинет. В тот день было по-другому. Это был первый раз, когда Блейк практически уволил меня. Он не очень хорошо воспринял мое вмешательство.

— Сними с нее эту одежду и одень ее в платье. Ее мать едет за ней, она заберет ее на выходные, — приказал Блейк, набирая электронное письмо, сообщение или еще что-то по работе. Я взглянула на него, помешивая лапшу в курином бульоне.

— Что вы имеете в виду? Я готовлю ей ужин.

— Ее мать позаботится об этом. Она придет через двадцать минут.

— А она вообще знает свою мать? Я живу здесь уже несколько недель, но ни разу ее не встречала.

— Это не твое дело. Почему она такая грязная? Иди искупай ее и приготовь к отъезду.

— Она сидит прямо тут. Вы думаете, она не слышит? Не понимает, о чем вы говорите? Может вам стоит поговорить с ней и сказать ей, что она проведет два дня с женщиной, которая не видела ее, кто знает, как долго. Как давно это было, Блейк? Вы не можете просто прийти домой и сорвать ее с места на выходные. Что с вами такое?

— Она двухлетний ребенок. Она едва умеет говорить. Когда она будет достаточно взрослой, чтобы принимать подобные решения, я спрошу у нее разрешения, а до тех пор подготовь ее к поездке.

Я перевела взгляд на Пи, она не понимала, что происходит, а Блейка это не волновало. За последние несколько недель я провела с этим ребенком очень много времени. Я знала ее, и знала, что это напугает ее. Она была слишком маленькой, чтобы понять.

Я сняла с плиты кастрюлю с кипящим бульоном и взяла ее на руки.

— Твоя мама собирается приехать и забрать тебя к себе на пару дней, ладно, Пи? — объяснила я ей, пока поднималась с ней по лестнице.

— Нет, я не хожу, — захныкала Пи. Я повернулась и уставилась на Блейка.

Фарре не хватило скромности забрать ее самой. Она прислала свою служанку иммигрантку. Мы даже не смогли общаться.

— Nasc fr í o. Ella necesita una chaqueta . (Похолодало. Ей нужна кофта. Пер. с испан.)

Я обернулась и посмотрела на Блейка, держа на руках Пи в том нелепом платье принцессы.

— Что она сказала?

— Я не знаю. Что ты меня спрашиваешь?

После такого я стала умолять его ради Пи.

— Вы что, серьезно? Пожалуйста, не заставляйте ее ехать с этой женщиной, она ее не знает!

— Знает, она забирала ее много раз. Она работает у Фарры.

— Вы даже не знаете, что она только что сказала!

— Она сказав хойдно, и мне нуно носить котю, — сказала Пи.

— Вот, видишь, — сказал Блейк, оторвавшись от своих дебильных СМС-ок, — Она умная, как я, — похвастался он.

— Вы серьезно? Вы ставите себе в заслугу то, о чем только что узнали? Она не была немой вообще. Она не понимала английский, потому что испанский был ее родным языком, и никто об этом не знал. Это самая печальная история, которую я когда-либо слышала, Блейк. Вам плевать на нее. Вы нисколько не заботитесь о ней. Все, что вас волнует — это погоня за женщинами и всемогущим долларом. Подумайте о ней хоть раз, Блейк. Не заставляйте ее уезжать с этой женщиной.

Я ничего не могла сделать, только отступить. Пи разжала руки, обнимавшие меня за шею, и позволила своему отцу передать ее в руки той женщины. Блейк не обнял ее, не поцеловал, и не сказал, что любит ее. Я не могла поверить своим глазам. Я погладила ее по голове и поцеловала в обе щеки.

— Увидимся через пару дней, ладно, Пи? — пообещала я. Она кивнула и обняла меня за шею, — Я люблю тебя, малышка, — прошептала я ей впервые. У меня сердце разбивалось, когда незнакомая женщина повернулась и ушла с ней, сказав что-то по-испански, на что Пи кивнула в ответ.

— Тебе стоит очень быстро усвоить, где твое место. Я не собираюсь мириться с такими вспышками эмоций, не от тебя. Ни минуты.

— Это ваш ребенок! Ваша собственная плоть и кровь. Вы ее даже не замечаете.

— Предупреждаю тебя. Это не твое дело. Если тебе не нравится мой метод воспитания моей дочери, ты вольна уйти. Вообще-то, может тебе стоит уйти. Я два месяца ждал твою карточку социального страхования. Я устал ждать.

— Неужели вы действительно считаете, что я собираюсь взять и убежать с ней? Хотя, возможно, это лучшее, что может с ней произойти. Вы ничтожный отец. Жалкий! — выплюнула я, подписывая себе приговор каждым словом. Я не понимала насколько верны были эти слова до настоящего момента, когда они действительно оказались правдой. Когда я действительно сбежала с ней.

Я ахнула, когда спиной почувствовала холодную дверь. Мои руки были прижаты по обе стороны от моей головы, и Блейк сверкнул глазами, говоря сквозь стиснутые зубы. Мой взгляд упал на его губы. Почему я посмотрела на его губы?

Блейк заметил движение моих глаз и повторил его. Он перевел взгляд на мои губы. Я ощущала каждое сердитое, грубое слово. Что это было, черт возьми? Эмоциональный всплеск чувств, к которому я не привыкла, смутил меня, и я почувствовала себя дезориентированной. Я закрыла глаза и сглотнула, стараясь не чувствовать. Это напугало меня до чертиков. Какого черта?

— Отвали, Макайла. Это не твое дело.

Я тяжело дышала, чувствуя, как мой желудок сжался. Блейк чувствовал то же самое. Он посмотрел на меня, отодвинувшись с тем же, какого черта, выражением на лице. Мы

установились друг на друга широко раскрытыми глазами, пытаясь выяснить, что, черт возьми, только что на нас нашло. Всплеск статической энергии настолько сильной, что мы физически почувствовали его, потянул что-то внутри нас обоих. Что-то сильное и мощное.

Блейк направился в свой кабинет, а я закончила готовить любимую лапшу Пи с маслом и грибами. Я съела небольшую тарелку лапши, затем навела порядок на кухне, размышляя, чем мне заняться. Мое внимание привлек интерком, зазвонивший прежде, чем послышался голос.

— Привет, это Райан. Впустите меня, — услышала я через металлический блок.

Я нажала кнопку, позволяя дверям лифта открыться на нашем этаже. Я не встречалась с ним лично, но слышала много раз, как Блейк разговаривал с ним по телефону. Я знала, что Райан был его правой рукой, просто по тому, как он разговаривал. Блейк командовал им, словно владел этим местом.

— Привет, Блейк забыл упомянуть, что нанял сексуальную няню, — взяв мою руку, упрекнул Райан. Он поцеловал костяшки моих пальцев, и я залилась румянцем, отдернув свою руку.

— Брось, Райан, — Блейк стоял в дверях своего кабинета, хмурясь и держа руки в карманах брюк.

Райан проигнорировал его.

— Меня зовут Райан Фелтон, а тебя?

— Микки, приятно познакомиться. Я собираюсь выйти ненадолго. Увидимся позже, — сказала я, обогнув Райана. Я схватила свою новую осеннюю куртку, вспомнив, что сказала испанка о холоде на улице.

— Ты вернешься до наступления темноты, так ведь? — спросил Блейк.

Я бросила на него неодобрительный взгляд и посмотрела на свои воображаемые часы на правом запястье.

— Вернись до темноты, Макайла.

Я еще раз зло посмотрела на него, давая ему понять, что он мне не отец. Я так и не ответила Райану. Меня все еще обуревали эмоции из-за Блейка. Я не могла больше не думать о губах, вернее, ни о чем другом не могла думать.

В лифте я застегнула куртку и прикоснулась к своим губам, думая о губах Блейка, о том, как близко они были к моим. Иисус, держи себя в руках, Микки.

Я не стала уходить далеко. Мне понадобилось не так много времени после того, как первое волнение от Нью Йорка прошло, чтобы понять, что он был очень похож на Чикаго. Возможно люди в Нью Йорке были немного более снисходительными, чем в остальном мире, но тем не менее, это был город. Цены были в два раза выше, и здесь было также многолюдно, как и в том городе, который я покинула.

Я вышла из ворот Зазен Ризорт и направилась в сторону небольшого кафе-бистро, расположенного в трех кварталах к северу. Это было единственное место, которое я нашла неподалеку, куда можно было прийти с ребенком. Пи нравилась кофейня, где она могла пить свой любимый ароматный горячий шоколад и одновременно читать книги. Когда я спрашивала ее, чем она хочет заняться, я знала, что мы либо пойдем в наше убежище в нашем небольшом пролеске, или пойдем в заведение мисс Бартли Букс.

Мисс Бартли была маленькой китайкой, которую все любили, включая Пи. И у нее повсюду были новейшие старые книги, какие я когда-либо видела. Я помнила, многие из них мне читала моя мама. Пи обожала, чтобы ей читали, и не на экране с подсветкой. Она

хотела старые добрые книги, где она могла бы переверачивать для меня страницы.

Я заказала чашку горячего шоколада с ванилью и ирисками; как любила Пи, с большой шапкой взбитых сливок. Просматривая новые книги, я выбрала для нее парочку новых, до которых мы еще не добрались. Я сидела с четырьмя новыми книгами, которые собиралась забрать домой для Пи, и потягивала свой горячий шоколад. Боже, как я скучала по ней. Я переживала, как она там в этом незнакомом для нее месте одна. Что же это за мать такая, которая так поступает с маленьким ребенком, со своим собственным ребенком? А ее отец? О чем он только думал? У этого бедного ребенка не было никого, кто бы ее любил.

Не знаю, почему я слушала Блейка, но даже если и так. Мне действительно нечего было делать в Нью Йорке одной. Блейку не было известно, что мне все еще было семнадцать, по крайней мере, еще несколько недель. Я вернулась в свою комнату к половине девятого, грустная и скучающая по Пи. Если бы она была дома, где ей и место, мы бы удобно устроились в ее кровати, читая одну из ее новых книг. Я обнаружила, что волнуясь, подоткнул ли ей кто-нибудь одеяло, и позволил ли ей чувствовать себя особенной.

Пытаясь найти что-нибудь по телевизору, чтобы отвлечься, я все переключала и переключала, и переключала каналы, не останавливаясь ни на чем, что увлекло бы меня больше чем на пару минут. Я попыталась позаниматься на своем телефоне, но некоторые сайты не открывались, другие не давали изображение крупным планом.

Смех, больше похожий на визг, доносившейся из-за балконной двери, которую я никогда не открывала, привлек мое внимание к занавеске. Я отодвинула ее достаточно, чтобы увидеть, как мисс Выскочка подняла свою ногу, в то время как Блейк заигрывал с ней, лаская и целуя ее повсюду.

— Может хватит? — сказала я вслух, закатив глаза. Я воспользовалась временем и проскользнула через центр квартиры, исчезнув в домашнем кабинете Блейка. Хотя, казалось, это никогда не срабатывало, я изо всех сил постаралась отвлечься от дыры в моей груди на что-либо еще. Почему это всегда происходило, когда я оставалась одна? Первым застонало мое сердце. Ощущая эту неопишемую боль в своей груди, я постаралась ее подавить.

Я пошевелила мышку, когда монитор перешел в спящий режим, и комната погрузилась в темноту, и тряхнула головой, пытаясь прочитать слова. Вот тогда я и взяла ручку. Вытянув руку, я нарисовала одну едва различимую тонкую линию. Ствол того самого тонкого пера из фильма Форрест Гамп изогнулся на моем предплечье. Кончик пера повернулся к исходной точке. Туда, где все началось, туда, где блуждал мой разум.

— Микки, — позвала меня мама из своего маленького уголка. Я вскочила с кресла и подбежала к ней. У нее было красное лицо, ее кожа обжигала при прикосновении, и дышала она слабо и поверхностно.

— Мам, что случилось?

— Вызывай скорую.

Это был первый круг. Той ночью я думала, что она никогда больше не вернется домой. Я молилась. Я так сильно молилась, чтобы она поправилась. Я оставила ее спящей в ее палате, а сама часами молилась Богу в больничной часовне этажом ниже, чтобы он не забирал ее. Я уставилась в небо и снова начала молиться, как только появились звезды. Я еще больше молилась, когда закрыла глаза, надеясь отдохнуть. Но это не помогло.

Я открыла глаза, когда сменились медсестры около шести утра. Глория улыбнулась мне и вышла так же тихо, как и вошла. К тому времени все медсестры перестали

спрашивать, кому можно позвонить. Они знали, что я была одна, что у меня никого не было. Почему Бог не мог этого понять? Забрал бы мать у кого-нибудь другого. У кого есть отец, брат, пара сестер, бабушка и бабушка, тети и дяди. У меня никого из них не было. У меня была только мама. И все.

— Иди сюда, детка, — прохрипела моя мама. Сколько бы она не откашливалась и не старалась прочистить горло, ее голос все равно ломался при разговоре. Было почти лето, как она могла подхватить пневмонию в это время года?

— Посмотри на эту статью, мам, — сказала я, поднимая сложенный журнал Тайм, — В Индии есть место, где они не пользуются лекарствами. Все на духовном уровне. Они как бы учат тебя замещать весь твой негатив только на положительное. Мы могли бы поехать туда. Посмотри на эту женщину. У нее тоже был рак. Она излечилась, и все, что она сделала, это узнала, как исцелить себя.

— Макайла. Пожалуйста, позвони своему отцу.

— Мама, не надо, — предупредила я. Нет. Она не станет этого делать. Она не оставит меня.

— Детка, я не смогу уйти, пока не буду уверена, что с тобой все хорошо.

— Нет, не хорошо. Мне никогда не будет хорошо без тебя. Неужели ты этого не понимаешь, мам? Разве ты не видишь, что я не буду в порядке?

— Почему ты это делаешь, малыш? — спросила она, проведя большим пальцем по темному облаку, которое я нарисовала на своей руке. Моя слеза упала на ее палец, и смешала облако с кончиком пера, создавая черный дождь. Я запечатлела это в своей памяти, чтобы позже воспроизвести.

— Это помогает, — печально сказала я, улыбнувшись, когда она улыбнулась при виде своего черного пальца. Я тоже улыбнулась; хотя и с трудом.

— Ты такая талантливая. Почему ты не пользуешься альбомом для рисования, который я купила тебе? — моя мама собрала все силы, какие у нее были, чтобы улыбнуться, — Что это? — спросила она, прикасаясь к зебре. Ее рука без сил упала обратно на кровать, и она скорчилась от боли. Еще одна слеза скатилась у меня по лицу и упала на карусель.

— Это воспоминания, — сказала я, позволяя черному дождю растекаться, оставляя следы на свежих чернилах, — Ты водила меня туда, когда мне было семь лет. Я потеряла там свою туфлю, — объяснила я.

Ее улыбка стала широкой, ее глаза просветлели, и хрип в ее голосе исчез. Я услышала ее любимый голос, полный веселья, в последний раз в тот день.

— Я выкинула одну свою в урну, и мы обе гуляли по парку в одной туфле, — сказала она, заканчивая историю, — А это тоже воспоминание?

Я посмотрела на ее пальцы, касавшиеся трех круглых монет, и кивнула.

— День Св. Патрика. Мы пекли зеленое печенье для моего класса. Мы выиграли золото за самые зеленые. Помнишь, мам?

— Да, потребовалось две недели, чтобы вернуть волосам нормальный цвет. Что это? Терновый венок, который носил Иисус?

— Нет, — сказала я, стараясь сдержать слезы, пока моя мама держала мое запястье, разрисованное колючей проволокой, — Это тюремный срок. Проволока означает заключение, а четыре шипа напоминают мне, на какое время, — сказала я, не сумев сдержать свои эмоции. Мой голос оборвался на писк, выдавая меня, пока я пыталась

подавить их.

Мама лизнула тот же испачканный чернилами палец, провела им по середине моего произведения искусства, и разделила проволоку.

— Ты свободна, детка. Иди на свободу.

— Это была твоя проволока, не моя. Это ты находилась в плену этой болезни последние четыре года.

— И ты тоже. Ты потратила все свои подростковые годы, ухаживая за мной. Я ужасно себя чувствую из-за того времени, которое ты никогда не вернешь. Ты должна сходить на выпускной вечер и встречаться с симпатичными мальчиками. Я еще раз умоляю тебя, Микки. Позвони своему отцу. Он поможет тебе. Я знаю, что поможет.

— Мам, только не начинай снова. Нет на земле места, где бы я предпочла быть, кроме как рядом с тобой.

— Ты знаешь, как сильно я тебя люблю, Микки. Я всегда буду рядом с тобой, — пообещала мама, с сухими слезами на глазах, громко отдающимся эхом в моих ушах. Она больше не могла по-настоящему плакать. Ее слезные железы больше не функционировали нормально. Время от времени, она могла проронить одну-две слезинки, но ее голос говорил мне, что она была в агонии. И не только из-за боли в ее теле, но и из-за боли в ее сердце тоже.

— Мама, не делай этого. Ты ведь не прощаешься. Мы победим это. Я обещаю, мы сможем. Мы не прощаемся. Мы еще не закончили. А теперь отдохни немного. Я пойду найду что-нибудь попить. — не знаю, почему я считала, что мой уход, остановит ее от попыток освободиться. Думаю, я ушла, зная, что она не оставит все как есть. Что она не умрет, не зная, что со мной все в порядке. Я не была в порядке, и она не могла умереть. Наверно, я просто не думала, что она оставит меня вот так.

Глава девятая

Куинн держал ее за руки, и они старались не упасть с качающегося моста.

— Хватит, Пи. На сегодня приключений достаточно. Давай возвращаться. Кажется, дождь собирается, — крикнула я ей.

Хотя я убеждала себя, что это все в моей голове, и Куинна не послали поймать меня, у меня все еще оставалось предчувствие. И оно мне не нравилось. Я хотела вернуться назад к моменту своей слабости. Хотела забрать его обратно. В жизни должно быть хотя бы три дубля. Я бы тогда воспользовалась одним из них. Я бы никогда не позволила Пи приближаться к той собаке. Ох! О чем я только думала?

Пи вела нас обратно к волшебнику, без устали болтая и не смолкая ни на минуту. Я снова попыталась от него избавиться, сказав ему, что мы собираемся ненадолго выйти погулять, и нам нужно привести себя в порядок.

— Куда вы собираетесь? Я поеду с вами.

У этого парня было мужество. Правда? Кто это сказал?

— Ну вообще-то я планировала побыть только вдвоем с Пи. Мы могли бы встретиться с тобой завтра ненадолго, до твоего отъезда.

— Я хочу, чтобы Куинн тоже поехал. Эй, подожди. Куда мы едем? — она переспросила, не помня о планах, которые мы никогда и не обсуждали.

— Это сюрприз. Мы поедем одни. Иди в дом. Я приду через минуту.

— Я хочу, чтобы Куинн поехал с нами, — заныла она.

— Пи, иди. Сию же минуту. Марш домой, — скомандовала я тоном, который она знала, надо слушаться. Такое случалось не часто, но, когда случалось, она знала, что этот тон не позволит ей получить желаемое. Она выпятила нижнюю губу и без лишних слов протопала внутрь.

— Что происходит, Дженна?

Я попыталась уйти, а затем встретилась взглядом с его холодными, темными глазами. Я знала, что с этим парнем было что-то не так. То, как он смотрел на меня, выявляло тайну, кем он был. Мои инстинкты были правы. Куинн был плохим парнем, но почему? Чего он хотел? У меня ничего не было.

— К чему торопиться? Еще вся ночь впереди. Нам стоит выпить пива и дождаться финала, — сказал он, тепло улыбаясь. Темный подтекст сменился невозмутимостью, но я не расслабилась. Финал?

— Спокойной ночи, Куинн.

Я закрыла за собой дверь и заперла ее. Я не спросила, о каком финале шла речь, я боялась спрашивать об этом, но у меня было очень сильное предчувствие, что Куинн всего лишь ищейка, и финал был еще впереди. Сделав глубокий вдох, я обернулась и увидела его, идущего в сторону своего грузовика и разговаривающего по телефону. Чтобы отвлечься, я набрала ванну для Пи, до того, как найти телефон с предварительно оплаченным балансом. Как только она залезла в ванну, я рванула к шкафу и стала рыться в поисках телефона на дне рюкзака «Хелло Китти».

Мое сердце сильно колотилось в груди, пока я возвращалась в гостиную в панике. Куинн сидел в грузовике, но не собирался уезжать, а Пи была в ванне. Я выглянула в коридор, послушала, как она брызгалась пеной в воде, и включила телефон. Удары в груди стали громче, когда я прочитала СМС сообщения; последнее было:

БЕГИ!!!!

Адреналин быстро и мощно пульсировал по моим венам, пока я прокручивала следующее:

Квинтон Форд. Он идет за тобой. Сейчас же уезжай!

Секунды тикали, пока я прокручивала в голове свои дальнейшие действия. Я высоко подпрыгнула, когда услышала стук в дверь. Что мне было делать? Что если бы я открыла дверь, и он пристрелил меня? Я не могла позволить Пи пережить подобное.

— Соберись. Ты не трусиха, — настраивала я сама себя, подходя к двери.

На лице у Куинна была широкая, дружелюбная улыбка. Та, что заставила меня поверить, что он был приветливым егерем из Иллинойса.

— Привет, — ответила я, на сколько могла, безопасно.

— Извини, мой грузовик не заводится. Ты не будешь против, если я поторчу тут какое-то время? Я только что позвонил кое-кому из коттеджей, где я остановился.

— О, что с ним случилось? У меня есть опыт в починке одного-двух моторов, может я смогу помочь, — солгала я. Я не могла отличить стартер от коробки передач.

— Думаю топливный насос вышел из строя. Я не уверен. Могу я войти? — спросил он с мальчишеской ухмылкой. Позволив ему думать, что я ни о чем не догадываюсь, я махнула рукой, приглашая его войти. Что еще мне оставалось делать? Обратив особое внимание на его пистолет, торчащий сзади из его джинсов, я гадала, как бы мне его достать. Мне он был нужен.

Куинн остался на весь вечер, притворяясь будто мы с ним лучшие друзья, а они с Пи хорошие приятели. Весь вечер я могла думать только о пистолете, пока Пи не заснула. Я слышала Куинна в ванной, пока укрывала ее. Ржавую петлю на дверце шкафчика в ванной было трудно замаскировать. Я ждала, пока он вернется в гостиную, чтобы встретить его там.

— Ну, похоже, что мне придется воспользоваться твоим диваном на ночь. Моя помощь запаздывает, но не волнуйся, он обещает, что появится здесь первым делом завтра утром, — проинформировал меня Куинн, когда я присоединилась к нему. Захваченная врасплох комментарием про утро, я запнулась. Означало ли это, что кто-то был на пути сюда, чтобы вернуть нас обратно? И что я должна была сказать?

Куинн и я молча смотрели телевизор, пока он не спросил, хочу ли я пива. Я знала, когда он встанет, пистолета больше не будет видно. Он был в моей ванной. Я отказалась и сказала, что собираюсь принести ему пару одеял.

Закрыв за собой дверь, я успокоила свои нервы, ну, или попыталась, во всяком случае. «Итак, если бы я была пистолетом, где бы я была?» — я тихо спросила небольшое помещение. Я фыркнула, когда увидела сиреневую зубную щетку с голубой пастой на ней, которой Пи забыла воспользоваться. Маленькая проказница. Я открыла два шкафчика под умывальником. Шампунь, лосьоны, очень ягодная пена для ванн и мои чистящие принадлежности позволяли легко увидеть, что находится за ними. Его там не было. Было еще только одно место, где он мог быть, шкафчик для полотенец.

Я протрясла полотенца, высматривая пистолет, которым не знала, как пользоваться. Я на секунду застыла, когда вспомнила о выступе над внутренней стороной дверцы шкафчика, где для меня был оставлен конверт с деньгами. Сначала, я нащупала конверт, зажатый между двумя досками справа от себя, а затем моя рука дернулась, когда ощутила рукоятку пистолета. Сжав пальцами запястья, я потрясла руками. Что теперь?

Угрожать ему пистолетом? Связать его? Я могла бы связать его и убежать. К тому времени, как его обнаружат, я буду уже далеко. Похоже, это был лучший план или возможно это был единственный план. Я осторожно взяла пистолет с выступа, словно он был бомбой замедленного действия, и подняла его над головой.

У меня перехватило дыхание, и я чуть не уронила его, когда дверная ручка задергалась. Сердце у меня остановилось, и я застыла в состоянии паники, как в фильме ужасов. Придя в себя, когда ручка снова задергалась, я быстро положила пистолет на выступ за дверцей шкафа.

— Микки...я хочу писать, — заныла Пи за дверью.

— Иисус, ты меня чуть до инфаркта не довела, — сказала я, втаскивая ее внутрь. Я выглянула в гостиную и увидела ноги Куинна на диване.

— Почему?

— Тссс.

— Почему? — спросила Пи снова, усадив свою попку на унитаз.

— Куинн заснул на диване. Мы же не хотим его разбудить. Боже, Пи, каких размеров у тебя мочевого пузыря?

— Э-э?

— Ничего — я хочу, чтобы ты выслушала меня, Пи.

— Ладно. Что?

Мое сердце снова ушло в пятки, когда дверная ручка энергично задергалась.

— Дженна! — окликнул Куинн с той стороны.

Я запихнула зубную щетку Пи себе в рот и начала чистить зубы. Открыв дверь, я, хмурясь, посмотрела на него в замешательстве, надеясь, что он не заметил волнения на моем лице или стука сердца в моей груди. Куинн настороженно осмотрелся, опустив глаза сначала на Пи, стоящую за мной, а затем обвел взглядом всю комнату.

— Что случилось? — спросила я, стараясь прикинуться скромницей. Скромность мне плохо давалась.

Куинн перевел взгляд с меня на Пи, которая мыла руки, не заметив ничего необычного.

— Э-э, ничего. Мне показалось, кто-то плакал. У тебя все хорошо, Пи?

— Ага, — ответила она.

— Ладно, давай уложим тебя обратно в кровать, — сказала я, прополоскав рот и сплюнув. Я обошла Куинна, стоявшего с настороженным выражением и решающим, происходило ли тут что-нибудь или нет. Маленькая ручка Пи скользнула в мою, и я отвела ее в ее комнату. Что, черт возьми, мне делать? У меня был только один план — План А.

Черт. Я ведь знала, что не должна была позволять ей пить газировку в восемь вечера. Я легла в кровать с Пи, не собираясь оставлять ее. Клянусь, за этот день у меня было больше выбросов адреналина, чем за всю жизнь. мое сердце никак не могло успокоиться.

Я лежала очень тихо, прислушиваясь ко всему. Я беспокоилась из-за каждого автомобиля, который слышала вдалеке. Даже небольшой шум ветра вызывал приступ страха, и я не знала, что делать. Крепко прижав Пи к своей груди, я вспомнила те выходные. Которые она провела со своей матерью.

Я ушла в кабинет Блейка, после того, как увидела его на балконе с сучкой, которую ненавидела; с той, которую он называл Фелицией — бывшей девушкой. Охотница за деньгами, вот кем она была. Она была слишком глупой, чтобы быть профессионалкой. Пи была умнее ее.

Я развернула кресло и уставилась в окно, возвышавшееся над огромным миром. Сверкающие огни расплылись от моих слез, и я уронила голову на руки. Мои локти упирались в колени, и я расплакалась, болезненно втягивая воздух, который обжигал меня при каждом вдохе. Я разжала руку, когда мельком увидела знакомое сердце, насаженное на тонкую кость, спускающуюся вниз вдоль пронзительной вены с внутренней стороны моей руки, прямо над разорванной колючей проволокой с четырьмя колючими шипами.

Подставив руку так, чтобы поймать на нее мои слезы, я получила дождь, падающий на сердце из еще невысохших чернил. Черный дождь. Мое сердце кровоточило черным дождем, который никогда не остановится.

Он остановился.

Остановился сразу же, когда я услышала спор, а затем стук захлопнувшейся двери. Я сидела совершенно неподвижно и приказала слезам остановиться. Собрав всю волю в кулак, я приказала себе перестать плакать. Я не ожидала, что он войдет. Я предположила, что Блейк сразу же поднимется вверх и оставит меня в покое. Он этого не сделал.

Я оставалась сидеть в бордовом кожаном кресле, повернувшись к окну. Что, черт побери, ему нужно? Зачем ему надо было прийти сюда?

— Привет, тебе не обязательно разворачиваться, — сказал он позади меня, — По правде говоря, так будет проще. — здорово. Он собирался уволить меня. Теперь за что?

Я проглотила сухой комок, не в состоянии ответить. Я не собиралась поворачиваться.

— Знаю, это прозвучит безумно, и все такое, но у меня к тебе есть, как бы, предложение. Это прозвучит дико, — повторил он, не получив ответа от меня. Предложение? Что, черт возьми, это означает? — Ладно, итак, я тут подумал. Ты ведь знаешь, как сильно я сейчас занят на работе и все такое, и если ты не заметила, я как бы не очень люблю свидания, верно? Не знаю, что это такое, может я наконец-то повзрослел или что, но я больше не хочу быть свободным игроком. Понимаешь, о чем я?

Я покачала головой и нахмурилась, вытирая слезы изнаночной стороной своей рубашки. К чему, черт побери, он ведет?

— Да. Ладно. Итак. Черт. Это делает меня отчаявшимся, но я не такой. Я мог бы получать женщин каждый день. Посмотри на меня. Это не проблема.

Блейк хвастался своей привлекательностью. Не льсти себе жеребец. Не так уж ты и крут.

— Ладно, итак, ты знаешь, мы договорились на пятьсот в неделю плюс проживание и питание, верно? А что, если мы кое-что добавим к этому, и я немного прибавлю? Скажем еще четыре сотни в неделю? Это девятьсот баксов в неделю. Это большие деньги, Макайла.

Я наконец смогла сформулировать предложение за эмоциональным срывом.

— Вы предлагаете платить мне за секс?

— Ну, не знаю, я бы это выразил по-другому. Ладно, да. Именно так. Вот. Это все. Я бы хотел платить тебе за то, что ты будешь развлекать меня здесь, на дому. Я устал таскать сюда девиц, и устал от всего этого сценария обольщения. Но... Я все еще мужчина. Если бы ты захотела позаботиться о некоторых потребностях, мы могли бы заключить сделку. Мне просто нужно что-то простое без всяких привязанностей.

Не знаю, что случилось после этого. Может это сочетание эмоций, сжигавших меня на живую после потери матери, или возможно это было то, что я обещала никогда не делать. Я бы никогда не стала чьей-либо шлюхой. Даже за это. Когда я думаю об этом, я задаюсь вопросом, не было ли это неприятием, которое я чувствовала от Блейка. Он предлагал платить мне за секс с ним. Полагаю, что того, что я думала, возникло между нами, там вообще не было. Внезапно мне стало еще больнее. Я вскочила и постаралась пробежать мимо него. Почему я почувствовала себя отвергнутой? Он мне даже не нравился.

— Стой, Макайла. Что происходит? Что случилось?

О Боже.

Нет.

Не Блейк.

ТЬфу!

Просто это должен был быть он. Я вцепилась в Блейка и разрыдалась на его твердой груди, пока его руки крепко сжали меня, успокаивая. Четыре года боли и страданий выплеснулись именно здесь, в объятьях Блейка. Глупая, глупая девчонка. Его губы целовали мои волосы, пока он успокаивал меня, поглаживая руками по спине. Секунды обернулись, в, по меньшей мере, десять минут, пока я не выплакала все до последней слезинки.

— Я сожалею, — наконец заговорила я, взяв свои эмоции под контроль. О, Боже. Что же мне теперь делать? Я попыталась убежать от него, но он остановил меня.

Ухватив мой подбородок двумя пальцами и подняв его, Блейк заглянул в мои опухшие,

потерянные глаза.

— Кто сломал тебя, Макайла?

— Жизнь, — сказала я, отстраняясь от его прикосновения. Блейк нежно взял мою руку и перевел взгляд на мою работу, рассматривая ее сверху вниз.

— Это твоя жизнь? — спросил он, проведя тыльной стороной своих пальцев вниз по внутренней стороне моей руки, по разным символам, воспоминаниям и черному дождю от моих слез. Я снова резко дернулась от него. У меня получилось вырваться, и я убежала в свою безопасную комнату, прямиком в душ. К счастью, Блейк не последовал за мной. Иисус. Какого черта это было? Мало того, что Блейк Коуст попросил меня заняться с ним сексом за деньги, так я еще безобразно намочила его рубашку своими слезами. Брось, Микки. Правда?

Как только я закончила свой ритуал с вечерним душем, я забралась в кровать, качая головой. Как я могла быть такой глупой? Как он мог быть таким глупым? Секс? Деньги? Что?

В моей голове царил хаос до самого рассвета. Что мне говорить ему о своем срыве? Как только я придумала маленькую ложь об этой эмоциональной вспышке, я подумала о его предложении. На это у меня не было простого ответа. Я даже не была уверена, что он говорил это серьезно. Да. Так и было. Он был пьян. А что, если не был? Что, если он это серьезно?

Блейк встал и ушел до того, как я проснулась в субботу утром. День я провела в одиночестве, читая, выполняя домашние задания и скучая по Пи. Боже, как я по ней скучала. Я не видела его до воскресенья, когда мне пришлось с ним столкнуться, прямо перед возвращением Пи. Ему удалось не появляться дома все выходные, возможно проводя время с Фелицией.

Я радостно подпрыгивала, когда она наконец-то поднималась в лифте.

— Что ты делаешь? — спросил Блейк, когда я открыла дверь.

— Жду Пи. А что? — спросила я с любопытством.

— Это необязательно. Я могу забрать ее.

— Я не забочусь о ее получении. Я хочу обнять ее и поцеловать ее, и сказать ей, как сильно я по ней скучала. А вы — нет?

— Я плачу тебе не за привязанности. Ты можешь идти, — скомандовал Блейк, кивнув в сторону моей комнаты. Я послушалась только потому, что знала, что это была она, ее мать. Я полагала, он хотел поговорить с ней. Мой любопытный носик остановился прямо за углом, подслушивая.

Я не могла ничего услышать, но у меня был хороший обзор. Да, она была сексуальной, но также она была снобом, богатой стервой. Если она задерет свой нос еще выше, то упрется взглядом в небо.

Я завизжала, когда Пи наткнулась прямо на меня. Она искала меня. Я взяла ее на руки и крепко обняла.

— Я скучала по тебе, — завизжала я, не беспокоясь, что Блейк или Фарра услышат меня. Я действительно скучала по ней.

— Это наша новая няня, — сказал Блейк, когда я вышла с их ребенком на руках.

— Ты издеваешься? — сказала она с отвращением, разглядывая мои простые мешковатые джинсы, те, в которых я сюда приехала.

— Даже не начинай, Фарра. Это именно ты, ее никогда не навещаешь. У тебя нет

права указывать, кого мне нанимать для нее, когда ты ничего не делаешь, чтобы помочь с ней. Совместное воспитание означает, что мы разделяем его. Ты не можешь просто появляться здесь раз в несколько месяцев и портить ее всяким барахлом. — возразил Блейк.

— Ты мог бы по крайней мере нанять кого-то, кто может научить ее чему-нибудь.

— Вы имеете в виду тех иностранок, которые говорят только по-испански? Или тех, которые не читали ей, не приучали ее к горшку, не учили ее говорить? — высказалась я.

— Так это ты научила ее так разговаривать? Она сражалась с динозаврами с веником служанки. И чему это ее научит? — спросила высокомерная стерва.

— Просто отведи ее наверх, Макайла, — сурово приказал Блейк, подняв палец и предупреждая, чтобы я заткнулась.

Я вовремя закрыла свой болтливый рот и прошла мимо них. Она даже не остановила меня, чтобы попрощаться с Пи. Никто из них не заслуживал ее. Сколько бы я не говорила себе не привязываться, то, как с ней обращались ее собственные родители, связывало меня с ней еще больше. Я не могла себе представить, чтобы моя мама обращалась со мной таким образом. Она бы сделала для меня все на свете. Блейк и Фарра даже не хотели ее. Почему они дали жизнь нежеланному ребенку в этом сумасшедшем мире?

Я сидела с Пи, пока она играла в ванне, болтая неполными предложениями о рыбе под пеной. Я швырнула идиотское в рюшах платье в стирку и одела ее в розовые хлопковые штанишки и удобную обычную рубашку.

Глава десятая

Когда мы вернулись на кухню, Блейка нигде не было видно. Я приготовила Пи макароны с сыром и села рядом с ней за кухонный островок, пока она ела. Мы почитали Кузина Салли Сью и повалялись на диване, а затем отправились спать. В мою кровать. Пи не собиралась идти наверх; она осталась со мной. Думаю, она тоже по мне скучала.

Мои мысли все еще блуждали, мне тяжело было уснуть, но Пи помогла. Когда она спала рядом со мной в кровати, это удерживало меня от слишком темных мыслей. Я не видела ничего ужасного, типа скелета моей матери. Я видела небольшое чудо, которое я безумно любила.

Я не была уверена, что вообще спала, пока Пи не дала мне узнать об этом. Сначала я открыла глаза, сразу как почувствовала теплую жидкость, растекающуюся по моей футболке, покрывая мои ребра. О, Боже. Описалась? Правда?

— Пи, проснись, — воскликнула я, тряся ее, — Пи! Ну же, проснись, — проворчала я и затем стащила мокрую себя с кровати и вымылась — снова, прежде чем найти чистую одежду для Пи и постельное белье для кровати.

Я ступила на первую ступеньку, а затем резко развернулась, вспомнив о новой пижаме, сложенной в сушилке. Я вскрикнула, когда мое тело уткнулось прямо в Блейка. Блейка в черных, обтягивающих коротких трусах боксерах. Я что сказала в обтяжку? Ух ты...

— Пи описалась, — сказала я, отвернув голову от его выпуклости.

Мой разум кричал мне убрать руки от его обнаженной груди, но они не слушались. То же и с моими глазами. Они продолжали смотреть на мои руки, прикасавшиеся к нему. По крайней мере, это было лучше, чем его промежность. Секунды молчания, пока мы стояли прижавшись друг к другу, закончились, когда я кое-что поняла.

Руки Блейка тоже были на мне. Осознание этого ударило меня, когда я поняла, что он

касаясь моего тела у края футболки. Его большие пальцы гладили мою кожу, и я резко отскочила назад, и споткнувшись о нижнюю ступеньку, приземлилась на задницу. Блейк упал вместе со мной, прикинувшись, будто спасает меня. Я тяжело сглотнула, уставившись на этого практически голого мужчину с открытым ртом. Что это было, черт возьми? Внезапно мои руки стали холодными и влажными, во рту пересохло, одна моя рука отказывалась покинуть его грудь, и мои глаза были заморожены его взглядом.

Думаю, я все-таки закрыла глаза, когда он наклонился и потянул меня вверх. Я облила губы, проглотила сухой комочек и обошла его.

— Вам не стоит разгуливать в таком виде, — отчитала его я.

Блейк слегка фыркнул.

— Это ты в футболке и трусиках.

— Ох, да, но я не ждала, что увижу вас тут.

— Это не важно. Я видел тебя, разгуливающей по дому в таком виде много раз.

Камеры слежения.

— Но вы сказали, что виден только вестибюль, входная дверь. — Сказала я, натягивая вниз свою футболку.

— Нет, я сказал передние комнаты, вся эта территория, — Блейк взмахнул рукой, показывая мне, где я разгуливала, и он мог меня видеть. Здорово. Теперь он будет думать, что я делала это нарочно.

— Ладно, мы оба будем носить больше одежды. Спокойной ночи.

— Мы можем поговорить?

— Нет, сейчас середина ночи. Ваша дочь только что описалась в кровати. Если хотите, вы можете позаботиться об этом, — предложила я. Я не собиралась разговаривать с ним. Мои мысли и так были достаточно запутанными. Мне бы хоть с этим справиться.

— Я? И что мне делать? — растеряно спросил он, тыкая себя в грудь большим пальцем. В ту самую грудь, на которой совсем недавно были мои руки. Ту самую рельефную, обнаженную грудь. Ах.

— Забудьте. Я сама справлюсь, — сказала я, унося побыстрее оттуда свои ноги, пока какие-нибудь неизвестные эмоции не накрыли меня. Блин горелый...

Только когда я была уже в своей комнате и закрыла за собой дверь, я вспомнила, зачем я вообще туда пошла. Подождав пару минут, я выскочила, схватила простыни из бельевого шкафа, взяла чистую пижаму и бегом вернулась обратно.

Как только я передела Пи и застелила чистые простыни, я легла рядом с ней и резко выдохнула.

Какого черта здесь только что произошло?

На следующий день Блейка нигде не было видно. Мы с Пи отправились к Мисс Бартли и купили новую книгу и коробку чернильных ручек, пообедали внизу в столовой и прогулялись по саду у бассейна. Пи очень быстро превращалась в нормального ребенка. Клянусь, она была самым смешным ребенком во вселенной.

Я до слез смеялась над ней, когда спросила ее, хочет ли она прогуляться к фонтану у парадного входа, чтобы загадать желание. Никто так не делал, кроме нас, но нам было все равно. Пи продолжила гулять по саду, ничего не пропуская.

— Нет, я уже делала это в 1954

— Что? — я так смеялась, что чуть не описалась. Я понятия не имела, откуда она

этого набралась, но конечно была рада, что она дома.

Пи и я были в пижамах, готовясь уютно устроиться на диване, когда Блейк вернулся домой, раньше, чем я ожидала. Пи встала с книгой в руках и уставилась на него снизу-вверх. Я улыбнулась тому, как она выглядела. Ее новая пижама, разрисованная рождками с мороженым, была ей слишком велика. Рукава закрывали ее пальцы, и она тащила штанины за собой. Я подняла одеяло, и она забралась ко мне на колени, уютно устроившись. Она посмотрела на Блейка своими большими глазами и вздохнула, когда он сел. Я никогда не узнаю, что было у нее в голове. Было похоже, что она желала, чтобы он не приходил домой.

Меня тоже не порадовало его раннее возвращение домой, я была в бешенстве, у нас были планы, а он их испортил. Мы собирались читать книгу, а потом Пи уснула бы на моих руках, пока мы смотрели по телевизору все, что она хотела посмотреть. Я обожала, когда она засыпала в моих объятьях. Мне очень нравилось, как она обхватывала меня своими маленькими ручками и ножками, когда засыпала.

Пи и я, обе уставились на него.

— Что делаете?

— Микки читает книгу.

— Она действительно много говорит, — отметил Блейк.

— Она, — сказала я, рисуя пальцами в воздухе кавычки, — находится прямо здесь. С кем вы разговариваете? Поговорите с ней.

Пи тоже наблюдала за ним, приподняв брови. Даже в три года она понимала, что он чувствовал себя не в своей тарелке. Ему здесь было не место, и он нам мешал.

— Что вы собираетесь делать на ее день рождения? Может мне стоит спланировать праздник для нее?

— Зачем? Кто придет? Она даже не будет знать, что происходит. Нам не это надс обсудить. Ты игнорируешь мое предложение.

— Вы идиот, и нет, оно прямо передо мной, занимает все мои мысли. Не переживайте, оно переливается яркими неоновыми цветами. Я не забыла, но оно не столько важное, как праздник на день рождение для Пи. Ей исполнится три года. Она должна получить подарки, и шарики, и клоунов.

— Я не юблю коунов, — напомнила мне Пи. Она не шутила. Боязнь клоунов была настоящей фобией. Именно по этой причине я избегала пересечения 3-й и Линкольн Стрит. Клоун, продававший там воздушные шарики, заставил Пи забраться ко мне на руки.

— Никаких клоунов, Пи, — пообещала я, сцетив ее розовый пальчик с моим. Она захихикала, когда я подергала их, словно в рукопожатии. Боже, как я любила ее.

— Я говорил тебе прекратить называть ее Пи. Ее зовут Лондон, — напомнил мне Блейк в миллионный раз.

— Почему?

— Почему что?

— Почему ее назвали Лондон? Откуда такое имя?

— Что ты имеешь в виду? Так ее назвала ее мать.

— Но всегда есть причина. Имя каждого имеет какое-то значение, например, мое, Макайла в честь крутой пианистки из Англии. Она приехала в штаты в 1921 одна, в возрасте восемнадцати лет, чтобы играть в Симфоническом оркестре Чикаго. Макайла Фергусон. Вы ее знаете? Моя мама начала играть из-за нее. Она была потрясающей. В

любом случае, «Принцесса на горошине». Это кое-что значит.

— Тебя назвали в честь Макайлы Фергюсон?

Хотя, наверно я не должна была, но я была впечатлена. Ну, то есть, у парня, который тут сидел, ведь было пианино Аугуста Фёрстера.

— Да, а вас в честь кого назвали?

— Моего отца. Ты имеешь в виду Пи, как букву, или Пи, как горошинку в сказке?

— Сами догадайтесь. Хотите ей почитать?

— Нет, продолжай. И тебе надо перестать избегать необходимого разговора. Я предложил тебе сделку. Хочешь ее заключить или нет?

— Это моя мама начала звать меня Микки. Оно подходило к ее имени. Мы были Микки и Викки.

— Макайла, — , начал заводиться Блейк.

— Что, если я скажу нет?

— Это твое право, но я собираюсь найти того, кто готов занять это место. Это лучшее для меня сейчас, с тем что происходит на работе. Сейчас там сумасшедший дом. Ты просто не знаешь, кому можно доверять.

Мои глаза немного расширились, гадая, говорил ли он обо мне. Неужели он уже знал, кто я? Это он играл со мной?

— Итак, вы просто собираетесь нанять какую-то ш.л.ю.х. у заботиться о вашем ребенке? — спросила я, называя это слово по буквам, чтобы Пи не запомнила.

— Нет, я собираюсь нанять няню, которая будет заботиться о Лондон и обо мне заодно. У меня нет сейчас желания иметь дела с женищинами.

Я бы хотела с удовольствием сказать, что он блефовал, но я боялась, что это не было блефом. Я была почти уверена, что он сможет найти кого-то, кто будет так делать, кто будет обращаться с Пи, как это делала последняя няня, или как обращались с ней ее ужасные родители.

— Этого я и боялась, — призналась я, тяжело вздохнув. Пи захихикала, когда ноги пингвина взмыли в воздух, и он скатился по льду на своей заднице. По крайней мере, она была занята глупыми пингвинами, про которых смотрела уже миллион раз, и не обращала внимание на нас. Я улыбнулась ей, не понимая, почему сердце ее отца не таяло при звуке ее смеха. Невозможно было устоять, чтобы не улыбнуться ей. Блейк мог. Он даже ни разу не посмотрел на нее. Его холодные, как камень, глаза пристально смотрели на меня, ожидая моего ответа.

— У меня есть несколько условий, — наконец заговорила я.

Блейк слегка выпрямился, и выглядел шокированным. Черт. Я слишком быстро сдалась.

— Правда? То есть, да. Конечно. Ладно. У меня тоже есть несколько, — затараторил он. Впервые я увидела Блейка, сбитого с толку.

— Мы обсудим это, когда Пи заснет.

— Ты прекратишь называть ее так?

— Наверно нет. Это кое-что значит. Вы и понятия не имеете, насколько особенной является эта малышка. Лондон — это не более, чем вычурное имя для богатых. Для вас оно ничего не значит, просто имя.

— Ты понятия не имеешь о моих корнях.

— Да мне и не важно. Меня волнует, куда вы движетесь. У вас есть ребенок, который даже вас не знает.

— *Перестань, Макайла. Мы не будем это обсуждать. Она точно знает, кто я такой. Спроси ее.*

— *Я не говорила, что она не знает, что вы пользуетесь титулом отца, не зная, как им пользоваться.*

— *Тогда, где твой отец, всезнайка? Я не вижу его здесь, оберегающим тебя. Где твой герой, Макайла?*

— *Я тоже не была особенной, — сказала я, взяв Пи за руку.*

— *Вы, женщины, действительно ненормальные. Я иду в душ. Мы продолжим этот разговор, когда она уснет, — вставая, сказал Блейк. Я наблюдала, как он, поднимаясь наверх, перешагивал своими длинными ногами через две ступеньки. Никаких пожеланий Пи спокойной ночи, или чего-нибудь. Полагаю, к тому времени, я уже этому не удивлялась. Я этого ожидала. Я просто не понимала этого.*

Пи тоже наблюдала за ним, а затем открыла книгу.

— *Давай читать книжку.*

— *Жил-был принц, который хотел найти принцессу, но она должна была быть настоящей принцессой, — начала я.*

— *Это я.*

— *Это всегда ты, — сказала я, целуя ее в голову. Она всегда так говорила. Каждый раз.*

— *Да, это всегда ты.*

Звук хлопнувшей двери автомобиля вернул меня в настоящее, что снова заставило мое сердце биться быстрее. Я вскочила и выглянула в окно. Это был Куинн, возвращавшийся в дом от своего грузовика. Я знала, что он был в грузовике, потому что свет в салоне все еще горел. Я снова забралась в кровать и расслабилась.

— *Я люблю тебя, малышка, — прошептала я, притягивая ее к себе. Я действительно ее любила. Я очень сильно ее любила и не собиралась возвращать ее тем людям. Если бы мне пришлось, я бы умерла, пытаясь спасти ее. Мы слишком далеко зашли, чтобы позволить Куинну Форду остановить нас. Мне нужно было что-нибудь придумать. Мне нужна была ручка или три.*

Глава одиннадцатая

Я размышляла, что делать. Я пыталась прийти к какому-нибудь решению, и миллион мыслей кружилось у меня в голове.

Достать пистолет.

Держать его на прицеле.

Связать его.

Убраться отсюда к чертовой матери.

Это был единственный план. Больше ничего не приходило в голову, и не похоже, что у меня был большой выбор. Взглянув на свой автомобиль, я увидела небольшой перекосяк сзади с водительской стороны и поняла, что определенно спустило колесо. Ничего страшного. Уверена, его грузовик исправен. Достать пистолет, забрать у него ключи и убраться отсюда к

чертовой матери.

Вот. У меня есть план.

Я села за маленький белый стол Пи и открыла выдвижной ящичек. У нее не было чернильных ручек, но коробка с фломастерами то, что надо. Они подойдут. Я выбрала черный и нарисовала сначала перо. Предполагалось, что мой мозг будет искать решение, как вытащить нас из этой чертовой передраги, а не думать о Блейке. Мой взгляд скользнул за окно на грузовик Куинна, затем вернулся обратно к моей руке.

Я только что отнесла Пи в ее кроватку. Положив ее, я тихо закрыла за собой дверь.

— Присоединяйся ко мне на моей террасе, выпьем, — сказал Блейк, стоя в дверях своей спальни.

— Чувствую, это ловушка.

Впервые Блейк рассмеялся. Я никогда не слышала, как он смеялся, только ухмылялся или дерзко усмеялся. Как только он засмеялся, я сразу поняла, от кого это у Пи. Его плечи округлились, дергаясь вверх-вниз, как и у нее. Не нравится мне это говорить, но скажу, у него это так мило получалось.

— Обещаю. Это не ловушка. Просто хочу с тобой кое-что обсудить.

— Сейчас вернусь. Возьму свой список тоже.

— Список? У тебя есть список вещей, которых ты от меня хочешь? Не могу дождаться, — начал он выпендриваться, потирая руки, будто только что выиграл приз. Так и есть. Просто он еще не знает об этом.

— О, и это начнется не сегодня, — уверила я его, обернувшись на его тупой комментарий.

— В субботу.

— Замечательно, — воскликнула я с сарказмом, взмахнув кулаком в воздухе. О, Боже.

Разговор, который у меня состоялся с самой собой по дороге в свою комнату и обратно, состоял в основном из непристойных мыслей. Мыслей, которые я знаю, скоро станут реальностью. Дерьмо. Зачем ему понадобилось назначать дату? Мой мозг считал дни, часы, минуты и секунды по дороге в свою комнату и обратно.

Я передала Блейку свои условия и сделала глоток из своего стакана. Срань Господня.

— Боже, это чистый спирт.

— Ага, типа того. Скобы? Правда? — спросил он, глядя на мои условия, — Я не понимаю, — сказал он, перелистнув на следующую страницу. — Это не о сексе.

— Нет, не о нем. Вы единственный, кто этого хочет. Если вы собираетесь принудить меня спать с вами за деньги, тогда вы тоже последуете моим правилам.

— Это не принуждение. Ты в любое время можешь уйти.

— Уйти куда, мистер Коуст? — спросила я, закатив глаза и покачав головой на первый пункт в его требованиях.

Номер один. В спальне ты всегда будешь звать меня мистер Коуст, если нет других инструкций... Правда?

— Это касается Пи. То есть, Лондон. У меня нет времени на все это. Совершить с ней прогулку на следующей неделе, в течение двух часов в поисках приключений? Что, черт побери, это вообще значит? У меня полно работы. У меня нет времени читать книги в какой-то кофейне, книжном магазине. Ты ведь знаешь, что говорят, что в этом месте водятся тараканы? — бросил Блейк, пройдя по моему списку желаний.

Я пробежала глазами по списку его фантазий. Я согласна позволить ему использовать

на мне что? Серьезно? Я не хочу, чтобы он делал что-либо из перечисленных им вещей. От некоторых из них я немного вздрогнула, но это был абсолютно противоположный список, чем тот, что читал он.

— Вы думаете, я хочу глотать вашу сперму? — спросила я, читая седьмой пункт.

— Сейчас речь не об этом. Ты пытаешься вмешиваться не в свои дела.

— Если вы можете засунуть свой член мне в рот и ожидаете, что украсите мои губы своей спермой, то думаю, вы сможете справиться в течение нескольких часов со своей дочерью. Либо да, либо нет, — парировала я.

— Кажется, ты забываешь, кто здесь главный. Может быть тебе нужно напомнить, куда я могу тебя вернуть. Ты хочешь назад к своему дружку, вернуться к тому, из-за кого ты плачешь по ночам?

— Что? Вы спятили.

— Правда? У меня есть камеры слежения. Я тебе уже говорил об этом. Ночами, когда ты сидела в моем кабинете и разрисовывала свою руку. Я видел тебя.

Это привело меня в ярость.

— Вы могли бы мне сказать. Знаете, вы действительно мудаки. В смысле, большой, самый большой, каких я встречала.

Губы Блейка искривились, а глаза смягчились, но он не засмеялся,

— Прекрати убиваться по какому-то идиоту. Ты молода. У тебя, возможно, будет миллион других парней прежде, чем ты найдешь того, кого сможешь терпеть. Забей. Клянусь, никто не стоит той боли, которой ты себя подвергаешь.

Хотя, я знала, что это утверждение далеко от истины, я воздержалась от комментариев.

— Да, да, как угодно. Так мы договорились, или нет?

— Нет. Я не собираюсь все это делать. Я только что сказал тебе, какая бешенная у меня работа. Там что-то происходит, а я не знаю, что.

— Что-то вроде чего?

— Ничего, ты не поймешь. Слишком большое напряжение. Суть в том, что у меня нет времени, чтобы ходить в Чаки Чиз.

— Хорошая идея, я добавлю это в список. Я уже давно там не была. Пи там понравится.

— Макайла. Я не собираюсь в Чаки Чиз.

— Хорошо, я не буду сосать ваш член. Дайте знать, когда прибудет моя замена. Если она мне не понравится, она не останется с Пи.

— Это безумие.

— Нет. Безумие, это то, что вы ничего не знаете о своем ребенке.

— О, Боже мой, ты перестанешь уже? Ей два, ради Бога.

— Ей исполнится три в субботу. Если вы планируете, что наше маленькое рандеву начнется после того, как она заснет, я рассчитываю, что в субботу вы будете на празднике в честь ее дня рождения. Детали я переищу по электронной почте. Уверена, так я смогу привлечь ваше внимание.

— Три ей исполнится в следующий четверг. Ты думаешь твоя киска из золота или что? Ты не будешь манипулировать мной.

— Ха! Я манипулирую вами? Посмотрите в зеркало, приятель. И для нее — ей будет три в субботу.

— Ладно, ладно, утро вечера мудренее. Видно, твоя упрямая задница не поддастся.

— Моя мама не воспитывала меня богатенькой бимбо.

— Говоря о маме, где карта социального страхования?

— О, Боже мой. Спокойной ночи.

— Подожди. Куда ты идешь? Выпей со мной еще. Сядь, еще только девять вечера. Мы можем посидеть тут и поговорить, как два взрослых человека, без препирательств. Сядь, — приказал Блейк, выдвинув стул, который не нужно было выдвигать.

Я села, скрестила руки и сделала еще один глоток противной золотистой жидкости.

— У нас нет ничего общего. О чем вообще нам разговаривать? — спросила я, глядя поверх своего стакана. Я снова сделала глоток, но на этот раз притворяясь. В действительности я сжала губы и, как только почувствовала покалывающее жжение на губах, остановилась. Не удивительно, что я не смогла это проглотить. Это была чистая кислота.

— Мы могли бы. Мы ни о чем еще не разговаривали, чтобы выяснить это.

— Это не отношения. Это сделка.

— Согласен. Расскажи мне о своей маме. Кажется, вы очень близки.

— Так и есть, — сказал я, забыв сказать было. Я никогда к этому не привыкну.

— Тебе стоит как-нибудь пригласить ее сюда.

— Да, да. Эй, есть кое-что, что мне нужно вам сказать, — сказала я, уклоняясь от этого разговора. Я не собиралась безобразно рыдать на его чистой белой рубашке. Он и так уже считал меня сумасшедшей.

— Пожалуйста, не говори мне, что ты чем-то болеешь. Это в списке. Тебе нужно будет пройти обследование прежде, чем мы двинемся дальше. Я договорюсь о встрече на завтра.

Я проглотила заумный комментарий об утре, которое мудренее вечера.

— Как пожелаете, и вы сделаете тоже самое, верно?

— Конечно, но у меня никогда не было секса без презерватива. А у тебя?

— Не-а, никогда. Все, я закругляюсь. Увидимся завтра.

— Что? Почему? Ты сказала, что тебе нужно что-то мне рассказать.

— Думаю, в большей степени уже все выяснено. Я просмотрю ваш список фантазий. Полагаю, вы сделаете тоже самое?

— Сядь. Это приказ. Ты собиралась сказать что-то другое. Говори.

Я села и тяжело вздохнула,

— Может вам лучше не знать об этом. Я слышала, что парни не очень любят брать на себя такую ответственность.

— О чем, черт побери, ты говоришь? Ты чем-то болеешь?

— Нет. Я...

— Что?

— Я...

— Ты...?

— Я девственница.

Блейк в напряжении откинулся назад в своем кресле.

— Серьезно?

— Да. Серьезно.

— Почему? Как. А что насчет бывшего парня?

— А что с ним? У нас не было секса, и никто другой не принуждал меня к этому, как к источнику существования.

— Перестань так говорить. У тебя это звучит намного хуже, чем есть на самом деле. Я не принуждаю тебя. Черт. Не знаю, хочу ли я нести такую ответственность.

— Вам решать.

— Ладно, но просто ради интереса, я все же хочу, чтобы ты прошла обследование.

— Зачем? Потому что вы не верите мне, и заставьте своего богатого знакомого доктора подтвердить мое признание?

— Если это правда, почему? То есть, ты очень хорошенькая. Не такая красивая, как Фелиция или Фарра, просто, я имею в виду, что ты не похожа на них. Ты скорее ...

— Ух ты. Хреново вы умеете делать комплименты.

— Нет. Просто я не привык общаться с такими девушками, которые ведут себя, как ты, одеваются, как ты, или похожих на тебя.

— Все еще хреново.

Блейк засмеялся, на этот раз, округляя плечи. Его смех не был таким заразительным, как у Пи. Это было не смешно, я собиралась продать свое тело за деньги, моя мама так гордилась бы мной.

— Где ваша мама? Почему она не навещает Пи? — спросила я, желая уйти от внимания к себе. Я никогда не любила быть в центре внимания, не то, что моя мама. Она могла закрыть глаза и играть на пианино, словно в помещении никого кроме нас с ней не было. Так она обычно мне говорила. Как только она на сцене закрывала глаза, я знала, что она играет для меня.

— Она навещает. Как бы мне ни хотелось признавать, но она такая же, как ты.

Я вскочила и затрясла кулаками.

— Да! Она тоже думает, что у вас хреново получается быть отцом.

Ух ты, я очутилась слишком близко к краю террасы. Я быстро сделала три шага назад к своему стулу, на которые отскочила в радостном возбуждении.

— Ты упадешь, если только залезешь на перила.

— Скажите, что я права, — потребовала я. Я знала, что где-то здесь должна быть мораль, — Вы не видите со своей матерью, потому что она не согласна с тем, как вы воспитываете Пи. Я права, не так ли?

— Заткнись. Давай договоримся. Нам не обязательно беседовать на личные темы. Мы будем использовать друг друга, чтобы избавиться от напряжения, и на этом все. Ни больше, ни меньше. Договорились? — спросил Блейк, протянув руку, — Это бизнес. Я помогу тебе забыть того идиота, которого ты якобы любишь, ты помогаешь мне оставаться сосредоточенным на работе в настоящий момент, и мы оставим все как есть. Ни больше, ни меньше.

— Договорились, но просто к вашему сведению, мне не нужна ваша помощь, чтобы справиться с чем-либо. Мне нужно, чтобы вы видели Пи.

— Я вижу ее. Зачем ты продолжаешь это повторять? Она знает, что я люблю ее, и я уверен, ей наплевать, есть я рядом или нет.

— Не наплевать. Вообще-то, я думаю, она предпочитает, чтобы вас не было рядом.

— Видишь, ты пытаешься исправить то, что не сломано.

— Ох, сломано. Таков договор. Вам придется проводить с ней пару часов в неделю, в

обмен на мое время. Если вы сможете уделять ей десять часов в неделю, я буду выполнять все, что перечислено в этом списке, но вы должны позволить мне делать это, когда я буду к этому готова. Также —

— Подожди. Зачем ты вообще придумала все эти правила?

— Замолчите и случайте. Если вы будете уделять Пи десять часов в неделю, вы сможете оставить деньги себе.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что не собираюсь позволять вам платить мне за секс. Если я буду заниматься этим, то только ради определенной цели. Мне не нужны ваши деньги.

— Почему это так важно для тебя?

— Я наблюдала, как ваша дочь за несколько коротких месяцев преобразилась из поникшего одуванчика в яркую прекрасную герберу. За всю свою жизнь я не видела, чтобы кого-то так обделяли вниманием. В какой-то момент я уеду отсюда, и никто не будет заботиться о ней снова. Если вы просто будете проводить какое-то время с ней, вы тоже это увидите.

— Ты хороший человек, Макайла.

— Спасибо, теперь вы будете называть меня Микки?

Блейк улыбнулся мне через стол и положил свою руку на мою.

— Нет, но спасибо за заботу о ней. Нам стоит поцеловаться.

— Мы не должны целоваться. Посмотрите на номер девятнадцать. Целоваться означает близость, держаться за руки означает близость, — сказала я, вытаскивая свою руку из-под его руки.

— Ты серьезно? Мы будем заниматься сексом без поцелуев? Кто так делает? Они идут рука об руку.

— На самом деле нет. Нельзя целовать кого-то, к кому не испытываешь близости.

— Ты боишься влюбиться в меня? — поддразнил Блейк.

— Вряд ли. Я говорю о том, что вы делаете, когда вы хотите влюбиться в кого-то. Никто из нас этого не хочет, так зачем нам это делать? Никаких поцелуев. Номер девятнадцать, — повторила я.

— Хорошо. Я не переживаю, ты первая меня поцелуешь.

Я фыркнула:

— Сомнительно. Что насчет моногамии? Стоит ли мне все время волноваться, что я что-нибудь подцеплю от вас?

— Я уже говорил тебе. Я всегда надеваю презерватив. В твоём случае будет тоже самое.

— Ладно, никакой моногамии, — сказала я, проведя воображаемую линию. Блейк снова засмеялся. Но его веселье быстро закончилось. Я не пыталась быть смешной.

— Что? Какая тебе разница, если я время от времени буду заводить интрижки?

— Я полагала, что весь смысл был в том, чтобы сосредоточиться на работе.

— Так и есть, но что, если кто-то появится? Знаешь, я бы не хотел упустить возможность найти свою вторую половинку.

Здорово, еще четыре дня. Какого черта я позволила ему назначить дату? Теперь мне ничего не остается делать, как переживать по этому поводу.

Глава двенадцатая

Проведя фиолетовым фломастером линию вниз по руке, я услышала храп Куинна. Я взглянула в окно на грузовик, затем перевела взгляд на свою очень пеструю руку. Ух, ты. Неужели я все это нарисовала? Бегло осмотрев свою разрисованную фломастерами руку, я на цыпочках, тихонечко, направилась к шкафу и схватила наши сумки, приготовленные для непредвиденного случая. Еще даже месяца не прошло, а мы вернулись туда, откуда начали, переезжаем на новое место.

Задев лампу рюкзаком Пи, я застыла на месте. Я стояла и не двигалась, прислушиваясь к Куинну. Больше его храпа я не слышала. Он услышал меня? Мой мозг просигнализировал легким, что без воздуха они могут обходиться только три минуты. Сделав один большой глубокий вдох, я услышала, как Куинн снова захрапел, но, как и во всех фильмах ужасов, **ПРОКЛЯТОЕ ОКНО НЕ ОТКРЫВАЛОСЬ!** Это что, шутка? Ну, давай же...

Умный человек проверил бы окно до того, как взял сумки. Положив сумки обратно в шкаф, я тихо прошла по коридору в ванную, заметив грязные носки, свешивающиеся с подлокотника моего дивана.

Тихо закрыв дверь, я попыталась очень аккуратно, чтобы петли не закрипели, открыть шкафчик. Я открывала дверцу очень медленно, по сантиметру. Мои пальцы нащупали конверт, втиснутый между досками, затем двинулись в поисках пистолета.

— Чёрт! Нет, нет, нет! — беззвучно сказала я. Пистолета не было. Он забрал его. Ладно. Думай, Микки, думай. Нам нужно сбежать от Куинна. Это единственное, что можно сделать.

Мой план "А" состоял в том, чтобы раздобыть его ключи. Если бы я смогла достать пистолет, то смогла бы забрать и ключи. Если я заберу ключи без пистолета, то, если он проснется, буду мертва. Я надеялась, план "А" сработает. Этот план "А" должен был позволить мне на цыпочках пробраться к ключам, которые он положил на стойку возле входной двери. Черт возьми. Ничего не получалось. Черт побери, как я до этого дошла? Как, черт побери, обыкновенная, никому не известная Микки Карли попала в фильм ужасов? Именно на это все было похоже, но только еще хуже. Вы даже не представляете, какой адреналин бежит по вашим венам, когда что-то такого масштаба приводит вас в замешательство. От этого зависела наша жизнь, и все такое. Думаю, что пока пробиралась в гостиную по темному дому, я даже слышала жуткую музыку. Зловещий голубой свет заходящей Луны освещал пол, и я отругала себя за то, что нагнетала обстановку еще больше. Боже. Выбрось это из головы.

Конечно же, ничего не получилось. Прямо как в фильме, не было никаких ключей. Тьфу! Где, черт побери, они? Ни пистолета, ни ключей. Круто. Я посмотрела вверх на темный потолок и попросила свою маму. *Я знаю, что ты здесь. Может, поможешь немного?*

Для плана "В" на моей руке места не было. Единственное, что я могла сделать — это лечь рядом с Пи и ждать. Даже с миллионом сценариев, пронесившихся в моей голове, в районе трех утра усталость взяла свое, правда ненадолго. Спала я чутко. Даже мое подсознание не полагалось на удачу. Я открыла глаза, задаваясь вопросом, услышала ли я что-то?

Мое внимание привлекла вспышка света за окном Пи. Встав за занавеску, я увидела Куинна, разговаривавшего по телефону и курившего сигарету. Я догадалась, почувствовав запах дыма. Я тихо вышла на кухню, чтобы подслушать, зная, что это окно открывалось. Стиснув зубы, будто от этого получилось бы тише, я на сантиметр подняла окно над столом

и присела на корточки.

— Чувак, что мне теперь делать? Я думаю, она меня раскусила.

— Я не знаю. Просто у меня предчувствие, что она знает.

— Нет, ты сказал три дня. Вот именно. Утром я закругляюсь, и этого достаточно. Ты хочешь, чтобы я закинул их в машину и затем привез тебе, хорошо. Я сделаю это. Я больше не играю в это дерьмо с гребаным хорошим парнем — папочкой. Я даже со своими собственными детьми не играю. Это ты сказал мне не напугать их.

Я слушала, как Куинн с кем-то спорил по телефону, и очень хотела услышать второго собеседника. С кем он говорил? Это был Холден? Почему?

— Нет, я не трахал ее. За кого ты меня принимаешь? Я просто хочу получить свои деньги, чувак. Об этом мы не договаривались. Ты сказал доставить ее к тебе в целости и сохранности. Я могу пойти туда и сделать все по-своему, если ты конечно, не против, чтобы я, до смерти их напугал.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Да, не надо, Куинн. Наверняка у тебя есть план "В".

— Ага.

— Ну, хорошо.

— Ладно.

— Понял.

— Да, да, не волнуйся.

Блин! Что, черт побери, он говорил?

— Ладно, так и сделаю.

Да, Куинн. И как ты это сделаешь?

— Утром я встану и попрощаюсь. Макайла будет думать, что я уехал домой. Я доеду до города и сразу же вернусь обратно. Скажу ей, что только что видел ее в новостях, и им известно, что она в Ясной Долине. Она все сделает ради этой малышки. Это сработает. Спасибо, ты — гений. Я встречу тебя с твоим товаром часов через шесть. — Радостно сказал Куинн, выбросив горящую сигарету на мой задний двор. Идиот.

Всю оставшуюся ночь мой мозг активно работал, и к тому времени, как мы встали в семь на следующее утро, у меня был план. Возможно, это был худший план в мире, но другого выбора у меня не было.

В рекордные сроки, закончив свои обычные утренние процедуры в ванной, я включила кофеварку и ждала Куинна, пока он сделает то же самое. Как только я услышала, что дверь в ванную захлопнулась, я выбежала через парадную дверь и проверила колесо своей машины, просто чтобы удостовериться. Оно спустило. Я обежала вокруг его грузовика в поисках ключей и увидела, что их там тоже не было.

Обычно, всегда, когда я просыпалась раньше Пи, я вела себя тихо. Но не в этот раз. Я шумела так сильно, как могла, пытаюсь разбудить Пи. Кофейная кружка, которую я случайно разбила в раковине, сделала свое дело. Хотя я не ожидала такой реакции. Я думала, что она придет и скажет что-нибудь глупое. Я побежала на ее крик.

— В чем дело, Пи? — спросила я, поймав ее маленькое тельце, когда она выпрыгнула из кровати прямо в мои объятия.

— Я подумала, что с тобой что-то случилось, — заплакала она.

— Ничего не случилось, малыш, я просто уронила стакан. Ты в порядке. Я в порядке. — Из-за того, что напугала ее, я чувствовала себя ужасно. Может она не была такой наивной,

как я думала. Возможно, она тоже чувствовала, что что-то происходит. — Как насчет блинчиков. Хочешь позавтракать с Куинном, прежде чем он уедет?

— Ладно, и с Сэди, но сначала мне нужно в туалет, — сказала она, сползая вниз с моих рук.

Куинн болтал с Пи о рыбалке, пока я обдумывала, что мне нужно упаковать, что нужно взять, и без чего мы сможем обойтись. Я как могла, вставляла комментарии и шутила с Пи и Куинном, стараясь не выглядеть нервной и встревоженной, какой была внутри. Вот так. У меня был всего лишь один шанс, либо Куинн сделает так, как обещал в телефонном разговоре. Я не хотела, чтобы он перед Пи размахивал пистолетом. Я с ней и так уже была в бегах. Для одной жизни достаточно потрясений.

Куинн сыграл свою роль и у двери обнял нас на прощание. Мы пожелали ему удачи и через заднее окно помахали ему. Было почти смешно. Он упустил свое призвание. Ему стоило сниматься в кино. Невероятно.

Все еще махая с улыбкой на лице, я начала давать инструкции:

— Пи, мне нужно, чтобы ты мне очень внимательно выслушала. Я думаю, Куинн плохой человек и он вернется за нами. Нам нужно сбежать, пока он уехал.

— Ну, может он не плохой парень. Может он отвезет нас к папе.

— Пи, ты же знаешь, он не может этого сделать. Ты знаешь, где находится твой папа. Послушай меня, Пи, у нас мало времени. — По моим подсчетам, если Куинн действительно выжидал время, которое ему потребуется, чтобы доехать до города и обратно, у меня было около двадцати минут. Я хотела скрыться через пять.

— Ну, а если он выследит нашу машину? — этого не произойдет.

— Нам придется уйти в лес.

— Мы будем там ночевать?

— Надеюсь, что нет, детка. Давай. Принеси мне свой розово-фиолетовый рюкзак. Я хочу, чтобы ты пошла и надела джинсы и вокруг талии обвязала толстовку. Обуй свои походные ботинки, чтобы ноги не болели, — скомандовала я, лихорадочно хватая все, о чем вспоминала из моего составленного в голове списка. Что еще, что еще... Ой, детский Тайленол, две бутылки воды и продукты.

— Мне будет очень жарко в штанах и ботинках, — пожаловалась Пи.

— Пи, детка, у нас нет на это времени. Ладно, давай сыграем в игру. Представь, что нам надо успеть на самолет, но он в другом конце — с другой стороны джунглей, — сказала я, пытаясь заставить ее маленькую задницу пошевеливаться. Я и так уже была в ужасе, что Сэди возьмет наш след. — Представь, что если мы опоздаем, самолет улетит без нас.

— Хорошо, но давай мы полетим в Китай.

— Китай?

— Ага, нам нужно прогуляться по Великой Стене.

У меня не было времени задавать вопросы. Хорошо. Без разницы. Мы полетим в Китай.

— Хорошо, иди, положи в свой розово-фиолетовый рюкзак то, что тебе понадобится для этой поездки. Одежду, сухие носки, и тому подобное. Ладно?

— Поняла.

Ровно через семь минут и двенадцать секунд мы были обвешаны четырьмя сумками с нашими пожитками, включая остатки налички. Я не собиралась пользоваться кредитной картой Дженны, пока не выясню, как нас выследили так далеко от дома. Этому не было объяснения. Это явно был кто-то из своих. Это точно.

Я с Пи, на всякий случай рванули по тропинке с задней стороны дома. Я планировала лесом пройти в сторону грунтовой дороги, откуда я смогла бы увидеть приближение Куинна. Но план изменился, когда я схватила Пи за шиворот. Вонь была невыносимая. Я развернула ее как раз вовремя, чтобы она не увидела мертвую собаку. Бедная Сэди. Как кто-то мог такое сделать?

— Чем это воняет? — спросила Пи. Подавив рвотный позыв я сказала ей, что это были оленьи какашки.

Я вспомнила, когда мы с мамой пешком ходили до моей школы, чтобы пройти пять миль, у нас занимало час. Без остановок. Хотя это было быстрее, наших обычных прогулок, но все равно недостаточно быстро. Мы уже не видели наш дом, что возможно, мы прошли около четверти мили. По крайней мере, Сэди не выследит нас. Бедняжка. Мы могли бы оставить ее себе. Ему не стоило в нее стрелять.

Я подыгрывала Пи, пока мы шли и шли, углубляясь все дальше и дальше в лес Сотус Форест. Я постоянно оглядывалась через плечо, высматривая Куинна, я все еще не доверяла ему. Он выследил нас до водопада или он шел за нами? Он не знает, в каком направлении мы пошли, по пути нас может кто-нибудь подобрать, да черт, мы даже могли сплавиться по реке, он может предположить все что угодно. Лес простирался вокруг на многие мили. Тысячи, в зависимости от того, в каком направлении вы пойдете. В течение первого часа я несла на себе все четыре сумки. У Пи устали ноги, в ее ботинок что-то попало, и она хотела есть.

Я заставила ее идти еще полчаса, прежде чем мы сделали привал. К этому времени я была достаточно уверена, что за нами никто не шел.

— Ладно, ладно. Давай что-нибудь перекусим.

Когда мы сели, чтобы пообедать, я была уже полностью уверена, что он за нами не шел. Было слишком тихо. Наш обед состоял из небольшого пакетика чипсов, батончика со злаками и одного поделенного пополам банана. Мы поиграли около оврага, и Пи залезла на сосну, возможно, чуть выше, чем стоило. Я посмотрела на карту и выяснила, что мы находились примерно в сорока семи милях от христианского лагеря. Для Пи это было слишком далеко. Да и вообще, сколько времени у нас займет туда добраться?

— Пи, сейчас же спускайся вниз. Давай двигаться дальше, — позвала я, перекладывая все, что в отчаянии напихала в сумки. Какого лешего я взяла мусорный мешок? Засорение было последним, о чем я переживала. Тем не менее, я скрутила его и запихнула в боковой карман.

— Я хочу какать, — заявила мне Пи, спрыгивая с нижней ветки.

— Черт, я забыла туалетную бумагу. Ладно, иди. Я найду тебе что-нибудь.

— Идти куда?

— Не знаю, Пи. Выбери место, — сказала я, махнув рукой.

— Я не буду какать в лесу.

— И где ты собираешься покакать?

— В туалете на унитазе.

— Пи, иди и сделай себе воображаемый горшок. Мы очень далеко от туалета. Хочешь подождать?

— Хмммм, и как мне его придумать?

— Опусть свою попку за тем деревом, представь, будто это волшебное дерево или еще что-нибудь.

— Ладно, и мои кашки смогут превратиться в яйца, и из них вылупятся динозавры.

Я тихо захихикала. И как мы перешли от сходить «по-большому» к вылупляющимся динозаврам, выше моего понимания. Она издавала такие звуки, будто умирала или рожала теленка. Боже, если Куинн не нашел нас до сих пор, после этого точно найдет.

Глава тринадцатая

Я могла бы написать целую книгу о приключениях Микки и Пи. Три дня пока мы бродили по национальному лесу, возможно, были лучшими в моей жизни. Именно первой ночью я волновалась больше всего. Почему, не могу сказать. Пи в отличие от меня, держалась молодцом. Мы остановились и разбили лагерь между двумя валунами, место выбрала Пи, она сказала, что это защитит нас от непогоды. Я надеялась, что погода будет к нам дружелюбной.

Пи провела много времени, расчищая наше идеальное место. Она сделала ровный круг вокруг клочка земли, который расчистила для костра, а затем начала вытаскивать из рюкзака вещи, который сама и собирала.

— Эй, где ты это взяла? Тебе нельзя иметь нож, — сказала я, забирая острый столовый нож из ее рук.

— Ну, ты же сказала мне взять вещи для приключений. А если бы мне понадобилось убить дракона?

Я положила острый нож в карман своей сумки.

— Я убью дракона. Что еще там у тебя есть?

— Две вилки, маленькая миска, четыре свечки, мой планшет, эта штука для его зарядки, бумага для розжига костра, банка арахисового масла, сухое печенье, эта ложка и эта бутылка воды. Мы можем повесить ее на себе на пояс, чтобы не лазать за ней в сумку.

Пи была гением. Воспользовавшись одним листом бумаги, мы развели костер и, вытянув ноги, прислонились к валуну. Наши ноги в носках согревались приятным пламенем костра, который мы самостоятельно разожгли. Даже не знаю, кто больше гордился этим минутным делом, Пи или я.

— Жаль, что у нас нет зефира, — сказала Пи, ей хотелось этой липкой сладости.

— У меня есть Твинки (Twinkies — Золотой бисквит с кремовым наполнителем — американское пирожное, придуманное и производимое пекарней HostessBrands. Прим. пер.), мы можем запечь их, — предложила я, стараясь не оглядываться на каждый услышанный мною звук.

При очередном раздавшемся звуке Пи взглянула в небо и сложила губы в форме идеального О.

— Это филин. Он хочет запеченный Твинки.

Не критикуй, пока не попробуешь. Твинки, запеченные на костре, нужно продавать, они были потрясающими. Идеально подрумяненные до хрустящей корочки. Теплый крем медленно вытекал в рот, и мы застонали от наслаждения. Мы снова сделаем это. Обязательно.

— Хорошо, что я взяла салфетки, — сказала я, вытащив маленькую упаковку влажных салфеток из рюкзака. Мы все перемазались, но нам было хорошо. Мы были посередине огромного леса, и нам было хорошо. Ларри понадобилось намного больше салфеток, чем нам. Пи перепачкала всю его спину теплой начинкой. На следующий день надо будет

выстирать Ларри в реке.

Я отказывалась думать о списке животных, перечисленных с обратной стороны моей карты. Мы слышали где-то вдалеке стаю красных волков или еще кого-то. Пи нисколючко не боялась совы, и вообще-то у нее достаточно хорошо получалось ее имитировать. Мы так и не увидели ни одного из упомянутых медведей, но заметили хвост рыси. Знаю, что звучит не особо впечатляюще, но мы действительно очень радовались этому. Можно вывезти девушку из города, но нельзя вывести город из девушки. Разве что, когда очень нужно.

Может это был теплый воздух и сияющая луна. Может уютный костер, а может, это было, когда я поняла, что мы есть друг у друга. Я поцеловала волосы Пи и прижала к сердцу, когда она зевнула.

— Расскажи мне сказку о принцессе на горошине, — попросила Пи, держа свою маленькую ручку в воздухе. Я взяла ее ручонку в свою и еще крепче обняла.

— Жил-был принц, который хотел найти принцессу, но она должна была быть настоящей принцессой, — начала я.

— Это я.

— Да, несомненно ты.

Я провела рукой по пальчикам Пи, а затем прижала ее к сердцу, в то время как она устроилась у меня между ног. Я накрыла ее тонким покрывалом и рассказала ей эту сказку, которую она слышала уже миллион раз.

— Ты боишься? — спросила она, когда я дошла до конца.

— Не-а, у меня есть ты.

— И твоя мама? — спросила она, зевая.

Я поцеловала ее в макушку и притянула ближе.

— Да, и моя мама.

Я устало выдохнула, когда услышала мурлыкающее посапывание Пи. Мои глаза сканировали густой, темный лес, и я задавалась вопросом, как, черт возьми, я сюда попала. Кто бы мог подумать чуть больше года назад, что за мной будут гоняться по государственному заповеднику? И не только это; я была в бегах с похищенным ребенком, я была с четырехлетним ребенком в самой середине леса. Желая знать, от кого я бежала, от копов или людей Холдена, я сделала тот же глубокий вдох. Вдох разочарования, который был мне слишком хорошо знаком. И что теперь?

Как только мы расположились достаточно близко к огню, чтобы отпугивать животных, но все-таки на достаточном расстоянии, чтобы не загореться, я поняла, насколько сильно устала. Составление планов предыдущей ночью оставило меня практически без отдыха. Волнение от всего происходящего повлияло на меня больше, чем я осознавала. Я была эмоционально истощена.

Мои мысли вернулись к моей маме, но не в обычном печальном направлении. Это было больше похоже на утешение, словно она была там, наблюдая за Пи и мной. Мне очень хотелось поговорить с ней. Она бы дала мне правильный совет. А что, если бы она была мной, а я Пи? Я улыбнулась, зная ответ. Она бы сделала то же самое, что и я. Ради меня ее не остановило бы ни одно препятствие. Она бы сделала то же самое, что и я, но я была ее дочерью, а Пи не была моей. Разве это имеет значение? Было ли у меня право увозить ее? Конечно же, было. Я хотела ее. Она больше никому не была нужна.

Я подумала о том, чтобы достать ручку из своего рюкзака и посмотреть, что бы я смогла

создать при свете огня и луны. Я этого не сделала. Честно говоря, думаю, я слишком устала, чтобы добраться до нее. Я закрыла глаза и увидела Блейка, я чувствовала тепло огня на своих веках.

На следующее утро Блейк ушел до того, как я успела с ним увидаться, не то чтобы я хотела. Тем самым он повел себя очень глупо. День я провела с Пи, планируя празднование ее дня рождения и выходя за рамки допустимого, что, несомненно, взбесит ее папочку. Ой, да ладно, Пи больше никогда не исполнится три. Она заслужила воспоминания об этом, пусть даже на фотографиях.

— Ладно, Пи. У нас есть десять приглашений, — сказала я, уставившись вниз на блестящий беспорядок, который мы устроили. И почему я просто не купила пачку приглашений? Они были прямо там, рядом с блесками и клеем. Я начала отскребать грязь куском картона из цветного набора для поделок.

— Кого бы ты хотела пригласить на свой день рождения?

— Тебя.

— Ах, спасибо. Я сохраню это приглашение навсегда. Кого еще.

— Папочку.

— Фу, правда? Я просто шучу. Ладно, это папино. Кого еще?

— Бабушку Коуст.

Итак, запреты нарушены. Как я собиралась найти бабушку Коуст?

— Замечательно, кого еще? — продолжила я, придумывая в уме схемы, как добраться до бабушки Коуст.

— Ларри.

— Ларри? Это тот чувак из лифта?

— Ага.

— Ладно, это твой праздник, — согласилась я, — И не говори, ага. Твой отец орет на меня за это. Что на счет твоей мамы? Мы должны ее пригласить?

— Хмм? Ладно, — решила она. Это даже не должно было быть вопросом. Она пригласила лифтера раньше своей матери. Я переступила эту черту тоже, хотя должна сказать, с мисс Коуст разговаривать было намного приятней, чем с самой Снежной Королевой.

Как только мы доставили сверкающие приглашения по отелю, Пи завалилась на диван, и я нарушила все мыслимые запреты. Воспользовавшись планшетом Пи, я пролистала перечисленные телевизионные станции Нью-Йорка. Ух ты, да их много. Несмотря на то, что Фарра не работала ни в одной из первых трех, она была в первой пятерке. И я обнаружила, почему она находилась за кулисами, а не перед камерами. Ее папочка владел этой компанией. Могу поспорить, она вообще не работала.

— Здравствуйте, могу я поговорить с мисс Брайтон, пожалуйста?

— Мне жаль, но мисс Брайтон на встрече. Могу я записать сообщение?

— Конечно, не могли бы вы ей просто передать, что звонила няня Пи и хотела поговорить с ней о ее дне рождения?

— Пи?

— Ой, простите. То есть Лондон. Не могли бы сказать ей, что это на счет Лондон? Ее дочери.

— Непременно. По этому номеру с вами можно связаться?

— Да. Это мой мобильный телефон.

Мне пришлось спросить у Пи, прежде чем она уснула, где жила ее бабушка, но она сказала, что в болоте. Это не очень помогло. Я перерыла весь кабинет Блейка, но ничего не нашла. У кого бы мог быть ее номер?

Я дико испугалась и подпрыгнула, когда мой телефон зазвонил и завибрировал на черном блестящем столе. Я вышла из кабинета, когда служанка, не говорящая по-английски, захотела прибраться там. Почему? Понятия не имею. Она приходила дважды в неделю, чтобы наводить порядок, что было не обязательно. До этого она приходила три раза, но я ныла до тех пор, пока Блейк не сдался. Я убиралась на кухне, мы с Пи застилали свои кровати сами, как только вставали, и я занималась стиркой наших вещей. От нас не было сильного беспорядка, если не считать этих блесков. Уверена, несколько слов, брошенных на испанском, не были приятными. Ей придется долгие годы выметать блески из щелей.

— Алло.

— Алло, это Фарра Брайтон. Мне передали сообщение, что я должна перезвонить тебе по поводу своей дочери? — спросила она высокомерным, недовольным тоном. Здорово.

— Да, я надеялась, что вы придете на праздник в честь ее дня рождения в субботу. Он состоится здесь в отеле, у бассейна, — добавила я шутки ради.

Или нет.

— Зачем?

— Что, простите?

— Зачем ей еще один праздник на день рождения? Мы уже отмечали, когда ей был год. Всем известно, что третий день рождения не афишируется. Мы организуем праздник, когда ей исполнится пять лет. Еще что-нибудь?

Не знаю, может быть, как она, передавай ей от меня привет, что угодно...

— Мисс Брайтон, это для Пи, то есть Лондон. Мы не планировали делать его публичным. — Что? Серьезно? — Может ваши родители тоже захотят прийти, — предложила я.

— Мои родители были в Японии четыре года. Они видели ее только однажды. Уверена, им это не будет интересно. Слушай, мне нужно работать. Это все?

— Да, ладно, ну, праздник в два, если вы захотите прийти. Я пришлю ваше приглашение к вам в офис. Лондон сама их сделала.

— Ага, давай. — Щелк.

Я была потрясена. Правда? Моя мама рассказывала мне о таких людях. Людях, как Фарра Брайтон. Некоторые люди за кулисами Симфони-Холла (концертный зал "Симфони-холл" — здание в г. Бостоне, шт. Массачусетс, где проходят репетиции и выступления Бостонского симфонического оркестра. Прим. пер.) были похожи на нее, и даже некоторые из руководства больницы. Деньги — зло, правда.

Плевать. Проехали. Будем надеяться, мисс Коуст не такая противная.

Я пыталась найти ее номер путем исключения. После восемнадцатого звонка не той Коуст я застонала. Как, чёрт возьми, я должна была пригласить ее бабушку, если даже не могла ее найти? Что же это за семья такая, черт подери?

Только поздно вечером я смогла найти номер ее телефона в самом идиотском месте. Я зашла в свой личный кабинет, чтобы проверить свои итоговые оценки.

— Итак, вот, пожалуйста, мам. Я сделала это. Теперь я выпускница средней школы.

Что дальше?

Именно тогда мой взгляд остановился на картотеке, на нижней полке, рядом с «Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей». Это что, издевательство? Ее там раньше не было. Я перелистала до буквы «К» и вот оно. Мама. Грейс Коуст. Я надеялась, что номер еще действовал. Я была уверена, что Блейк очень давно не пользовался картотекой. Большинство маленьких карточек все еще были пусты, но у меня была нужная. Я надеялась на это.

— Подождите! Я вас не слышу, — ответил голос. Я нахмурилась, услышав звук цепной пилы, — Простите. Я только начала косить газон.

— Косить газон? Это Грейс Коуст? — спросила я. Я не могла представить Блейка, подстригающего газон.

— Да. Кто это?

— О, меня зовут Микки. Я няня Лондон. Мы провели целый день, делая приглашения на ее день рождения. Я не знаю, где вы живете, и я знаю, что это в последний момент, но Пи хотела, чтобы вы пришли на ее праздник в субботу.

— Пи?

— Ой, извините. Лондон. Мне, как бы, не нравится имя Лондон, — призналась я просто так.

Она засмеялась,

— Мне тоже. Я с удовольствием приду. Только один вопрос.

— Да?

— А мой сын знает об этом?

— Не совсем.

— Классно. Можете на меня рассчитывать. Пусть это будет нашим секретом. Устрою ему сюрприз.

— А это хорошая идея, мисс Коуст?

— Нет, но, если рассказать ему, будет еще хуже. Поверьте мне. Эй, а что случилось с другой няней, той, которая не говорит по-английски?

— Она уволилась. Вы останетесь с нами?

— Знаете что. Думаю, да. Спасибо, Микки. Вы меня очень порадовали.

— Не за что. Будем надеяться, что Блейк не убьет меня за это. Я просто хотела, чтобы у нее был праздник.

— Спасибо. Это делает меня очень счастливой.

— Почему?

— Мы поговорим через пару дней. Не могу дождаться.

— Почему у меня такое чувство, словно я встала во что-то вонючее, будто открыла старую банку с червями.

— Потому что так и есть, и я уже люблю тебя за это. А теперь, дай мне докосить этот двор, чтобы я смогла приехать и увидеть свою внучку. Что ей нужно?

— Книги, сейчас она очень увлечена чтением.

— Потрясающе. Значит книги. Увидимся через пару дней.

— Ладно. Увидимся.

— Кто это был? — спросил Блейк, набирая что-то на своем телефоне.

— Ваши пальцы не устали? Вы слегка любопытны, вам так не кажется?

Я поспешила закрыть свою школьную страничку, когда Блейк нахмурился, одарив меня

неодобрительным взглядом.

— Ты закончила? Мне нужно отправить пару писем.

— Да, полностью в вашем распоряжении, — махнула я на компьютер. Я прошла мимо, желая быть, как можно дальше от него. Мне не хотелось, чтобы он меня расспрашивал, или чтобы я, как обычно, ляпнула что-нибудь глупое. При возможности, я бы выдала себя за две минуты.

Это было последнее, о чем я подумала, пока оставалась с закрытыми глазами. Я полагаю, именно тогда усталость взяла верх, и я уснула. То есть, по-настоящему уснула. Я прижалась к теплому тельцу Пи под усыпанным звездами небом, у черта на куличках, и мне спалось лучше, чем я могла когда-либо вспомнить; возможно лучше, чем за всю свою жизнь.

Я резко повернула голову в поисках Пи, когда открыла глаза от яркого солнца. О, Боже, где она? Боже, сказала я, приложив в панике руку к груди, когда увидела ее в пяти футах передо мной.

— Не делай так. Я не могла тебя найти.

— Ты храпела, — ворча, сообщила мне Пи. Ее трусики были спущены до лодыжек, а попка зависла за бревном. Ее обычные утренние процедуры. Я покачала головой и начала собираться. Какое прекрасное солнечное утро. Воздух был бодрящим, и я чувствовала себя помолодевшей, не знаю, почему. Это не было похоже на свет в конце туннеля, ожидавшего нас с распростертыми объятьями. Я даже не могла выключатель найти.

Ранее я намеревалась просто идти через лес, чтобы к закату прийти к площадке для кемпинга. Я больше об этом не беспокоилась. Мне нравилось находиться здесь. Нам не о чем было волноваться, ну кроме того, что у нас закончатся продукты. Вокруг были многочисленные родники, чтобы поддерживать наши запасы воды, но скоро у нас закончатся Твинки и Читос. Хотя не раньше следующего дня.

Я наслаждалась этим временем. Пи не жаловалась, и нам было весело, мы находились в стране чудес, в стране фантазий. Я даже дала ей право выбора.

— Ладно, Пи. Мы можем либо ускорить темп и попасть в конечный пункт до темноты, либо, мы можем валять дурака весь день и не торопиться, но тогда нам придется опять ночевать в лесу.

— Давай не будем спешить. Мы можем поплавать? Мне жарко.

— Ты можешь надеть шорты. Держи, — предложила я, протягивая ей пару влажных салфеток. Боже, как она навоняла. Это распугает всех животных. — Мне жаль мужчину, который на тебе женится. Лучше бы вам иметь отдельные ваннные комнаты.

— Жаль, что у нас нет яиц. Я есть хочу.

— Звучит не плохо.

— Я скучаю по нормальной еде. Я собираюсь съесть пиццу, когда мы куда-нибудь доберемся.

— Пи, мы ушли только вчера. А у тебя это звучит, словно мы находимся здесь очень давно.

— Я представляю, как будто, нам придется.

— Хорошая идея. И почему мы не взяли удочку? У нас, по крайней мере, была бы горячая еда на ужин.

— Будет, — воскликнула Пи, перепрыгивая через бревно к своему рюкзаку. Я осмотрелась вокруг, проверяя, что мы ничего не забыли, и костер потушен. Я немного засыпала его землей и нахмурилась, глядя на Пи.

— Что это?

— Леска, наживка и крючки, — сказала она, показав эти предметы.

— Зачем? — спросила я, радуясь, что она не напихала в свой рюкзак носки и нижнее белье.

— Ты сказала мне собрать вещи, необходимые для долгого путешествия. Я подумала, может нам понадобится поймать какую-то еду.

— Что еще у тебя там есть? — с любопытством спросила я.

— Все это, — сказала она, доставая предметы из своего рюкзака. У нас есть веревка для скалолазания, пластыри, не плохая мысль — зубная нить?

— Ой — бальзам для губ. Дай мне посмотреть это.

— Это не для твоих губ, — заверила меня Пи, одарив взглядом, что мне стоило бы знать,

— А для чего?

— Микки, ты больше не главная, я главная. Ты хоть что-нибудь знаешь? Это против укусов насекомых и пчел. Я видела это в Реджи.

— Ой, ну ладно, довольно умно. Но мои губы действительно сильно болят, — засмеялась я, пародируя фильм, про который она не знает.

— Вот. Еще я взяла это.

— Да! И почему я об этом не подумала? — я рассчитывала на солнце и карту, чтобы не сбиться с пути. А все это время у Пи был компас. Ее бабушка Грейс прислал ей целый набор для похода, после тех первых выходных. Я забрала компас у нее из рук и поздравила себя. Мои географические инстинкты были почти безупречны. Мы двигались немного больше на северо-запад, чем на север, но это все равно бы привело нас, куда нужно.

У Пи были сухие покрывала, чтобы отпугивать комаров (они работали). Я поцеловала ее, когда увидела дополнительный заряд для батареи.

— На случай, если планшет разрядится, — сказала она. Это не то, о чем я думала, да и все равно. Я знала, что мой тайный телефон почти разрядился. Я включила его только один раз, чтобы проверить, пришло ли еще одно сообщение. Я знаю, что никогда не получу сигнал там, где мы сейчас были, поэтому разумнее было держать его выключенным, чтобы сэкономить зарядку до того, когда он мне понадобится.

Я обняла ее, когда она достала две картофелины, одну для себя, другую для меня. У нас будет вкуснятина на обед. Снова я была бездомной, но в отличие от первого раза, я была счастлива. Может, все было плохо, очень плохо, но не в тот день. Не в те три дня. Ничто больше не имело значения. Ничто, кроме Пи.

Глава четырнадцатая

— Твоя мама ходила с тобой на рыбалку? — спросила Пи, сидя на бревне со своей самодельной удочкой. Она даже взяла банку с тестообразной наживкой. Мы были идеальной командой. Я взяла теплую одежду и носки, а она позаботилась о наших потребностях для выживания.

— Нет, но мы бы обязательно сходили. Ей бы это понравилось, — сказала я, глядя вниз

на уединенную реку. Захватывающе, красиво.

— Чего она умерла?

— Чего? Думаешь, если ты в джунглях, то обязательно говорить правильно? — спросила я, надеясь, что она не захочет продолжать этот разговор.

— Извини, почему она умерла?

— Она была больна.

— А почему она не пошла к врачу, чтобы вылечиться?

— Она пыталась. Она очень сильно боролась.

— Но потом перестала?

— Перестала что, детка?

— Она больше не хотела бороться?

— Она устала. Она хотела сдаться.

— И ты сказала ей «да»?

Я внимательно посмотрела на ее любопытный профиль, пока она сидела в ожидании поклевки, как ее учил Куинн.

— Что-то типа того, — сказала я, проглотив боль. Время действительно исцелило мое сердце. Мне все еще больно, когда я позволяю прошлому окутать меня, но теперь это случалось не каждую ночь, и я могла вспомнить больше счастливых моментов. Болезненные воспоминания уже не изводили меня так сильно, как раньше.

— Микки?

— Да, детка?

— Я думаю, она сдалась, чтобы ты смогла найти меня.

Это верно, и именно поэтому я сделала все то, что сделала. Мое сердце наполнилось гордостью. Возможно, она права. Может быть, Пи нуждалась во мне больше, чем я в своей маме. Может быть, моя мама знала об этом.

— Клюет! — закричала она, вскакивая на ноги. Слава Богу. Нам было весело, и я не хотела разрушить все печалью.

— Отходи назад! — сказала я, вспомнив, что у нас нет катушки, чтобы скрутить леску. Пятью или шестью футами позже рыба была на берегу.

— Пи. Я забыла, что нам надо ее чистить.

— Я умею это делать. Я взяла нож.

Я поспорю на этот счет, когда придется. Мы соорудили сетку из зубной нити и привязали нашу рыбу к камню. После этого рыбы было очень много. Большую часть мы выпустили обратно, потому что не нуждались в таком количестве, оставив шесть, только потому, что у меня было предчувствие, что большая ее часть уйдет в отходы, пока мы будем ее чистить.

Мы еще добрых три часа возились у реки. Пи нашла глубокое место, куда мы могли нырять с дерева, вывороченного с корнем, которое творило чудеса в ее воображении. Я спрыгнула лишь раз. Для меня этого было достаточно. Она притворялась, будто падает с уступа. Но забираться наверх, не стоило удовольствия от прыжка с полуметровой высоты на глубину около метра. Я сидела на берегу, наслаждаясь видом и солнцем. Почему мы не могли жить здесь вечно? Пи была здесь очень счастлива, и тут было так спокойно.

Я оставалась в трусиках и лифчике, насыщая свою кожу солнцем. Прежде чем оденусь, я решила дать им высохнуть.

— А что, если мы останемся здесь до моего дня рождения? — спросила Пи, вновь

взбираясь вверх по стволу. Я засмеялась, когда она выскользнула из чистой голубой воды. В воде ее мокрые трусики соскользнули, и она сверкнула передо мной голым задом, пока взбиралась вверх. Она тоже засмеялась, но помедлила, пока не встала на ноги, чтобы прикрыть свою сверкающую попку.

— Сейчас июнь. Твой день рождения в сентябре. Думаю, к тому времени мы уже выберемся отсюда.

Пи так и не забыла свой день рождения, ни разу со времен лучшего праздника за все три года ее жизни. Вроде. Полагаю, не все было замечательно. Но этот день никто из нас никогда не забудет.

Тем утром я остановила Блейка у двери.

— Эй, вы куда?

— М-м-м. Играть в гольф с... Райаном, — сказал он, указывая на интерком, прервавший его объяснение.

— Нет, вы не пойдете. У нас договоренность. Вы не пропустите ее день рождения.

— Макайла, ей три года. Она не запомнит этот день. Мы играем в гольф с Дрю Келли. Он тратит уйму денег в наших отелях.

Я не собиралась позволить ему соскочить. Я перевела тему и сделала то, что сказала, никогда не сделаю.

— Блин, а я уже с нетерпением ожидаю сегодняшней ночи, — я шагнула к Блейку и дернула за край его рубашки. Я посмотрела вниз, надеясь, что он подумает, что я была в глубокой задумчивости о его волшебном жезле. Было безопаснее смотреть вниз, чем ему в глаза.

— Правда? — спросил он, прикоснувшись к моему локтю. Это заставило меня вздрогнуть и отступить. Райан спас меня, и я попятилась, не отвечая.

— Ты готов?

Блейк перевел взгляд с меня на Райана, задаваясь вопросом, что важнее.

— Почему бы тебе не отправиться самому? Сегодня я должен остаться здесь.

— Что? Нет, не должен. У нас игра в гольф с Дрю Келли. Ты не можешь это пропустить. Зазен возьмет тебя за задницу.

— Привет, мне сегодня тли, — сказала Пи Райану, пытаясь неуклюже поднять три пальчика вверх. Я даже не пыталась заставить ее понять, что сегодня только праздник в честь ее дня рождения.

— С днём рождения. Идем, — сказал Райан, практически не обратив на Пи никакого внимания.

Я взяла Пи на руки и уставилась на Блейка, ожидая его решения.

— Если я пойду?

Я поняла вопрос четко и ясно.

— Да, — я внесла ясность в данный вопрос. Именно тогда нас вновь прервал звонок интеркома.

— Привет, это я. Впустите меня, — пробормотал голос.

Блейк замер на месте, глаза его расширились, а брови поднялись до небес. Хотя я не узнала голос, я не сомневалась, что это была его мать.

— Блэки? Кто-нибудь дома? — снова заговорило устройство.

— Я здесь, — крикнула Пи, подняв высоко вверх свою руку. Я единственная, кто засмеялся. Она была такой милой. Не смогла удержаться.

— А что здесь делает моя мама?

— Пи пригласила ее на свой день рождения.

— Ты пригласила мою мать? — спросил Блейк, набирая номер пентхауса, чтобы впустить ее на пятьдесят восьмой этаж.

— Нет, это сделала Пи. Могу показать вам приглашение.

— Смешно. Ты серьезно? Ты позвонила моей матери?

— Да. Пи пригласила ее.

Блейк выглядел растерянным, мне было весело, а Райан начал выходить из себя.

— Блейк, чувак. Нам надо идти.

Я передвинула Пи на бедре и сообщила Райану новости...еще раз.

— Блейк, не пойдет.

— Да кем, мать твою, эта цыпочка себя возомнила? — спросил Райан, бегло оглядев меня с отвращением.

Моим первым порывом было сказать что-нибудь о том, что Блейк не орал на Райана за его выражения перед Пи. Здорово. Пи была взрослее, чем эти люди. Он так ничего и не сказал. Если бабушка Грейс будет такой же, как Блейк, я позвоню вниз на стойку регистрации и закажу себе другой номер, пока она не уедет. Не могу общаться с богатеями. Да кем эти люди, черт возьми, себя считают?

— Ты не звонила моей матери, — сказал Блейк еще раз.

Я удержалась, чтобы не напомнить ему снова, что это Пи пригласила ее

— Да, звонила.

Блейк уставился на меня в полном неверии, пока открывал дверь, чтобы встретить свою мать. Грейс взвизгнула и обняла его, пока я, вытянув шею, пыталась ее рассмотреть.

Грейс была высокой и худой с волосами средней длины, завязанными в конский хвост. На ней были джинсы и футболка с пистолетом прямо между грудей.

— Где мой маленький ангел? — сказала очень веселая женщина. Такого я вообще не ожидала.

Пи ухватила на мою рубашку двумя кулачками, одним спереди, другим сзади. Чего она ожидала? Она не проводила с ней достаточно времени, чтобы узнать ее. Грейс не дала ей особого выбора.

Она была моей мамой, не его. Ух, ты. Правда? Ее русый хвост метнулся вперед на плечо, когда она развернулась, чтобы вручить Пи книгу.

— Почитаешь эту? — спросила Пи, взяв книгу и повернувшись ко мне.

У меня глаза расширились от удивления, когда я посмотрела вниз на книгу. Я присела вместе с Пи на корточки и провела пальцами по старой книге. «Принцесса на горошине». Это было не новое издание старой книги, не та трехдолларовая книжка, которую мы купили в магазине у мисс Бартли, это была старая книга. Я перевернула обложку и прочитала 1930 год издания. У меня была такая же книга. Ну, когда-то была. Я оставила это в прошлом. Моя бабушка, тоже купила ее мне на день рождения. Мне было пять.

— Это «Принцесса на горошине», — тихо сказала я, почувствовав момент.

— Как я. Почитаешь ее сейчас? — спросила Пи, крутясь своим маленьким тельцем, чтобы усесться на мою согнутую коленку.

— Мы почитаем ее сегодня вечером перед сном. У меня была такая же книга, Пи, — тихо объяснила я. Я взяла ее на руки, когда поднялась. Я посмотрела на уходящего Райана и на все еще свирепое выражение на лице Блейка.

— Можно тебя на минуточку? — спросил Блейк, закрывая за ним дверь. Райан снова бросил на меня мрачный взгляд, прежде чем дверь закрылась. Пофиг. У нас договор.

— Давай, я возьму ее. Хочешь помочь бабуле отнести ее вещи наверх? — спросила она, забирая ее из моих рук.

— Ты остаешься здесь? — спросил Блейк.

О, Боже мой. Правда, что ли?

— Конечно, она останется здесь. У вас есть пустая комната наверху и одна внизу. Почему бы ей не остаться?

— Прекрасно, можешь занять одну за лестницей. Наверху сегодня вечером будет очень шумно. Макайла? — сказал он, словно задавая вопрос, и махнул ладонью в сторону двери своего кабинета. Шумно? О, Боже. Его глаза говорили мне, что его угроза была обещанием.

— Удачи, — Грейс улыбнулась, наслаждаясь обществом Пи. Да! Наконец-то, хоть кто-то видит ее.

— Ты серьезно? Ты позвонила моей матери?

— Вы задали один и тот же вопрос пять раз. Да, я позвонила вашей матери. Пи хотела увидеть ее. Что в этом плохого?

— Я не выношу своей матери. Не выношу, когда вмешиваются в мои дела. У тебя нет права вмешиваться в мою личную жизнь. Ты не можешь просто взять и позвонить моей матери.

— Пи пригласила ее.

— Если ты скажешь это еще раз —

— Ну, не понимаю, в чем проблема. У меня нет права пригласить вашу маму на день рождения ее внучки, но вы можете заставить меня раздвинуть ноги перед каким-то доктором? О, и об этом. Я так же хотела бы увидеть ваши анализы.

— Это не то же самое. Я плачу. Я плачу тебе зарплату. У тебя не должно быть права голоса ни в чем. И ты можешь увидеть их. Я здоров, как и ты.

— Да, я ведь — дееееевственница, — бойко ответила я, скрестив на груди руки и показывая ему, что никогда не переживала на этот счет. — Это самая тупая вещь, которую я когда-либо слышала. Только потому, что я работаю на вас, вы не можете указывать, что мне можно делать, а что нельзя.

— Я могу, когда это касается моей матери!

— Пойдемте. Давайте украшать. Можете ныть внизу. Может Ларри принесет вам сыр и скрипку.

— Ты невероятна. Ты просто ярая феминистка, — парировал Блейк за спиной.

— Чтооооо? — оцетинилась я, посмотрев через плечо, — Что это значит? — ярая феминистка? Я не была феминисткой. Мне просто не нравились мужчины и Блейк во главе списка. Хотя, должна сказать, он мне нравился гораздо больше, когда был рядом со своей матерью. Она была первым человеком, кого я видела, который ставил его на место. Мне нравилась Грейс. Действительно очень сильно нравилась Грейс.

Мы оторвались на полную катушку, украсив столы розовыми и фиолетовыми шарами и тарелками. Пи тоже нравилась Грейс. Я была счастлива. Очень счастлива. Я уже начал думать, что ее никто не любит, как я. А Грейс любила. Она души не чаяла в этой маленькой

девочке, словно ничего больше не имело значения. Я точно знала, что она чувствовала, и мое настроение полностью изменилось. Я счастливо парила в облаках. Теперь, нам только бы затащить ее напряженного отца на борт.

Я наблюдала, как Блейк ходил вокруг, прижав один палец к уху, намереваясь работать. Если его телефон не был прижат к уху, его пальцы были прилеплены к экрану.

— Клянусь, я воспитывала его не таким, — уверила меня Грейс, отвлекая мой разочарованный взгляд от Блейка. Мой план, чтобы он наслаждался обществом Пи, таял с каждой минутой. Он не смеялся, когда она пыталась надуть шарик. Его глаза не сияли, когда ее ротик сформировал идеальное «О», и она завизжала. Ему плевать было, какой счастливой ее сделал этот простой маленький торт. Блейк переживал о гольфе, и о том, что этот богатый ублюдок говорил Райану.

— Теперь ты понимаешь, почему я не могу находиться рядом с ним?

— Определенно, — сказала я, положив светло-фиолетовую вилку на место, — Но как вы можете держаться от нее на расстоянии, — я кивнула в сторону Пи, которая аккуратно раскладывала розовые салфетки на картонные тарелки. Одну за одной, она боролась с неуклюжими пальчиками, стараясь, чтобы они лежали идеально.

— Либо это, либо убить его. Он совершает глупейшие ошибки, а потом орет на меня за то, что я вмешиваюсь. Что матери делать?

— Вы могли бы пойти к нему и выкинуть его телефон в бассейн.

— Я летела бы следующим же рейсом обратно в Теннесси. А возможно, он бы меня утопил.

Я засмеялась, но знала, что она была права. Я покачала головой, посмотрев на Блейка, когда он ответил на очередной звонок.

— Вот, Пи. Держи вилки. А я пойду дам твоему папочке в живот.

Пи захихикала, ей понравилась идея, что я сделаю такое с ее папочкой. Я встала прямо перед ним со скрещенными на груди руками. Подняв брови, я постукивала ногой по полу.

— Ладно, мне пора идти. Спроси его об инвестициях в Вегасе. Он оттуда.

Я опустила руки и заорала на Блейка.

— Вы серьезно? Почему бы вам просто не уйти? Вы в любом случае там.

— Я говорил тебе, что у меня нет на это времени.

— Здорово. Идите, Блейк. Вы нам тут не нужны, но сделка отменяется. Вы можете либо найти еще кого-нибудь, чтобы осуществить ваши фантазии —

— Первое, это не фантазии, это организация времени. Второе, у нас уговор; ты не откажешься сейчас, после всего этого дерьма, что ты затеяла. Я до сих пор не могу поверить, что ты позвонила моей маме.

— Я не понимаю, Блейк. Она мне очень нравится. Почему она не является частью вашей жизни?

— Является. Дважды в год, этого достаточно.

— Этого недостаточно даже для Пи, чтобы знать, кто она такая.

— Мою. Дочь. Зовут. Лондон. Ты можешь это понять? — спросил Блейк разъяренным тоном через стиснутые зубы. Боже. Неужели он меня так ненавидит? Правда?

— Как угодно. Пойдемте. Надо надуть еще шариков.

Это задание продлилось всего на два шарика. Ему понадобилось быстренько ответить на электронное письмо. Когда Грейс посмотрела на него, желая вмешаться, я пожала плечами. Блейк был безнадежен.

Глава пятнадцатая

Пи визжала, держась за ветки и притворяясь, будто ее сносит волной прилива. Я посмеялась над ней и посмотрела вверх по реке. Вскочив, я запрыгнула в свою одежду. В нашем направлении двигалась целая толпа туристов.

— Пи, давай. Вылезай. Кто-то идет, — громко прошептала я. Я впихнула ее в футболку и шорты, еще до того, как она выбралась на берег. Схватив наши вещи, мы бросились в траву и замерли. Это была просто группа ребят, сплавлявшихся вниз по реке. Две молодые парочки.

Пока мы ждали, когда туристы проплывут мимо, Пи сидела между моих ног.

— Может они пираты, — прошептала она.

— Тихо, — сказала я, шикнув на нее. Они были просто кучкой детей, но все равно мне не хотелось объяснять, что мы делали посреди леса. К этому времени нам нужно было быть уже в милях отсюда. К несчастью для них, им тоже понравилось наше место для плавания. Молча, мы наблюдали, как влюбленные голубки резвились в воде, прыгая с того же дерева, с которого прыгала Пи.

Один раз я прикрыла Пи глаза, когда одна из девушек обхватила одного из парней ногами и поцеловала. Это был не просто легкий поцелуй. Это был полноценный, трахающий, страстный вид поцелуя. Боже. На мгновение я подумала, что они начнут делать это прямо здесь.

— Давай, Джейк. Бери лодки. Пошли, найдем эту пещеру, — крикнул другой парнишка, вытаскивая рюкзаки и походное снаряжение, — Трахнешь ее позже, может быть в пещере.

Тьфу!

Я не могла закрыть ей и уши, и глаза одновременно. Девчонка отпустила его, и они помогли со связанным снаряжением. Почувствовав, что Пи напряглась, я легонько сжала ее руку, кивнув ей, чтобы она не двигалась. Девушки толкнули две пустых надувных лодки в траву, прямо перед нами. Мое сердце замерло, и я перестала дышать. Они стояли прямо там, на самом виду, и болтали о своем приключении.

Слушая их, я почувствовала отголосок неизвестной ностальгии. Можно было сказать, что они были лучшими подругами. Я думаю, мы с моей подругой Карен были также близки. После первого курса лечения рака у моей мамы мы уже не так часто встречались. Не думаю, что она смогла бы справиться со всеми последствиями болезни, а когда я перешла на домашнее обучение, мы потеряли связь.

Колесики в моей голове крутились, пока я держала Пи, желая, чтобы она вела себя очень тихо. Один из парней толкнул третью лодку в траву, и они разобрали свои рюкзаки. Не знаю, почему я переживала, что они узнают о нас. Они тоже находились в запретной части леса, и я сомневалась, что они занимались поиском похищенной маленькой девочки.

Когда их группа отправилась на поиски пещеры, я с облегчением выдохнула.

— Мне было страшно, — прошептала Пи.

— Почему? Мы больше, чем они. Мы бы их побиили. Эй, Пи, что скажешь, если мы позаимствуем одну из их лодок? Не хочешь побездельничать, плавая по реке?

— Э-э, да.

Мы вроде как позаимствовали еще и большой симпатичный полиэтиленовый пакет. В него замечательно поместились и оставались сухими все наши пожитки. Я не оставила их с

пустыми руками. Я засунула свой пакет для мусора под одну из лодок.

— Это так весело! — воскликнула Пи, когда мы проплыли три метра. Она сидела в лодке, расставив ноги, и раскачивала ее вверх-вниз, а я лежала поперек нее на животе. Невозможно было не улыбаться. Солнце припекало, вода была прохладной, а пейзаж — умиротворенным. Все вокруг нас было спокойным и безмятежным.

К двум часам дня, Пи набила пузико и начала зевать. Она подвинулась на свою сторону лодки, и я подняла ее руку. Мы лениво плыли, позволяя нашим рукам, опущенным в чистую воду, бороться с течением.

— А где мы будем на мой день рождения? — поинтересовалась Пи.

— Почему ты так переживаешь за свой день рождения? Он только через три месяца. Ты пытаешься меня перерастить? Ты ведь знаешь, что тебе придется пойти в детский сад, да? — поддразнила я.

— Ну, а что, если мой папа не сможет меня найти?

— Солнышко, папа не сможет быть на этом дне рождения, — напомнила я ей.

— Ты сказала, что на Рождество.

— Да, но твой день рождения раньше Рождества. Три Рождества и три дня рождения.

— И Пасха тоже?

— Да, Пасха тоже, — сказала я, целуя ее голову. Бедный ребенок.

Пи снова зевнула и вытащила свою руку из воды. Я направляла нас по медленно текущей реке, и она задремала. Мы были окружены с запада горами Sawtooth Mountains, и с востока горами White Cloud Mountains, с севера горами Salmon River Mountains, а с юга горами Boulder and Smoky Mountains. Совершенно потрясающе. Божья страна. Даже не зная что происходит, я чувствовала покой, как никто другой. Слово все это сработает. Может так и будет. Может, нет. Но в тот момент, мне было все равно. Лодка медленно плыла по реке, и мои мысли вернулись к Блейку и праздничной вечеринке.

На празднике Блейк вел себя не лучше, чем, когда помогал украшать. Райан вернулся с игры в гольф и тоже пришел, но не на праздник.

— Почему здесь находится Ларри? — спросил Блейк, наблюдая за прибытием нашего первого гостя с подарком.

— Пи пригласила его. А он что здесь делает? Его не приглашали, — сказала я, обернувшись и сердито посмотрев на Райана.

— Какого хрена здесь делает прислуга? — спросил Блейк, игнорируя мой вопрос. Я взглянула на его растерянное выражение и затем на Хуаниту. Ах, она связала крючком медведя. Как мило. Я только хотела ответить, когда Блейк сам ответил на свой вопрос, — Дай-ка угадаю. Пи пригласила ее?

— Да, и вы только что назвали ее Пи, просто обращаю ваше внимание на это, — похвасталась я гордо с улыбкой.

— Это потому, что я передразнивал тебя. Ты собиралась сказать то же самое.

Я фыркнула и оставила Блейка сидеть в тени с Райаном. Они работали. Представьте себе. Я не позволила себе заморачиваться на этот счет. Это был день Пи, и она отрывалась на всю катушку, стараясь изо всех сил выбить конфеты из пиньяты. Ларри негласно направлял пластиковую битку на самодельную пиньяту. Очевидно, мы использовали

слишком много газет. Это была еще одна лажка. На YouTube это выглядело намного проще, чем было на самом деле. В конечном итоге Ларри воспользовался карманным ножом и разрезал бок нашей самодельной пиньяты, чтобы конфеты высыпались на землю.

Когда Грейс начала следующую веселую игру, я демонстративно подошла к Блейку.

— Вы серьезно? Перестаньте работать. Идите туда и повеселитесь с Пи, — приказала я.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он растерянно. Парень реально не догонял. Он думал, что это нормально, работать на протяжении всего праздника.

— Я имею в виду, идите и поиграйте в «Прикрепи хвост ослику». Перестаньте разговаривать по телефону, перестаньте болтать с Райаном и уделите внимание Пи.

— Я не играю в игры.

— Здорово, я тоже.

— Ч-что ты имеешь в виду?

— Догадайтесь, — пригрозила я, сердито посмотрев на него, а затем на Райана, и отправилась играть с Пи. Меньше чем через две минуты я увидела, как Райан ушел. Блейк поднял вверх палец, показывая мне, что он сейчас придет. Он не был счастлив от этого, но, в любом случае, он пошел на эту жертву ради меня или моего тела.

Пи начала первая и прикрепила липкий хвост к носу осла. Она так хохотала, словно это была самая смешная вещь на свете.

— Пи, кто следующий? — спросила Грейс.

Блейк наконец-то присоединился, посетовав

— Мам, серьезно? И ты туда же. Ее имя не Пи.

— Я хочу Микки! — воскликнула Пи. Я присела на корточки и позволила ей завязать мне глаза дешевой повязкой. Она также сильно хохотала, когда я сделала ослику милый длинный пупок, только он совсем не был похож на пупок.

— У тебя что-то на уме, Макайла? Напомни мне позже, как сильно ты мне нравишься с завязанными глазами.

— Заткнитесь, ваша очередь.

— Нет. Спасибо, не надо.

— Нет... надо, — заверила его я, завязывая ему глаза. Я последовала правилам, которые установили Грейс с Пи, и крутанула его три раза, прежде чем повернуть его лицом к плакату с осликом, традиционной игре в день рождения. Придурок приколот хвост точно туда, где он должен был быть. Выпендрожник.

Блейк горделиво и самодовольно сорвал повязку с глаз.

— Ты вишглал плиз, папочка, — воскликнула Пи, побежав к коробке с призами. Блейк бахвалился передо мной своими способностями "прикалывания хвоста", когда она потянула край его пиджака. Тогда я впервые увидела, как он присел до ее уровня. Какое-то время он выглядел смущенным, пока она возилась своими маленькими пальчиками. Он стал помогать натянуть этот глупый браслет на свою руку, когда она остановилась.

— Это жилаф, видишь? — объяснила она, разложив его на полу, а затем снова отдав ему в руки. Блейк помог одеть его себе на руку и улыбнулся ей. Мне захотелось фыркнуть, что он этого не достоин, но я сдержалась. Выражение его лица изменилось, и я посмотрела в ту же сторону, куда смотрел он. В патио входила Фарра. На ней была шляпа размером с зонтик и очки размером с жестяные банки. Судя по ее модному прикиду, она собиралась куда-то еще. Ну, по крайней мере, я надеялась на это. Конечно же женщина не

должна выглядеть так каждый день. Как утомительно.

— А почему Фарра здесь? — мои поднятые брови сказали ему, что Пи пригласила ее. — У тебя большие проблемы.

— Почему? Вы бы знали обо всем этом, если бы оторвались от телефона, чтобы выслушать. Я пыталась рассказать вам о празднике. Вам было плевать.

— Фарра, рад, что смогла прийти, — сказал Блейк, целуя воздух около ее щек. Ой, да ладно. Она швырнула ее вычурно завернутый подарок мне в руки и заговорила с Блейком. Блейк забыл о моем существовании в ту же секунду, когда начал целовать ее в задницу. Я закатила глаза и ушла. В любом случае мне нужно было принести спички, чтобы зажечь свечи. Что, черт побери, он вообще нашел в этой девице? Фу.

Посмотрев на них через плечо, я зашла внутрь, чтобы достать спички. Я остановилась у двери и посмотрела на противную женщину. Она даже стояла так, будто это причиняло ей боль. Зачем носить такие туфли, от которых твои лодыжки так изгибаются? Это не очень полезно для здоровья. Эта мымра вообще не обратила внимания на Пи.

— Несчастливая, правда? — спросила Грейс, качая головой и цокая языком.

— Как он мог любить такую?

— Ох, я думаю, что дело было совсем не в любви.

— Я не удивлена. Он, должно быть, выпил для согрева. Представляю, подписаться на такое, должно быть, сродни прыжку в ледяную прорубь, — я ахнула и прикрыла рукой рот, — Простите, — извинилась я. Черт. Это же ее сын. Блин!

Грейс, откинув назад голову, залилась смехом. Слава Богу. Боже, Микки.

— Пойду, принесу спички, пока еще чего не лягнула.

Грейс остановила мой побег, положив свою руку на мое предплечье. Ее поведение изменилось, и она стала серьезной. Очень серьезной.

— Ты не представляешь, как я счастлива видеть Пи такой. И я знаю, что за это мне нужно благодарить тебя. Она так счастлива.

— Вам не нужно благодарить меня за это. Уверена, что она делает меня счастливее, чем я ее.

— Я не знаю. Я действительно переживала за нее. Знаешь, о чем я все время думаю? — взволнованно спросила Грейс. Я покачала головой и улыбнулась, когда она ответила. — Теперь она сможет общаться со мной посредством видеосвязи. Ты сможешь ей в этом? Я не шучу, Микки, последний наш спор с Блейком касался ее речи. Я знала, что она должна была говорить больше. Я была здесь, ну, может месяца четыре назад, и она посмотрела на меня, как на чокнутую. Будто не понимает меня.

— Потому что она пыталась понять два языка, не говоря уже о том, что никто, кроме последней няни, не говорил с ней, — добавила я с упрёком.

— Я знаю! Я никогда об этом не думала. Мне никогда не приходило в голову, что у нее трудности с пониманием.

Я засмеялась.

— Видели бы вы меня, когда она впервые попросила 'бебида'. Я понятия не имела, что она хочет. Я дала ей хлеб.

— 'Бебида'? Просвети меня, на всякий случай. — подразнила она. Я любила Грейс. И почему Блейк не любил Грейс? Я не понимала.

— Питье, пойду, принесу спички.

Я остановилась прямо за дверью, случайно услышав телефонный разговор Райана. Он

сплетничал с кем-то о Блейке. С Зазеном, предположила я. Он рассказывал, как Блейк кинул этого парня, Дрю Келли, этим утром, и о том, как они должны были найти инвесторов для нового отеля в Голливуде. Он пожаловался, что Блейк упустил мистера Келли. Я откашлялась, якобы прочистив горло, и прошла мимо него. Я хотела, чтобы он знал, что я слышала. Мудак. Разве друг так поступает? Возможно, он пытался продвинуться по службе. Я точно не знала, какие у него с Холденом отношения, но у меня было очень сильное предчувствие, что пост генерального директора — это предел его мечтаний. Да кто-нибудь в этом Богом забытом городе вообще знает, насколько важна семья?

Райан смотрел на меня с отвращением, когда я с важным видом прошла мимо него. О, Господи, ей было всего лишь три года. Я достала спички и пообещала Веронике и Мишель, что мы принесем им по кусочку торта. Они не могли покинуть стойку регистрации, но у них были подарки для Пи, и они хотели их ей подарить.

Ни для кого не было сюрпризом, что Фарра осталась ровно настолько, чтобы подождать, пока Пи откроет коробку с красивой фарфоровой куклой. Какого черта она должна была делать со стеклянной куклой? Фарра ахнула, когда Пи попыталась вытащить хрупкую куклу из элегантной коробки.

— Она не для игр. Ты можешь только смотреть на нее, — объяснила Фарра, возвышаясь над Пи. Она говорила громко и медленно. Серьезно? Мне пришлось уйти прочь, когда меня начало прорывать. Я буквально прикусила свою нижнюю губу, чтобы сдержаться и не сообщить ей, что ее дочь не глухая, и не тупая. Я была рада, что она уезжает. Ее было слишком много. Даже Пи посмотрела на нее так, будто она была безмозглой дурой.

— Вы, должно быть, были под кайфом, — спросила я Блейка, в то время как Снежная Королева погладила Пи по голове и ушла, — Стойте там, вы разрушаете мою ауру.

— Просто для сведения, я сохранил эту повязку для глаз. Перестань думать, что ты все обо мне знаешь.

— Как угодно, ой, она открывает мой подарок! Пойдемте, — я направила его, стараясь вовлечь Блейка в происходящее. Первый из моих подарков был от всего сердца. Именно его она открыла первым. Это была половинка сердца на серебряной цепочке, и она почти подходила к моей половинке. Пи сложила губки в эту милую маленькую букву О. Она была больше взволнована моим тридцатидолларовым медальоном, чем той дорожкой великолепной куклой, к которой не могла прикоснуться. Я присела на корточки и потянула свой медальон, висевший на шее.

— Смотри, подходят, — улыбнулась она, приложив свою половинку к моей. Они подходили. Половинки сходились безупречно, кроме нижнего края. Да и неважно, если бы они не сходились. Для меня эти половинки идеально подходили друг другу. Как и мы с Пи, неважно, кто какого происхождения. Мы подходили друг другу.

Мой следующий подарок стал большим хитом. Ну, это был подарок от Блейка.

— От папочки, — сказала Грейс, прочитав открытку. Блейк посмотрел на меня, сначала удивленно, а потом виновато.

— Не переживайте, я вас прикрыла, — подмигнула я. Я не думала, что это будет кокетливое подмигивание. Я имела в виду «я умница, а ты облажался». Но то, как смягчился его взгляд, и его улыбка сказали мне, что он понял это совсем по-другому. Блин.

— Спасибо, — сказал он, поворачиваясь обратно к Пи. Она встала на стул и разорвала подарочную бумагу с Черепашками Нинзя, бросая ее на пол. Ей нравились мультики для

мальчишек. Ну что я могу сказать? — Что это? — прошептал он.

Я не обратила на него внимания и снова увидела, как она радостно произнесла О. Один ноль. Пи вытащила первый пистолет Нёрф, а потом еще три. Как раз для меня, Блейка, Грейс и Пи.

— Правда? Я не понял, — спросил Блейк. Тот факт, что его дочь потеряла всякий интерес к празднику, торту, остальным ее подаркам, не укладывался у него голове. Все что она хотела, это стрелять по всем из своего нового пистолета. Нам все же удалось разрезать торт, чтобы работники Зазена смогли вернуться к своим обязанностям.

— Ладно, Пи, давай. Мы с тобой против Микки и папы, — сказала Грейс, засовывая свой пистолет спереди за пояс джинс.

— Э, нет, у меня полно работы, — попытался отмазаться Блейк. Я выстрелила ему в лоб шестисантиметровым патроном. Выражение его лица стоило миллиона долларов. Он оставался ошеломленным добрых десять секунд. Забудьте про миллион долларов; это было бесценно.

— Ты в меня выстрелила.

— Делжи, папочка. Ты можешь стлельнуть в нее тоже, — предложила Пи, протянув ему красный пистолет. Я хотела красный.

— Эй, предательница, — я топнула ногой. Она засмеялась и направила свой пистолет на меня. — Бегите! — закричала я, хватая Блейка за руку.

— Серьезно? Это же нелепо, — пожаловался он.

— Замолчите, давайте спрячемся за деревьями. — Мы нырнули за воображаемые пальмы, пока Грейс и Пи пригнулись перед воображаемым кустарником.

— Это глупо. Я не буду играть в копов и грабителей.

— Так это же хорошо. Вы не плохой парень, вы марсианин.

— Что? — мне даже не нужно было поворачиваться, чтобы услышать замешательство, отчетливо сквозившее в его тоне.

— Просто будьте прищельцем. Ладно? Давайте, улизнем этим путем, — упрашивала я, присев за каменной стеной.

— Это смешно.

— Тише, пригнитесь, — громко прошептала я, притянув его ниже к полу. Я держала свой пистолет наготове, перемещаясь на цыпочках вокруг статуй и вымышленных деревьев. Блейк продолжал ныть, пока его мама не выпрыгнула и не напугала его до чертиков. И это тоже было бесценно. В этот раз на самом деле. Он закричал, как малолетний ребенок, сначала высоким, потом низким, потом снова высоким тоном. Бесценно. Я чуть не описалась. До сего дня я не уверена, что слышала, чтобы Пи смеялась так сильно. Всем было дико весело, кроме Блейка, конечно же.

Грейс нацелилась ему в голову и потребовала, чтобы он пошел.

— Мам, я не —

— Иди! — потребовала она, угрожая пистолетом.

Блейк осмотрелся вокруг, чтобы увидеть, не смотрел ли кто важный, прежде чем он сдался, подняв вверх руки. Мне удалось обойти незамеченной фонтан в виде статуи писающего херувимчика и Грейс.

— Бегите! — закричала я Блейку. Он посмотрел на меня, словно это было не возможно. Я кивнула ему, подгоняя, и он сорвался с места. Пи и Грейс стояли с поднятыми руками, пока я медленно отходила назад, за пределы видимости.

Следующий час прошел в необузданном веселье. Блейк вышел на тропу войны. Он смеялся — много. Несмотря на то, что он чуть больше нужного соперничал с трехлетним ребенком, мы веселились на всю катушку. Атмосфера между нами слегка накалилась, когда мы прятались за каменной стеной. Нам нужно было торопиться, и когда мы услышали шаги прямо над нами, мы пригнулись к земле. Ему не обязательно было падать на меня. В целом, мы были хорошей командой. Мне пришлось заставить его сдаться Пи, вызвав у него чувство вины. Слишком большое соперничество?

— Блейк, это ее день рождения. Позвольте ей поймать нас. Я устала.

— Что? Да ни за что. Смотри, мы можем прокрасться вокруг того ряда стульев, вокруг фонтана и окружим их со спины. Они нас не заметят. Мы поймаем их.

— О, Бог ты мой! Мы не будем выигрывать.

— Будем.

— Блейк, правда? Ей три года, и это ее день рождения. А теперь, давайте, пройдем этой стороной, чтобы она нас заметила.

— Мы просто сдадимся?

— Перестаньте. Вы ведете себя так, словно это ваш день рождения. — против воли великого Блейка, я повела его туда, где знала, прячется Пи, — Притворитесь будто вы испугались.

— Что?

Пи выпрыгнула, угрожая нам, и это была самая милая в мире угроза. Ее ноги были расставлены слишком широко, и она держала спусковой курок большим пальцем.

— Поднимите луки ввелх!

Я притворно вскрикнула и толкнула локтем своего сообщника. Боже, этот парень не мог даже притвориться. Блейк завопил, как бешеная корова. Я обернулась и посмотрела на него неодобрительно.

— Неудачник.

— О, Боже. Ты поймала нас. Пойдем убирать этот праздничный бардак, — я перевела тему, взяв ее за руку, — Фу, почему ты липкая?

— Я остановилась там, — показала она. У буквы «П» не хватало «И», и не потому, что ее разрезали ножом.

— Я пойду, сделаю пару звонков, — сказал Блейк, пролистывая миллион сообщений, в этом я была уверена, на своем телефоне.

— Нет, мы будем убирать этот бардак, — приказала его мать. Я собиралась сказать то же самое.

Глава шестнадцатая

— Я хочу писать, — сказала Пи, подпрыгивая вверх-вниз в надувной лодке. Себе на заметку, не позволять Пи съесть две упаковки M&M's за раз.

— Так, Пи, давай выбираться на берег и искать место для ночлега. Скоро мы доплывем до лагеря для туристов, и я не хочу, чтобы кто-нибудь увидел наш костер.

— Я не могу писать в воду. Рыба будет ее пить.

— Хорошо. Давай выберемся на берег.

На ужин мы с Пи опять наловили рыбы. Как и прошлым вечером, нам хватило шесть бедных рыбок, чтобы наестся. Алюминиевая фольга с наших баночек с яблочным пюре

пригодилась для запекания рыбы на костре. У нас не было картошки, но мы поделили пополам последний запеченный Твинки.

Мы с Пи молча сидели и наблюдали за языками костра, и я задумалась, чем мы займемся на следующий день. Согласно нашей карте, мы должны столкнуться с многочисленными туристическими лагерями вдоль берега реки. Если мои расчеты верны, у нас оставалось часа три, прежде чем мы вновь вернемся в цивилизацию. Мне было немного грустно. Почему бы нам просто не остаться здесь? Нам ничего не нужно, кроме друг друга. Ах да, потому что у нас остался один брауни, о котором Пи не знала, пакетик сухих фруктовых колечек, одна упаковка раскрошенного крекера, яблоко и батончик мюсли, который Пи не съест, даже если будет умирать с голоду, и пикси стик (pixy stick — кисло-сладкая конфета в виде порошка, четырех фруктовых вкусов, которая обычно завернута в упаковку, напоминающую соломинку для питья. Это зарегистрированный бренд фирмы Нестле. Прим. пер.). Это все, что у нас было, и мне нужно было решить, что же делать дальше.

Предполагалось, что это сработает. Предполагалось, что меня невозможно будет выследить. Я должна была следовать своей интуиции и пользоваться наличкой. Я не должна была переживать по поводу использования наших настоящих имен. Мы не могли ими пользоваться. Куинн знал, но откуда? И на кого он работал? На Блейка, Холдена, Райана или Фарру? Я никому не могла доверять. Ни единой душе. Только я и Пи, и об этом я должна была помнить в первую очередь.

Как только я еще раз сходила с Пи за камень перед сном, я накрыла ее тонким одеялом. Я понятия не имела, почему мы должны ходить в туалет за камень, не похоже было, что кто-то увидит нас, но, какая разница. Она положила голову мне на колени, и я подумала, что же дальше. Наблюдая за оранжевыми, голубыми и красными всполохами тлеющего костра, я составляла план. Вообще-то нет, в действительности я думала о Блейке и гадала, как он справлялся с арестом. Ничего хорошего. Я не могла представить Блейка за решеткой в тюремной робе, или такое бывает только по телевизору?

Я подоткнула одеяло вокруг Пи и убрала прядь волос с ее лица. Ей требовалось хорошенько помыться, шампунь и щетка. Ни одна из нас не подумала о расческе, но было здорово не нуждаться в ней. Именно этим я занималась перед нашей с Блейком первой ночью. Я сидела на кровати Пи и расчесывала ее волосы. Я слышала, как она болтала о пустяках, но все мое тело потряхивало от страха.

— Хочешь почитать новую книгу? — спросила Пи, сползая со своей кровати. Я схватила ее за руку, чтобы она не упала, когда ее голова чуть не перевесила ее попку. Клянусь, она была самым неуклюжим трехлетним ребенком, которого я знала.

— Ты не знаешь, где моя мама? — спросил Блейк, стоя в дверях.

— Ей нужно пить, — ответила Пи, сдвинув книги на пол. По ее лицу я могла сказать, что она что-то задумала. Во время праздника одна из этих новых книг привлекла ее внимание, и она искала ее.

— Она спустилась вниз в бар отеля, — объяснила я.

Блейк покачал головой.

— Как долго ты здесь будешь?

— Вы серьезно? Сейчас восемь вечера. Вы куда-то торопитесь?

— Да, типа того. Мне нужно работать.

— Папа, можешь почитать мне эту? — спросила Пи, посмотрев на него снизу-вверх.

— Пусть лучше Макайла почитает тебе.

— Нет, потому что ты должен это сделать, потому что ты подалил лучший подарок.

Ты шиглал.

— Я шиглал?

— Да, за лучший подарок.

— Тебе мой подарок понравился больше остальных?

— Ага.

— Пи, зачем ты прикрываешь так глаза? — спросила я, испугавшись, что что-то случилось. Она держала свою руку прямо над правым глазом так, словно смотрела в море.

— Солнце в глаза, давай, папочка, — сказала она, опустив руку, и бегом вернулась в свою кровать. Я засмеялась, а Блейк — нет. Было полдевятого вечера, мы были в помещении, а ей в глаза светило солнце. Когда Блейк подвинулся, я увидела ее солнце. Лампа в коридоре была именно в том месте, куда она смотрела. Глупышка.

У меня сердце сжалось при виде Блейка, растеряно взиравшего на нее, словно он не знал, что делать, когда она обхватила своей ручонкой его палец и потянула его к кровати. Как он мог не быть без ума от собственного ребенка? Не просто любого ребенка. Пи была другой, она была особенной. Почему он этого не видел?

— Вы двое развлекайтесь. Я пойду, приму душ.

— Ты бросаешь меня? Что мне делать?

— О, Боже, Блейк. Вы ведете себя так, будто оказываете первую помощь, делая искусственное дыхание. Это сказка. Мы либо лежим, обнявшись, в кровати, либо Пи сидит у меня на коленях и переворачивает страницы. Спросите ее, — я, отказываясь ему верить, кивнула в ее сторону, — Она ведь даже говорить умеет, — бойко ответила я, оставив их вдвоем, чтобы они подружились. И удрала.

А потом настала моя очередь переживать. Черт. Я действительно собиралась это сделать? Как бы сильно я не хотела избавиться от звания девственницы, мне хотелось сохранить его еще какое-то время. Я делала это, потому что не хотела, чтобы кто-то другой занял мое место рядом с Пи. Что если, он найдет кого-то, кто опять не будет ее любить? Хотя, я была уверена, что Блейку не составит никакого труда найти мне замену, я также была уверена, что секс и деньги будут иметь приоритет над Пи.

— Ладно, мама. Ты сказала, что всегда будешь рядом. Будь рядом. Это вот-вот случится. По-настоящему, — сказала я, расхаживая взад-вперед по ванной комнате, умоляя свою мать, чтобы она успокоила меня, как делала это раньше.

Я продолжала нервничать, принимая душ. Я даже не могла побрить ноги, потому что у меня тряслись руки, а что прикажете мне делать с этими волосами? Когда дело доходит до этого, у всех парней разные вкусы. Я прочитала обо всем этом в журнале, который стащила в вестибюле в больнице.

Горячая вода стекала по моим закрытым глазам, и я задержала дыхание, пытаюсь вспомнить тот разговор с мамой. Тогда, сразу после Рождества, в Чикаго было холодно.

— Что ты читаешь? — спросила она слабым голосом. Я сидела на подоконнике, используя для чтения уличное освещение. Я не хотела ее разбудить, поэтому не включала свет. Я хотела, чтобы она отдохнула от рака. Ее тело тоже не могло справиться с почечной недостаточностью. Даже в семнадцать лет я знала об этом. К тому времени я узнала достаточно, чтобы пройти подготовительные курсы для поступления в медколледж.

— *Cosmopolitan*.

— Ты не можешь это читать. Он для взрослых.

— Ты когда-нибудь брила там?

— Что? Такое ты у меня тоже не можешь спрашивать.

— Ладно, у кого ты предлагаешь мне спрашивать о таких вещах? — спросила я, подходя к ней. Игривый тон испарился, когда я присела рядом с ней на кровать. Она взяла мою руку своей костлявой, холодной рукой.

— Можешь спрашивать у любого, с кем тебе комфортно общаться. Может у жены твоего отца.

— Мам. Перестань.

— Ребенок, ты такая упертая.

— Нет, я не такая. Я ходила к нему. Ты звонила ему. Он не хочет иметь ничего общего со мной.

— Микки, это было два года назад. Мы же можем попытаться еще раз? Пожалуйста.

— Пойду, найду чего-нибудь перекусить. Ты хочешь чего-нибудь?

— Ладно, ладно. Подожди. Присядь.

— Нет, если бы собираешься быть серьезной.

— Мы должны быть серьезными, Микки.

— Как вы себя чувствуете, Виктория? — спросила медсестра со второй смены, войдя в палату. Она мне нравилась. Джиллиан была там самой милой медсестрой. Она никогда не грубила, и не была злобной, как некоторые другие медсестры.

— Вы бреете свою киску? — спросила моя мама. Я посмотрела на шокированное лицо Джиллиан, а затем снова на свою маму. Мои губы расплылись в улыбке, и мы обе просто покатались со смеху.

— Я переведу вас наверх на седьмой этаж. Тебя тоже, Микки. Что это за вопрос? — улыбаясь, спросила она, пока держала два пальца на очень худом, крохотном запястье моей мамы.

Я показала журнал, и ее голова дернулась в том же направлении.

— В этой статье говорится, что бритье — это сексуально.

— Думаю, это возможно. Зависит от парня.

— А у тебя там есть волосы? — спросила я. Моя мама улыбнулась странной улыбкой. Тогда я не поняла ее, но с Пи я научилась много улыбаться. Та улыбка была ее моментом гордости, так я улыбалась, когда Пи училась чему-то новому. Моя мама была счастлива, что я болтала с ней о девчачьем. Может быть ей не очень удобно было отвечать на некоторые вопросы, но в тот день она была рада за Джиллиан.

— Когда-то брила, но сейчас нет. Я замужем уже шесть лет, работаю медсестрой полный рабочий день, имею двоих детей, пяти и трех лет, и на это у меня больше нет времени. Поддерживай ее в порядке, и она будет настолько сексуальной, насколько ты хочешь. Я говорю, будь открытой. Если он хочет попробовать это, а ты не против, дерзай.

Если это сексуально для тебя и твоего партнера, тогда это сексуально. Джейсону она нравится в любом виде, лишь бы он мог получить ее, — засмеялась она.

Следуя совету медсестры, которая когда-то заботилась о моей матери, я выскочила из душа и пересекла ванную. Лужицы воды следовали за мной до умывальника и обратно до душа, где я, воспользовавшись ножницами, немного привела в порядок свою кистку, посчитав, что так будет сексуально, а потом проверила свою работу в зеркале. Я не хотела, чтобы она выглядела, как лысая кошка. Мои пальцы опустились к волосам и сжались в кулаки, я сделала глубокий вдох и выдох в попытке успокоить себя от неизбежного.

Сколько бы раз я не смотрела на себя в зеркало, я не видела ничего сексуального. Я видела простую, ужасно нервничающую девушку. Почему я? Почему он просто не может пойти к одной из своих девушек по вызову, которые у него всегда под рукой? Фелиция позаботилась бы о нем.

— Перестань, — сказала я, протирая руками зеркало. От влажного тепла моих рук, зеркало запотело, образуя туманные очертания. Я уставилась на свое отражение, посмотрев себе прямо в глаза, и постаралась взбодриться.

Не уверена, что это помогло успокоить мои нервы, но помогло мне решить, что одеть. Я не собиралась одеваться для этого более сексуально, чем обычно делала. Не для него. Моей первой мыслью было как раз, так и сделать. У меня даже была симпатичная красная ночная сорочка, которую я купила за день до этого, когда докупала все необходимое для дня рождения. Я была не такой девушкой, и не собиралась ею притворяться. Я ненавидела кружево. Почему я должна одевать его для Блейка? Я была открыта пробовать новые вещи с мужчиной, которого люблю, в подходящее время. Сейчас было не то время, и не тот мужчина.

Я поднялась наверх босиком в белых баскетбольных шортах в тонкую розовую полоску и в простой белой футболке. Я остановилась прямо за дверью в комнату Пи и улыбнулась. У меня на душе потеплело, когда я услышала Пи и ее отца. Он не только ее слушал. Он ее слышал.

— Почему он грустил? — прервала его она. Я заглянула в щель между петлями двери и увидела, что Пи сидела на скрещенных ногах Блейка с открытой книгой.

— Он не может найти свою обезьянку.

— Может она на следующей стланице, — сказала Пи, переворачивая страницу. Мне пришлось войти. Мой смех выдал мое прикрытие. Улыбка Блейка встретилась с моей, и впервые с моего приезда его глаза тоже улыбались. Я знала это. Ему лишь нужно было притормозить и увидеть ее.

— Могла бы по случаю и принарядиться, — рявкнул он, приподняв правую бровь.

— О, подождите пока не увидите, что под низом, — подразнила я в ответ.

— Пояс целомудрия?

— Папочка, читай книгу.

Я села рядом с Пи и тоже посмотрела на страницу. Блейк снова начал читать, и она перебралась с его ног ко мне на колени. Черт. Мне не стоило садиться рядом с ней.

Блейк продолжал читать о маленьком мальчике, который после переезда в новый дом потерял свои вещи. Он читал дошкольную книгу Пи, которая сидела у меня на коленях. Она

положила свою маленькую ручку в мою, и мои нервы успокоились.

— Ладно, достаточно. Иди чистить зубки и на горшок, — сказала я, спуская ее с кровати.

— Я уже пописала.

— Сходи еще раз, — приказала я, посмотрев на Блейка. Я не поняла растерянности на его лице, но проигнорировала ее, — Хотите проследить за этим?

— Как она писает?

— Нет, идиот. Как чистит зубы.

— Э-э, м-м, да, конечно.

— И почему у меня такое чувство, что вы ничего не знаете?

— Что это значит?

— Вы ведете себя с ней, будто вы не в своей тарелке.

— Ну отчасти так и есть, — признался он и последовал за Пи, соскользнувшей с унитаза. Он действительно взял на себя труд выдавить зубную пасту на ее щетку.

— Нееееет! — заныла она, — Я сама могу это делать.

— Ты сделаешь это утром, — сказала я, схватив Блейка за запястье, прежде чем он успел смыть пасту со щетки. Я хмуро посмотрела на него, пытаясь своим выражением объяснить ему, что не нужно ей так потакать. Она снова заныла, но взяла щетку и встала на свою маленькую табуретку.

Мы с Блейком смотрели друга на друга через зеркало. Напряжение было высоким, и электричество между нами невозможно было отрицать. Бабочки, порхающие в моем животе, появились от нервов. Конечно же, я нервничала. Я вот-вот потеряю свою девственность. Я первой отвела взгляд и наполнила водой стаканчик, чтобы Пи сполоснула рот.

Я дала ей полотенце, чтобы она вытерла свой рот, и она обратилась к Блейку.

— Эй, мы можем устлоить твой день ладения тоже, ладно? — спросила она, погладив его по груди.

— Ладно, но мой день рождения пока не наступил.

— Ну, я хочу поиграть в войнушку снова.

Пи считала, что было весело из-за ее дня рождения. Она не понимала, что могла так веселиться каждый день, если бы ее идиот отец замечал что-либо кроме своей работы.

— А у тебя сейчас день ладения? — спросила она, поворачиваясь ко мне. Я поймала ее, когда она прыгнула в мои объятия.

— Сейчас твое время ложиться спать. Вот что.

— Ну, так как?

— Да, но сегодня мы уже поиграли. Мы поиграем в войнушку завтра. Могу поспорить Ларри поиграет с тобой.

Губы Пи сложились в О, и она завопила.

— Он может взять синий.

— Хорошая идея. Запрыгивай сюда, — сказала я, стаскивая одеяло.

— Я хочу сказку.

— Тебе уже читали сказку. Сейчас пора спать. Бабушка Грейс хочет отвести тебя на спектакль завтра. Ты увидишь Черепашек Нинзя на большой сцене.

— А вы с папой тоже?

— Нет, только ты и бабушка. Она хочет провести с тобой день, потому что очень по

тебе скучает и любит тебя.

— Ладно, — зевая, согласилась она. Она повернулась на бочок и подложила под щечку свои ручки. Я улыбнулась и накрыла ее одеялом.

— Я люблю тебя, малышка Пи. Сладких снов, — сказала я, целуя ее в лоб, — Что? — спросила я, взглянув на Блейка. Он уже почти вышел за дверь. Пятясь назад, он опять посмотрел на меня этим растерянным взглядом. Какого черта?

— Ничего. Спокойной ночи, Лондон, — просто сказал он ей. Маленькими шажками, Микки, крошечными шажками. Он только что читал ей впервые в ее жизни. Я решила, что укладывание в кровать может подождать до следующего раза.

Глава семнадцатая

Неловкость — это и близко не то слово, которым можно было бы описать то, что возникло между Блейком и мной, когда я закрыла дверь. Напряжение стремительно возрастало, пока мы оба стояли, и никто из нас не был уверен, что делать дальше.

— Что ты имела в виду там?

— О чем? — спросила я, пытаясь намеренно отойти назад. Блейк не позволил мне. Он ухватился за край моей мешковатой белой футболки и потянул меня к себе. Я споткнулась, но удержалась на ногах, прежде чем мое тело столкнулось бы с его.

— Когда Пи спросила, сегодня ли у тебя день рождения, ты ответила, да.

— Нет, не было такого, и вы только что назвали ее Пи. С этим вы не поспорите, — возразила я, стараясь отвлечь его внимание от себя.

— Перестань мне выкать. И да, ты так ответила. Я слышал. Когда твой день рождения?

— Прямо сейчас. В этот момент. Давайте покончим с этим. Где бы вы хотели меня?

— Твой день рождения в один день с Лондон? И я сказал, перестань мне выкать.

— Хорошо, не буду. И нет, тупица. У нее день рождения в четверг. Я организовала праздник сегодня, потому что знала, что никогда не заставлю тебя присутствовать на нем в середине рабочей недели.

— Ах, да. И почему ты не сказала мне об этом?

— В самом деле, Блейк? Почему? — спросила я сухо, сопровождая это сердитым взглядом и покачав головой. — Так мы будем это делать?

— Ладно, да, — ответил он, махнув рукой в приглашающем жесте в сторону двойных дверей. Коридор выглядел длиннее, а двери — больше. Мои ноги вдруг перестали двигаться, и шевелились лишь потому, что корпус двигался первым. Мое сердце отказывалось биться, и я умерла на целых семнадцать шагов.

— Господи, девочка. Что со мной не так? Я не нервничаю рядом с сучками.

— Я не сучка.

— Я не это имел в виду, но в каком-то роде это так. То есть, вся эта хрень с девственностью. Ты действительно говорила правду.

Я тихо фыркнула и подошла к стеклянным дверям, ведущим на его балкон, расположенный очень высоко.

— Твой знакомый доктор сказал тебе это? — спросила я, разглядывая оживленный город, окружавший нас. Деньги дают власть убедить любого, даже докторов, имеющих этические обязательства.

— Я не знаю, как с тобой обращаться, — прошептал Блейк мне на ухо. Его рука медленно скользнула вниз по моей правой руке, и мое сердце опять пропустило удар. Блейк отодвинул мои волосы и прошелся губами по моей шее. Мать честная.

— А как ты обращаешься с другими девушками?

Я ощутила глубокий вздох позади себя.

— С тобой я так не могу.

— Почему?

— Не знаю. Я думал об этом миллион раз. Ты даже не представляешь, как часто я подумывал, чтобы заставить тебя замолчать кое-чем, — хрипло ответил он, продемонстрировав мне свое кое-что, толкнувшись в меня бедрами. Я закрыла глаза, когда его рука передвинулась на мою талию, и его пальцы прошли по моей мешковатой футболке выше пояса шорт.

— Мне кажется, что ты хрупкая.

— Я не хрупкая. Я намного сильнее, чем выгляжу.

— Нет, я думаю, тут ты ошибаешься. Ты пытаешься выглядеть крутой, но ты не такая.

— Да, такая, — возразила я незнакомым голосом. Мое дыхание было затруднено, будто мне не хватало воздуха. Это нормально? Мои руки стали липкими, возможно я заболела.

— Нет, не такая, — настаивал он.

Моя голова откинулась на его грудь, когда я почувствовала его руку на своем оголенном животе. Господи. Боже. Он ведь еще даже толком не прикасался ко мне. Паника хлынула по моим венам, словно потоп, когда я почувствовала, как он начал манипулировать мной. Черт. Черт. Черт.

— Мне кажется, ты убегаешь от чего-то, а не от кого-то.

— Я ни от кого и ни от чего не убегаю. Ты мог бы уже это выяснить, если бы хотел. Ты не хочешь этого знать.

Я ахнула, когда его пальцы проскользнули под мои шорты и трусики.

— Ты так и не предоставила мне номер социального страхования.

Я перестала дышать, пока ждала, когда его рука отодвинется от треугольника волос. Его большой палец поглаживал мой живот, а остальные пальцы замерли прямо над моим клитором.

— У тебя есть моя фамилия. Ты просто не хочешь знать, — сказала я, указывая ему на правду.

Блейк развернул меня, взяв меня за руки. Никто из нас не сказал ни слова, пока он тянул меня к кровати, пятась назад. Я не сопротивлялась, но и не разговаривала. Я встала между его ног, придвинувшись к нему, когда он сел.

— Почему я нахожу это невероятно сексуальным? — спросил он, глядя на мешковатые шорты, свисающие с моих бедер. Я отвернула голову, когда он резко встал, потянув за собой вверх мою футболку. Его губы поймали уголок моих губ, как только моя футболка оказалась в его руках.

— Точно, никаких поцелуев, — усмехнулся он и снова сел на кровать. Я обнаружила, что не знала, что делать. Мне нужно было просто стоять и позволить ему все делать самому, мне надо было говорить? И что я должна была говорить? Нужно ли мне смотреть на него? Тьфу. Отстой. Девственницей быть сложно.

— Меня это не удивляет, — улыбаясь, признался Блейк, пока стягивал шорты с моих

бедер. — У тебя на трусиках изображены леденцы.

— Они забавные, — сказала я. Они забавные? Правда? Блейк фыркнул и спустил мои шорты до щиколоток. Я самостоятельно вышла из них. Я не хотела, чтобы он думал, что я вообще ничего не знаю, хотя так и было на самом деле. Даже все статьи на тему секса не могли подготовить меня к этому. Вы не можете описать эти чувства.

Блейк не ответил на мое идиотское замечание словами. Вместо этого, он притянул меня ближе и прошелся по моему животу легкими, соблазняющими поцелуями. Мне хотелось сказать ему что-нибудь о поцелуях, но я воздержалась. Я боялась того, что может сорваться с моего языка, если вообще что-нибудь сорвалось бы. Я не доверяла незнакомым эмоциям, которые испытывала.

Я опять перестала дышать, когда почувствовала щелчок застёжки моего лифчика, освободившего мою грудь. Тихий стон сорвался с моих губ, когда его зубы потянули мой сосок.

— Мы можем просто сделать это?

Боль и удовольствие перестали терзать мой сосок, когда Блейк остановился и посмотрел на меня.

— Ну, да, ладно.

— Хорошо, — сказала я, обойдя его. Я сама сняла с себя трусики и неловко покрутилась перед ним. Блин. Что теперь? Мы молча пялились друг на друга, пока Блейк раздевался. И почему он выглядел таким же смущенным, как и я? Предполагалось, что он должен быть опытным. Я старалась смотреть на него, когда его трусы упали на пол. Я глубоко вздохнула, когда мой взгляд остановился на презервативе. Блин. Это может быть больно.

Блейк раскатал презерватив по его полностью эрегированному члену, в то время, как его глаза рассматривали меня.

— Это просто смазка, это поможет, — сказал он, взяв бутылек с комода. Мне стало интересно, был ли он куплен специально для меня, или для общих нужд.

— Я знаю, что это. Я не невежда. Я девственница.

— Извини, ложись.

Блин. Ой, блин. Ой черт. Я попятилась назад, пока не уперлась ногами в кровать. Как он хотел, чтобы я легла: сбоку, как обычно или еще как? Боже. Что я должна была делать!?

— Ты можешь лечь поперек, если хочешь, — предложил он. Я кивнула и откинулась назад. К счастью, Блейк взял инициативу в свои руки. Он сам раздвинул мои ноги. Я чувствовала себя как, как, даже не знаю, как. Как девственница, полагаю. Я лежала с широко разведенными коленями и ногами, прижатыми к матрасу. Ничего не могла с собой поделаться, я отвернулась и закрыла лицо руками, когда почувствовала, как смазка капнула и потекла между моих ног. Смешав ее с природной смазкой моего тела, его пальцы соединили обе, и я надеялась, что он не поймет, что сама я была очень мокрой.

— Я не собираюсь причинить тебе боль, — прошептал он, скользнув в меня пальцем. Мне было приятно, мне нравилось это чувство, но я все еще оставалась неподвижной, и не убрала руки с лица. Я лежала абсолютно неподвижно, пока Блейк двигал одним пальцем вперед-назад внутри меня. Я думала, что умру от стыда, когда почувствовала, как он развел мои складочки двумя пальцами и погладил мой пульсирующий клитор. Блейк играл со мной там довольно долго, издавая шипящие и рычащие звуки, как какой-то сексуально-озабоченный маньяк. Ощущения были потрясающими, но я все равно не смотрела.

— Просто сделай это уже — попросила я снова.

— Ты собираешься прятать лицо все время? Ты ведь знаешь, что я все равно тебя вижу, да?

Я тихо засмеялась и убрала руки. Блин. Мне не стоило этого делать. Я увидела, как Блейк гладил сам себя, размазывая скользкую субстанцию по своему члену, обтянутому презервативом. Он пристально смотрел на меня, пока я держала его взгляд.

— Я не могу этого сделать, — сказал Блейк и перекатился на спину рядом со мной.

— Что значит, ты не можешь этого сделать? Ты можешь. Мы уже так далеко зашли. Мы не станем останавливаться сейчас.

— Но у меня такое чувство, словно я принуждаю тебя. Я не хочу, чтобы твой первый раз был таким.

— Я хочу, чтобы ты сделал это.

— Я не верю тебе.

— Я лежу тут, голая, ты готов, и мы заключили сделку. Давай сделаем это.

— Ты уверена?

— Да. Священное Писание.

— Э-э?

— Ничего. Давай сделаем это.

Мои ноги расслабились и Блейк передвинулся между моих ног.

— Мне бы хотелось, чтобы ты позволила себя поцеловать, — сказал он, скользя сверху-вниз по моей мокрой щелочке. Я не ответила на замечание по поводу поцелуя. Я не могла говорить и дышать одновременно. Моя рука импульсивно легла на обнаженную грудь Блейка. Наши взгляды встретились, и он вошел в меня. Он остановился, когда я надавила на его грудь. Как только я расслабила руку, он спокойно толкнулся в меня. Так происходило четыре раза, пока я не почувствовала, что он вошел в меня на всю длину. Мои губы раскрылись, и я охнула, но все было не так плохо, как я себе представляла. По правде говоря, было совсем не больно. Через пару минут я вообще ничего не чувствовала, то есть, мне было хорошо, особенно, когда его пах встречался с моим клитором.

— Ты красивая, — прошептал он. Я отвела взгляд. Я не была красавицей. Мудак. Неужели девушки действительно ведутся на такую чушь? Как много «Я тебя люблю» впервые произносится, когда парень толкается в девушку? Я проигнорировала комментарий о моей красоте и сосредоточилась на ощущениях между ног. Как долго это занимает? Я как-то читала, что у мужчин это может длиться от трех до семи минут. Светящиеся монохромные часы, встроенные в черно-белое изображение города, говорили мне, что это ложь. Четырнадцать минут с того момента, как моя рука прикоснулась к его сильной груди, до того момента, когда выражение его лица изменилось.

Только в последние тридцать секунд его медленный соблазнительный темп ускорился. На его шее проступили вены, и он поджал губы, издав что-то наподобие сексуального стоны помимо других звуков. Его бедра быстро толкались в меня и обратно, а потом — бац. Он застыл во мне. Он закатил глаза, а потом закрыл их, когда его бедра дернулись в приятном освобождении.

Я убрала руку с его груди, когда поняла, что все закончилось, и неловко посмотрела на часы снова.

— Можно мне теперь идти? — спросила я, нарушив молчание, пока он просто пристально смотрел на меня сверху-вниз. Мне это не нравилось. Мне не нравилась эта близость, и я вообще не поняла всю эту ерунду про секс. То есть, это было неплохо, я

просто не поняла, что тут такого особенного, или почему он хотел платить мне за это. Мне это казалось глупым.

Думаю, я застала его врасплох. Блейк отвел свой взгляд от моих глаз и медленно прошелся вниз по моему телу. Мои глаза последовали за ним, и я увидела, как он выскользнул из меня. Он взял меня за руки и притянул к себе. Я не стала ждать, когда что-нибудь еще произойдет. Я сделала то, что должна была сделать, и хотела выбраться отсюда. Обойдя его, я запрыгнула в свои трусики, потом натянула футболку. Я схватила свои лифчик и шорты и выскочила оттуда к чертовой матери.

Как только я оказалась подальше от Блейка, я остановилась на верхней ступеньке и сделала глубокий, долгий вдох. Вдох и выдох. Я подняла ногу и стала натягивать шорты, а потом остановилась. Черт.

— Привет, я просто, я была —

— Мне не нужны подробности. Спокойной ночи, дорогая, — улыбаясь от уха до уха, сказала Грейс. Здорово. Теперь она думает, что между мной и Блейком что-то есть.

Я отодвинула Пи немного дальше от огня и подбросила в костер два последних полена. Этого должно хватить на ночь. Ложась рядом с Пи, я притянула ее поближе к себе. Почему он должен быть, так или иначе, вовлечен во все это безобразие? У меня все еще не было ответа, и я не знала, что делать. Впервые с момента побега, я почувствовала, что это неправильно. Это было несправедливо по отношению к Пи. Что если нас никогда не поймают? Что тогда? Я боялась пользоваться кредиткой; в связи с этим наши засекреченные личности были дерьмом. Я не могла просто оставаться с ней в бегах.

Наличка, которая у меня была, скоро кончится, и что потом? Я застонала и села. Я не могла заснуть. Мой мозг просто не мог отключиться. Я потянулась к сумке и достала ручку. Я потрясла ее и нарисовала прямую линию. Я позволила своему разуму вернуться к Блейку. Я сидела, скрестив ноги, как и сейчас, за минусом кровати. Начало пера я нарисовала сверху и продолжила рисовать вниз по своей правой руке.

Той ночью я делала то же самое, что и сейчас у костра. Я наверно смогла бы нарисовать это перо с закрытыми глазами. Я заштриховала не так уж много, когда меня осенило. Мой день рождения. Четвёртое сентября. Это был первый день рождения без моей мамы, у меня только что был первый в моей жизни секс, там внизу все немного жгло, и чувство никчемности нахлынуло на меня. Я нарисовала пистолет, очень детально, но вместо настоящих патронов, пистолет имел пулю Нерф с резиновым наконечником. Я улыбнулась и посмотрела на слезу, катившуюся вниз по моей руке и по перу. Черный дождь.

Подпрыгнув, я вытерла слезы изнаночной стороной своей футболки.

— Что? — рявкнула я, открыв дверь. Я знала, что это был он.

— Я, хм. Я просто хотел поблагодарить тебя, — заикаясь, ответил Блейк.

— Тебе не нужно меня благодарить. Просто придерживайся своей части сделки, — бойко ответила я, придерживая дверь рукой с забытым на ней художеством. Я спрятала руку за спину, когда увидела, что его глаза внимательно рассматривали ее.

— Я благодарил тебя не за секс.

Нахмурившись, я спросила.

— И за что же ты благодарил меня?

— За это, — сказал он, взяв мою руку и указав на мое детальное произведение, — Спасибо за то, что купила моей дочери эти глупые игрушечные пистолеты и сказала ей, что это сделал я. У меня ведь даже ничего для нее не было, — признался он с виноватым видом.

— Не за что, — сказала я, потянув свою руку из его руки, его пальцы следовали по контурам пистолета.

— Есть за что. Никто так не старался для меня.

— Это ложь. Я знаю твою маму всего лишь один день, и я знаю, что это ложь.

— Да, ну может быть раньше. Вообще-то мы не часто общаемся.

— Почему? Не могу представить себе, что моя мама находится здесь, и мы с ней не разговариваем. Я бы отдала свою правую руку, за возможность поговорить с ней.

— Где твоя мама?

Черт. Фигню сморозила — ОПЯТЬ!

— Она в Чикаго. Тебе еще что-нибудь нужно?

— Что с тобой не так?

— Спокойной ночи, Блейк.

Я закрыла дверь, не дав ему возможности влезть в мои дела. Что со мной не так? Серьезно? Что не так? Давайте просто проясним. Мы начали с моего дня рождения и закончили потерей моей девственности. Ну и что же тут не так?

Глава восемнадцатая

— Пи, проснись. Тсс. Тихо, — прошептала я, увидев группу туристов, направляющуюся в нашу сторону. Пи посмотрела на туристов, когда я убрала палец от своих губ и показала на шумных болтунов, двигавшихся в нашем направлении. Я запихнула наши вещи в рюкзаки и кивнула в сторону небольшого леса из сосен.

— Я хочу писать, — прошептала она.

— Шшш, потерпи.

— Куда они идут?

— Тсс.

Мы сидели на слое опавших иголок и ждали, пока эта группа из семи человек пройдет мимо нас. Глава группы остановился и, нахмурившись, огляделся вокруг. Он пнул ногой золу, которая осталась от нашего тлеющего костра, и его взгляд опустился прямо на нас с Пи. Черт!

— Давай, Пи. Пойдем, — уговаривала я, потянув ее, чтобы она поднималась. Мы поспешили через густой сосновый бор, не сбавляя темпа, Пи всего в нескольких шагах передо мной. Как только я поняла, что за нами не гонятся, я остановилась, чтобы Пи сходила в туалет.

— Я больше не хочу здесь жить, — пожаловалась она, присев, чтобы пописать.

— Я тоже. Что скажешь, если мы поселимся в отеле и съедим по стейку в каком-нибудь крутом ресторане?

— Ненавижу стейки.

— Я тоже. Пицца?

— Да! Я написала на ботинок.

— Здорово. Давай выбираться отсюда. Мне нужен горячий душ и настоящий шампунь.

Пи подобрала палку и использовала ее, как трость, притворяясь слепой. Она шла прямо передо мной, выводя нас из леса обратно в цивилизацию. Если все будет хорошо, я дала слово, что мы снова отправимся в поход. Я заметила царапину внизу на ноге Пи. Каким славным бы ни было наше приключение в лесу, я понимала, что не так надо о ней заботиться. И по правде говоря, я тоже была сыта по горло этим приключением.

— Хочешь, я расскажу тебе сказку? — спросила Пи.

Не заметив, как Пи сменила направление, я рассеянно забрела в ужасно колючий кустарник.

— Ай. Конечно, — согласилась я, вытаскивая колючки из руки.

— Хорошо, итак, давным-давно жила-была фея. Спроси меня, как ее звали?

— И как ее звали?

— Ее звали Полночь, потому что это было единственное время, когда она появлялась.

Я слушала вполуха глупую историю, пока Пи все больше вдавалась в мельчайшие подробности. Я подробно узнала об обстановке комнаты, в которой жила фея, что она ела на завтрак, а также имена всех, с кем была знакома фея. Поверьте, эта фея знала много людей. То есть, реально много.

Время от времени я вставляла комментарий, чтобы она знала, что я слушаю. Я задумалась об ее отце, в то время как ее воображение не на шутку разыгралось. Я создала монстра.

В тот же день, когда я достигла своего совершеннолетия, я стала женщиной. Это было одно из «впервые». Первое из многих ностальгических событий, которые произойдут со мной без моей мамы. Тем не менее, я вытащила себя из кровати и стряхнула эти воспоминания после нескольких часов сна. Моя утренняя рутина быстро переросла в привычку. Я посмотрела на свое творение на руке и на свое похожее на приведение лицо. Потерянный взгляд с заметными темными кругами, которые оттеняли опухшие глаза, пристально смотрел на меня из зеркала

Пора было придумать план. Больше никаких оправданий. Став совершеннолетней, я могла жить самостоятельно, по правде говоря, Блейк мне был больше не нужен. Ну, может немного. Мне действительно нужны были его деньги. Это было еще одним оправданием, как и Пи. Каждый день я придумывала чертовски вескую причину, почему все еще не противостояла ему. Каждый день перешел в месяцы, и я все еще не сделала того, зачем пришла сюда.

Очень жаль, что Фарра была такой стервой. Я могла бы использовать друга, имеющего доступ к СМИ. Я могла бы обратиться к нему через национальное телевидение. Я поспешила, смыла «черный дождь» с руки и кинулась к двери, в которую стучали. Я открыла дверь, скрестив на руки на груди, чтобы не показывать, что была без лифчика.

— Я ухожу, — сообщил Блейк

— Э-э, ладно. Пи нет дома. Она с твоей мамой на представлении.

— Да, я знаю. Я просто спущусь вниз в ресторан, чтобы встретиться с Райаном и

моим боссом.

— Барри Холденом?

— Да. Перестань его так называть. Он известен как Зазен. Сегодня вечером мне необходимо сходить на ужин, но я вернусь домой к десяти или около того. Я бы хотел, чтобы ты поднялась ко мне в комнату.

Взгляд Блейка опустился на мою грудь, заставив меня понять, что я опустила руки. Я снова скрестила их на груди, пряча два торчка, которые, казалось, встали от его внимания. Какого черта? Дурацкие соски.

— Прости, но я не могу.

Блейк разговаривал с моей грудью.

— Я видел их прошлой ночью. Они мне нравятся. Поэтому я хочу, чтобы ты снова пришла сегодня вечером. Что значит, ты не можешь?

Я согнула колени, чтобы быть на уровне своей груди.

— У нас ведь договор?

— Да, и я придерживался своей части. Вчера я провел с ней весь день.

— Но сегодня ты ничего не сделал. Сегодня воскресенье, и ты собираешься работать. Как печально!

— Генеральным директорам особо выбирать не приходится. Так устроен бизнес, но, могу поспорить, ты бросила колледж, поэтому я понимаю ход твоих мыслей.

— Если учеба в колледже сделает меня хотя бы наполовину такой невежественной, как ты, то я не хочу в этом участвовать. Да плевать мне на твой бизнес, если он важнее всего остального в твоей жизни. Если ты полагаешь, что блестящая золотая рамка, демонстрирующая тот кусок бумаги над твоим столом, делает тебя умнее, то ты еще глупее, чем я думала.

— На кого ты злишься?

О, Боже мой! Я собиралась врезать этому парню прямо в живот.

— Спасибо, что предупредил меня о своем уходе.

— Ты поднимешься ко мне в комнату позже?

— Ты поиграешь с Пи позже?

— К тому времени, как я вернусь домой, она уже будет спать.

— Я тоже. Хорошего дня, Блейк.

Блейк смотрел сквозь меня. Я видела, что он сдерживается, чтобы не сказать то, что было написано на его лице. Он оставался стоять в той же напряженной позе, пока дверь перед ним не закрылась. Самое плохое из всего этого, что я ни на кого не злилась. Только на него. Почему Блейк Коуст пробрался мне под кожу, как никто другой? Ах да, потому что он был идиотом.

Как только Блейк ушел, я знала, что мне делать. Я не собиралась разговаривать с ним, я просто хотела увидеть его, понять, смогла бы я вообще узнать его, если бы прошла мимо на улице. Я в этом сомневалась. Прошло всего четыре года, но наша встреча длилась ровно две минуты. Я сомневалась, что он вообще помнил о том вечере, не говоря уже о том, как я выглядела. Он слушал меня достаточно долго, пока я не перевела дыхание, а потом толкнул за плечи к стене. Интересно, помнил ли он об этом.

Я уделила довольно много внимания своей укладке и макияжу, прежде чем облачиться в новый брючный костюм, который недавно заказала. Иногда нам с Пи нравится принарядиться поест в обеденном зале при отеле, в других случаях я никогда бы так не

оделась. Туфли на каблуках были еще одной историей. Однажды моя мама заставила меня обуть туфли на каблуках на свадьбу одной из ее коллег. В тот день я зареклась носить каблуки, сказав ей, что они не предназначены для ходьбы. А она, в свою очередь, обожала все девчачье. Что так никогда и не передалось мне.

Я дважды прошла туда-сюда по коридору, вверх-вниз по лестнице, и до двери мисс Вильямс и обратно. Ладно. Не так уж и плохо. Я могла ходить на каблуках. Я нажал кнопку лифта, крутясь, чтобы увидеть свою искаженную фигуру в блестящих дверях. Мои волосы действительно отросли, и, хотя они нуждались в небольшой, модной стрижке, завитые локоны помогли.

— Микки, — кивнул Ларри в лифте.

— Привет, Ларри.

— Выглядишь замечательно. Тебе нужно вызвать такси?

— Нет, спасибо. Пи сегодня со своей бабушкой. Я просто собираюсь спуститься вниз и перекусить в обеденном зале.

— Закажи говяжьих ребрышки. Это вкуснятина.

Фу, гадость. Я ненавидела говяжьих ребрышки. Я собиралась заказать курицу аля Рошлетт, куриные палочки в панировке, с точки зрения обывателя. Я согласилась на говяжьих ребрышки, и мы заговорили о Пи. Он пообещал научить ее играть в ракетбол позже в тот же день. Я заверила его, что мы будем там ровно в пять, как и обещали.

Мужчины стремились открыть мне двери, оборачивались мне вслед и подходили ко мне, чтобы заговорить со мной. Я никогда не смогла бы привыкнуть к этому и не понимала этого. И я на сто процентов уверена, если бы не чванливый дресс-код, я пришла бы сюда в шортах и футболке.

Вход в обеденный зал был разделен стойкой хостеса, по обеим сторонам которой находились двойные двери. Я выбрала двери справа, куда Пи не разрешалось заходить. Ну, и мне тоже, но я просто собиралась заказать воду. Я бы не стала пытаться заказывать что-либо, требующее предъявить удостоверение личности.

Меня поприветствовала Ванда, хостес на этих выходных. Я объяснила, что собираюсь посидеть в баре, и выбрала ближайший к выходу угол.

— Привет, красотка. И где твоя подружка? — спросил Лео, вытирая мокрое пятно на стойке передо мной.

— Сегодня она со своей бабушкой. Я могу заказать куриные палочки с картошкой фри?

— Нет, но я могу принести тебе наше блюдо вкуснейшей курицы аля Рошлетт с картофелем фри и брокколи.

— Да, это, — согласилась я. Лео засмеялся и ушел, чтобы выполнить мой заказ. Эта часть ресторана была темной, а другая часть помещения была светлее. Сначала я оглянулась на столики в темной части за мной, а затем в хорошо освещенной зоне передо мной. Первым я увидела Райна, потом Холдена, но Блейка там не было.

Черт. Я отвернулась, когда он вышел из туалета прямо за мной. Он был занят, просматривая что-то на своем телефоне, и не заметил меня. Только представьте. Я открыто наблюдала, как эти трое пили дорогой виски и разговаривали, скорее всего о бизнесе. Это единственный язык, на котором говорили Блейк и Райан. За первые три месяца я узнала столько бизнес терминов, о существовании которых даже не подозревала. Повышенная доходность, диверсифицируемый риск, правопритязание, издержки исполнения, и это только некоторые из них. Я всегда запоминала забавные. Когда разговор

заходил о бизнесе, Блейк говорил на совершенно другом языке, непонятном для большинства людей. Таких, как я.

Я наблюдала, как эти трое работали. Барри Холден держался чинно, а Блейк и Райан склонились перед ним, словно он был королем. Была ли я на него похожа? Он казался очень вспыльчивым человеком. Я макала свою картошку в кетчуп и следила за общением Барри Холдена со своими последователями. У меня в горле застрял кусок курицы, и мне пришлось запить его водой. Я ненавидела его. Глядя на Барри Холдена, у меня появлялись чувства, которые мне не нравились. Мне хотелось подойти прямо к нему и выплеснуть его выпивку ему в лицо, а затем шандарахнуть его по голове его же ноутбуком.

— Комплемент от мистера Коллинса. Того мужчины, с зеленым галстуком.

Я отвлеклась от трех бизнесменов и обратила свое внимание на Лео, а потом на джентльмена, который улыбался мне с другого края бара. Здорово. Моей первой реакцией было раздражение, но потом я посмотрела на Барри. Я была не такой, как он. Я хотела ответить ему, что это может пагубно отразиться на мне, но сдержалась. Вместо этого я поблагодарила его. Кроме того, так я смогу выпить, и Лео не спросит, сколько мне лет. Беспроигрышный вариант.

Я избегала зрительного контакта с тем парнем, и он, видимо понял, что я не заинтересована в знакомстве. Он так и не получил желаемого внимания и сдался. Однако напиток был очень вкусным, фруктовым с нотками лимона или еще чего-то. Сладкий и пряный. Мне понравилось.

— Можно мне еще один? — спросила я Лео, отодвигая тарелку.

— Да, что ты здесь делаешь? Ты наблюдаешь за ним уже целый час. Он тебе не изменяет. Могу за это поручиться.

— Что? Кто?

— Блейк Коуст. Если он и здесь, то только по делам. Я никогда не видел его здесь с девушкой.

— За исключением Фелиции, — заявила я.

— Кого?

— Его бывшей. И я ни за кем не шпионю. У меня просто выходной.

— Не знаю, кто такая Фелиция, но я работаю барменом здесь уже три года. Он никогда не приводил ее сюда.

Это заставило меня задуматься. Я потягивала свой напиток и размышляла, почему. Мой телефон подло выдал меня. Я отвернулась лицом к дверям, когда Райан пошел в туалет. Он ничего не сказал, когда я повернулась посмотреть, ушел ли он, и наши взгляды встретились. Он пошел дальше в той же манере, как и Блейк. Голова опущена, пальцы на экране телефона.

Тогда я решила, что мне лучше уйти. Возможно он не узнал меня в этом наряде. И вот, когда я встала, то ощутила эффект от алкоголя. Ого. Он должен накрывать, когда встаешь?

Я любила Кэнди Рейнольдс, она была моей любимой официанткой. Она очень хорошо относилась к Пи, была одной из тех людей, которые сделают все возможное и невозможное. Кэнди не обязана была прятать хот-доги для Пи на кухне. Она делала это, потому что Пи каждый раз заказывала один. Мне нравилось, как она дурачилась с Пи, но сейчас она мне не нравилась. Не в данный момент. Пожалуйста, уходи. Пожалуйста, уходи.

— Бог ты мой, Микки. Я хотела тебе кое-что показать. Я только что сделала

фотографии Мейсона в том новом месте. Тебе стоит сводить туда Пи. Зацени.

Великолепно. Как можно грубо уйти и не посмотреть фотографии, которыми хвастается мамочка? Я взглянула на фото, а потом нервно оглянулась на туалет, откуда, я знала, Райан должен был выйти в любую секунду. Фальшивая улыбка и поддельный интерес остались незамеченными, чего не скажешь о моем сердце. Я чувствовала каждый удар.

Мы с Райаном обменялись взглядами, но на этот раз он улыбнулся и осмотрел меня с головы до ног. Здорово. Именно это мне и нужно.

— Я непременно свожу ее туда. Ты прилетишь мне адрес? Мне пора идти. Пи должна вернуться с минуты на минуту.

Разумеется, я не успела уйти до того, как Райан вернулся к столику и сообщил о моем присутствии. Шокированное выражение, появившееся на лице Холдена, когда наши взгляды встретились, убедило меня, что он точно знает, кто я такая. Блин. Это была мимолетная встреча. Он даже толком не разговаривал со мной.

Блейк единственный, кто встал и направился ко мне, хмурясь в растерянности. Кэнди радостно упорхнула, пообещав прислать мне адрес, а я осталась ждать, когда Блейк подойдет ко мне. Барри смотрел на меня, не отводя глаз. Вот уж, блин! Глупая Кэнди Рейнольдс. Я ненавидела ее.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Блейк, также пробежав взглядом по моему телу. Мужчины.

— Я ела. Уже закончила. Увидимся позже. — да. Типа я действительно думала, что все будет так легко. С этими непривычными каблуками и алкоголем, к которому я не привыкла, я умудрилась завалиться прямо в его объятия. Вот тогда я действительно умерла и мое сердце не собиралось больше биться. Я видела, как Холден встал и направился ко мне. Это было дежа вю. Он также растерянно хмурился, как и Блейк.

Я не двигалась. Я стояла, опираясь на грудь Блейка для поддержки. Это не было моим выбором. Это было печальной попыткой быть упрямой. Я твердо намеревалась оставаться на ногах, а не упасть в обморок из-за моего умирающего сердца. Время остановилось, все замерло, и в зале повисла гробовая тишина, пока я заторможено ожидала, когда Барри Холден разоблачит меня.

— Думаю, мы закончили на сегодня. Сегодня вечером ты встречаешься с финансовыми агентами, чтобы решить противоречия с показателями использования финансовых средств? — спросил Холден Блейка, пристально глядя на меня. Именно тогда я заметила, что он все еще держал меня за руки. Я восстановила равновесие и отошла. Блейк уставился на меня в замешательстве, словно он был дезориентирован. Они оба смотрели на меня с недоумением, и мне нужно было определиться на кого из них смотреть, на Блейка или Барри Холдена.

— Да, то есть нет. Райан ты сможешь сходить? У меня есть кое-какие дела сегодня вечером, — сказал Блейк, заговорив по-иному.

— Дела? Какие дела? — спросил Райан.

— Просто кое-что дома. Ты справишься сам. Нам не обязательно быть там обоим.

— Да, мы вроде как должны, — мужественно уверял всех Райан.

— Ты сам справишься, Райан. Позвони мне, если что услышишь от адвоката Штайнера, — сказал Холден, поддержав Блейка, и все еще глядя на меня. Вот хрень.

— Да, сэр, — сказал Райан, уж слишком стараясь подмазаться. Ой, да ладно!

Мистер Холден направился к выходу, и жополиз Райан следом.

— Сядь, пока не упала, — приказал Блейк. Хорошая идея. — Что ты здесь делаешь? Я думал, что говорил тебе не приходить сюда.

— Мы все время ходим сюда обедать. Ты даже оплачиваешь это. Пожалуйста, скажи, что ты не скряга.

— Что значит, вы приходите сюда все время? Я говорил тебе держаться подальше от ресторана.

— Ты говорил, что меня выкинут отсюда, если я буду одета, как люблю. Мы с Пи наряжаемся каждые вторник и пятницу и идем сюда обедать. Я как раз купила этот наряд и еще парочку, чтобы приходить сюда. И будет довольно глупо, если ты спросишь, но туфли на каблуках — тоже.

— Ты выглядишь потрясающе.

— Да, тоже самое ты сказал о баскетбольных шортах, помнишь? Ты собираешься купить мне выпить или предпочитаешь, что бы я записала это на твой счет?

— Лео, — позвал Блейк, подняв руку.

О, Боже, и Лео туда же.

— Здравствуйте, мистер Коуст. Как поживаете, сэр? Что я могу сделать для вас? Клевый галстук.

— Поправь свой галстук. На кого ты работаешь?

— Зазен Резорт. Извините, сэр, — пробормотал Лео, подлизываясь.

— Слабак, — захихикала я. Лео посмотрел на меня сердито, говоря мне, чтобы я заткнулась.

— Не мог бы ты принести Макайле чашечку кофе?

Подождите. Что?

— Кофе?

— Да, кофе. Ты напилась в обед в воскресенье. Мне стоит волноваться по этому поводу?

Я нахмурилась и наклонилась к Блейку.

— Ты скажи мне, Блейк. У тебя есть повод для беспокойства?

Он фыркнул и улыбнулся.

— Нет, думаю нет. — ух ты. Блейк только что признал, что доверяет мне. — Но ты можешь остаться в этом наряде, когда придешь ко мне сегодня вечером.

— Итак, ты на сегодня закончил работать?

— Не совсем, но я сделаю, что должен, чтобы ты пришла ко мне позже.

— Великолепно. Пойдем. Нам нужны шорты и кроссовки.

— Зачем?

— У нас свидание с Ларри.

— Опять лифтер Ларри? Я бы хотел, чтобы ты перестала позволять моей дочери тусоваться с персоналом. Ты в Нью-Йорке. Не можешь найти занятие получше?

— А чем по-твоему мы занимаемся, Блейк?

— Не знаю. Мне кажется, что вы проводите каждую свободную минуту в иллюзиях.

— Я действительно много времени провожу там, но мы также занимаемся многими другими вещами, на которые ты не обращаешь внимания, потому что слишком занят. Мы гуляем. По вторникам мы встречаемся с группой малышей в Bed-Stuy (Bedford — Stuyvesant — район Бруклина в Нью-Йорке. Прим. пер.)

— Почему там? Это не самое лучшее место. Я не хочу, чтобы вы туда ходили. Идите

в Сохо (SoHo — сокращено от South of Houston — "Юг Хаустона" — исторический кварта Манхеттена со старой, низкоэтажной застройкой, многие здания района имеют статус архитектурных памятников. Прим. пер.), если хочешь сводить ее в парк.

— Это любимое место Пи. Я водила ее в Сохо. Дети там очень злые. Там гуляют только маленькие богатые избалованные сорванцы и их заносчивые няни. Нам там не понравилось.

— Что значит, они плохо к ней относились?

— Девочки сказали ей, чтобы она играла с мальчиками, потому что она была одета в джинсы.

— Ну так это твоя вина, что над ней посмеялись. Вот зачем ей платья. С сегодняшнего дня, если ты собираешься отвести ее на прогулку в парк, одевай ее как полагается и води в Сохо. Это приказ.

— Серьезно? Ладно. Вот мое встречное предложение. Ты отведешь нас на прогулку в Сохо. Мы нарядимся и отведем ее туда. Но... Потом ты должен будешь вернуться сюда, переодеться вместе с нами и отправиться в Bed-Stuy. Договорились?

— Нет. Почему ты считаешь, что можешь придумывать правила? Это я тебе плачу.

— Ты? — спросила я, держа руку на его звонившем телефоне, не давая ему ответить.

— И что это должно значить? — нахмурился он и ответил на звонок.

Я потягивала кофе, ожидая услышать что-либо о диверсификации, дивидендах или еще о каких-либо иностранных терминах. Но услышала совершенно противоположное. Слушая ложь из одностороннего разговора, я поняла, что речь шла обо мне.

— Ее зовут Макайла Карли. Да. Она моя новая няня из агентства. Я не знал, что это важно. Почему вас волнует, кто заботится о моем ребенке? Нет. Простите, сэр. Да. Сделаю. Конечно я проверил ее данные. Нет, сэр. Сделаю. Хорошо, до свидания.

Эта власть — странная хрень. Сначала Блейк, которому все лизжут задницу, а потом Холден, перед которым все пресмыкаются. Два уровня власти. А для чего? Я никогда не пойму этот мир. Не удивительно, что я жила в иллюзиях вместе с Пи. Хотите верить, хотите — нет, но в нашем придуманном мире больше смысла, чем в этом.

Глава девятнадцатая

— Это лучшая сказка, которую я когда-либо слышала, — сказала я, поддакивая Пи.

— Спасибо, а догадайся, что потом случилось?

Так повторялось три раза, пока мне действительно не надоело. У этой феи была та еще жизнь. Ее съел вылупившийся из яйца динозавр, которого потом раздавил слон, но она не умерла. Просто стала плоской. Теперь она была плоской феей. Если бедную маленькую феечку еще хоть кто-нибудь съест, я закричу.

— Пи, слушай. Мы приближаемся к туристическому лагерю.

— Правда? — спросила она, полностью забыв о фее, которая никак не умирала.

— Так, послушай, ладно? Мы должны вписаться в обстановку. Этим мы и займемся. Мы выйдем в одном из отдаленных уголков лагеря и прикинемся, будто живем здесь.

— Правда? Я хочу пойти в поход.

— Что это значит? Мы были в походе три дня.

Она показала на небольшой ряд маленьких домиков. Я внимательно осмотрела их на наличие электричества и горячей воды. Возможно, это неплохой план, на данный момент, во

всяком случае.

— А мы все еще можем купить пиццу?

— Ты просто жить не можешь без пиццы, правда?

— Да, и без шоколадного молока.

— Ммм, это и правда хорошо звучит. Мы закажем его в ресторане. Как тебе?

— Замечательно.

Именно это мы и сделали. Мы с Пи арендовали однокомнатный домик с душем, из которого вода еле текла. Расплатившись наличкой за некоторые предметы личной гигиены, которых у нас не было, мы заселились в домик под номером пятьдесят семь. Я первая пошла в душ, пока Пи валялась на, слава Богу, настоящей кровати. Поразительно, как много вещей мы принимаем как должное. Свою маму, горячую воду и кровати.

Вдыхая запах настоящего шампуня, я поклялась с этого момента ценить его наличие. Густой слой шампуня, который я вмассировала в свои волосы, был похож на рай в бутылочке. Даже Пи провела в душе больше времени, чем обычно, а Пи ненавидела мыться. По какой-то причине, как только ей исполнилось пять, я вынуждена была бороться с ней, чтобы заставить ее помыться. За ночь она из "не хочу вылезать" превратилась в "не хочу мыться".

Приняв душ и переодевшись в чистую одежду, мы организовали большие постирушки, а потом слонялись по территории лагеря, смешиваясь с другими туристами. После трехдневного заключения в походных ботинках дешевые двух долларовые шлепанцы были раем для наших ног.

Я до сих пор понятия не имела, что мы будем делать, но знала одно. Лагерь для туристов был именно тем местом, которое необходимо для Пи. Мы поели замороженную дешевую пиццу, и Пи поиграла в вечерние игры с остальными туристами. Она поиграла в музыкальные стулья, Али-Бабу и выиграла в лимбо. Будучи ростом с четырехлетку, это ей конечно же во многом помогло, но не остановило от хвастовства.

— Я никогда ничего не выигрывала раньше! — улыбнулась она, восхищаясь пустяшной маленькой ленточкой, которая осчастливила ее. Мне она тоже доставила радость. — Я повешу ее на стену в своей комнате, когда мы вернемся домой.

— Ладно, давай возвращаться в домик к настоящей кровати, — ласково попросила я, — Мы повесим ее на стену. Молодец, дай пять. — похвалила я ее. Я держала ее за руку, и мы покинули клуб, направившись в темноту ночи. Мы посмотрели друг на друга и засмеялись, зевнув одновременно.

Я открыла рот, но промолчала, позволив ей опять выиграть.

— Мое счастье. Ты должна мне Колу.

— Блин. Ты всегда быстрее, — поддразнила я, а затем остановила ее прежде, чем мы достигли низа деревянного пандуса. Я прижала палец к своим губам и потянула ее за каменный столб. Я узнала этот голос. Как, черт возьми, он нас нашел?

Слегка прижимая свою руку ко рту Пи, я выглянула из-за столба, чтобы посмотреть на Куинна. Он стоял, глядя на карту, и громко разговаривал по телефону.

— Я не обманываю тебя, чувак. Я говорил тебе, что она должна быть где-то в горах. У меня отличный сигнал. Она примерно в шести метрах от меня. Я стою прямо перед домиком, в котором она находится. Номер пятьдесят семь.

— Да, я понял. Не переживай. Я просто припаркуюсь и буду наблюдать за входной дверью, пока ты не приедешь.

Какого хрена? Как, мать твою, он нас выследил? На нас что-то было. Что-то, что привело его прямо к нам. Пи посмотрела через плечо и нахмурилась. Она поняла, что мы опять уезжаем. Черт. Что у нас было? Куинн выследил нас благодаря чему-то, но чему? Что это было? Если и было что-то хорошее в этой ситуации, так это некомпетентность Куинна. Его легко было перехитрить. Если Райан ехал за нами, у меня было время. Время для чего? Это мне и предстояло выяснить.

Я потянула Пи за ее маленькую ручку и тихо повела ее к нашему домику. К нашей милой удобной кровати, в которой мы не собирались спать.

— Что ты делаешь? — спросила Пи, уперев свои ручки в боки и глядя, как я отчаянно роюсь в наших рюкзаках. Я не смогла ничего найти. Ничего похожего на отслеживающее устройство, не то чтобы я знала, как оно выглядит, но я же смотрела телевизор. Да где, черт возьми, оно может быть? Мы просто оставим все здесь. У меня еще было достаточно наличных денег, на данный момент, по крайней мере. Мы купим новую одежду. Погодите. Моя голова дернулась в сторону наших ботинок у двери. Все было в порядке. Никаких разрезов или крошечных объектов, которые бы помогли выследить нас. Где оно было, блин?

— Пи, мне нужно разорвать Ларри. Я зашью его обратно, я обещаю, — сказала я, глядя на Пи, пока мои пальцы пытались нащупать что-нибудь внутри его длинных тощих рук, ног и хвоста. Если в него что-то и заложили, то оно должно быть в животе.

— Ладно, у меня есть набор ниток с иголкой.

— Конечно, у тебя он есть, — Пи не лгала. У нее действительно был швейный набор. Я разорвала небольшую дырочку в шве между ног обезьянки, пока Пи выворачивала свои карманы. Зеленый свисток, раздавленное, но все еще завернутое печенье с предсказанием, палочка от Эскимо, голубой гравий из аквариума и Тутси ролл (мягкая карамель, закрученная в "батончик". Прим. пер.). Она сказала, что эти конфеты прилипали к зубам, а она не хотела, чтобы ее зубы выпали. Я вытащила набивку из живота Ларри, пока она проверяла свой второй карман. Большой орех, который она нашла, когда мы гуляли по нашему маленькому лесочку в городе, яйцо Силли Пугги (жвачка для рук — пластичная игрушка, внешне похожая на пластилин или жвачку большого размера. Не токсично, не имеет ни запаха, ни вкуса, не прилипает к рукам и не пачкается. Прим. пер.), швейный набор, пластырь и резинка для волос.

Слава Богу, Ларри был на нашей стороне. Он был чист. Мне не стоило этому удивляться. Ведь Ларри стирали — очень часто.

— Я не смогу тебе помочь, если ты не скажешь, что ищешь, — заверила меня Пи, подбоченившись. Я забыла, насколько смышенной она была для пятилетки. — Может оно внутри ботинка, но что это?

— Пи, ты ужасно гениальна. Это отслеживающее устройство. Смотри, — сказала я, вытащив крошечный объект, похожий на батарейку.

— Я же говорила тебе, что у меня что-то в ботинке. Что это значит?

— Это значит, что мы убегаем в последний раз, но нам придется сделать парочку нехороших дел.

— Мы опять собираемся украсть лодку?

— Нет, и мы ее не крали. Мы оставили записку и поблагодарили за то, что нам позволили позаимствовать ее. Мы сделаем тоже самое с машиной.

— Мы собираемся украсть машину?

— Нет, позаимствовать. Мы просто позаимствуем ее.

— Как? Где мы возьмем ключи?

— Мы отправимся на их поиски, — сказала я, зная про костер у реки. Многие домики будут пустовать. Там должны быть ключи. — Смотри, у нас у обеих было это, — сказала я, вытащив второе отслеживающее устройство. Стельки в наших ботинках были чуть приподняты, прижимая двух этих маленьких негодников, которые выдали наше прикрытие. Как только я убедилась, что ни на одной из нас больше нет жучков, мы отправились в новое путешествие.

Я придумала для Пи новую игру, чтобы она не думала о нас, как о злодеях. Я знала, что не смогу достаточно хорошо объяснить ей, что иногда приходится делать плохие вещи. Как такое можно объяснить, не звуча при этом лицемерно? Мы придумали, будто будем искать ключи от сказочного королевства. Королевства, которое будет полно красок и волшебства. Это сработало и, пока мы одевались в самую темную одежду, какую я только смогла найти, Пи рассказала мне в мельчайших деталях, как это королевство должно выглядеть.

Еще раз осмотрев нашу одежду, я снова проверила ее на отсутствие жучков.

— Пи, нам нужно вылезти в окно над кроватью. Я полезу первая, а потом спущу тебя, ладно?

— Зачем? Выход же прямо там, — это я тоже не хотела ей объяснять. Я знала, что Куинн наблюдает за единственным выходом. Я сделала кое-что получше.

— Мы же притворяемся. Нам нужно сначала сбежать из этой башни.

— Хорошо, нас поймали, и мы должны связать вместе простыни, чтобы выбраться наружу.

— Потрясающе. Пойдем. Ты должна вести себя очень тихо, ладно? — какого черта я делала? Я должна быть взрослой, подавать пример. А я учила ее, как улизнуть из окна и быть вором. Все должно было быть по-другому. Мы должны были наслаждаться жизнью в нашем маленьком домике на нескончаемых краях государственной земли. Мы должны были стать Дженной и Пенелопой. А что теперь? Как, черт побери, все пошло кувырком? Я больше не знала, кому могу доверять. Никому. Вот так.

В первом домике не только дверь была не заперта, но еще и ключи лежали на столике. Конечно, это было слишком легко. Мы обошли всю стоянку в поисках автомобиля, но его там не было. Мы вернули ключи на место и крадучись пошли вокруг домиков, ища еще одну незапертую дверь. Я молилась, чтобы следующая связка ключей подошла. Эмблема и изысканный внешний вид ключа убедили меня, что это хороший автомобиль. Автомобиль, который не сломается, пока мы не доберемся, ну, пока я сама еще не знала куда.

Нам не составило труда найти дорогой и роскошный внедорожник с мягкими белыми кожаными сиденьями, навигатором и откидным автомобильным телевизором для Пи. Ей это понравится. Я закрыла дверь, и мы вернулись в домик, забравшись обратно через окно. Чтобы все-таки не испытывать судьбу, мы оставили все вещи, за исключением двух маленьких устройств, которые помогут выследить нас.

Мы с Пи снова прошли по стоянке и отправили их в Лас Вегас, штат Невада. Я засунула одно устройство в шину, а другое закинула в окно грузовика. Это должно дать нам немного времени. Для чего, все еще предстояло определить.

Увидев двадцать семь закаченных Диснеевских фильмов, я была уверена, что не услышу Пи довольно долго. Держа курс на запад, я направила нас в сторону трассы I-90. Вайомини был неплохим местом, посмотрим, что мы сможем там найти.

Пи сидела в удобном автомобильном сиденье и смотрела полнометражный двухчасовой

фильм, прежде чем наконец задремала. Я нажала кнопку и убрала телевизор, чтобы лучше видеть ее через зеркало заднего вида. Видно было, что ей очень удобно. Что, черт возьми, я должна была делать? Мамочка, помоги мне.

Глубоко вздохнув, я включила радио и уставилась на четырехполосную дорогу перед собой. Невозможно запланировать будущее. Как сильно бы я ни старалась, но мое будущее планировало себя само. Опять и опять. Я раздумывала о том, чтобы стать цыганкой и кочевать с места на место. Просто оставаться в бегах. Тьфу! Блин, что же мне делать? Только я собралась было углубиться в очередной сеанс раздумий "что, если", как Кэти Перри запела о том, чтобы быть сильной, танцевать среди языков пламени и быть победителем.

Если чему я и научилась за свои двадцать лет, так это упорству. Я не пасовала перед трудностями. В очень раннем возрасте я научилась быть борцом. Если я продолжу следовать своему сердцу, меня могут поймать, посадить в тюрьму, и я больше никогда не увижу Пи снова. Если я перестану убегать, кто знает. Я превращусь в тряпку, и это будет длиться вечно. С какой стороны ни посмотри, я была в полной заднице.

С каждой песней я, казалось, дышала все тяжелее, так как ничего не приходило мне в голову. Мы не могли и дальше оставаться в бегах. Напоминая себе, как я попала в этот переплет, я позволила своим мыслям вернуться в то время.

Пи была в этом виновата.

В элегантной одежде я действительно нравилась Блейку. Он глаз от меня не мог отвести пока мы поднимались в лифте в пентхаус. Я собиралась нанести удар по его вкусу, переодевшись в шорты, футболку и кроссовки, как только попаду домой.

Это не сработало. Блейк все равно пялился на меня так, что мне уже это не нравилось. Я старалась убедить себя, что в этом не было ничего страшного, что это просто глупые подростковые гормоны, и что между нами ничего не происходило. Я просто это выдумала, и Блейку я нужна была только для двух вещей: заботиться о Пи и удовлетворять его. Это всё.

— Что с тобой? — спросил Блейк, когда я продолжала нервничать и расхаживать по комнате. Холден точно знал, кто я такая, и он знал, что Блейк только что солгал ему. Будет ли он молчать, пока не заговорю я, или он придет ко мне? Может он не знал. Нет. Нет. Он знал. Я могла это сразу же сказать. Он знал.

— Ничего. Мне просто надо избавиться от нервной энергии.

— Я могу помочь тебе избавиться от энергии, — предложил он, улыбаясь.

— Уверена, что можешь, — нахмурилась я, подумав об этом и сразу же почувствовав пульсацию между ног.

Грейс и Пи были дома и готовы были встретиться с Ларри внизу. Она все болтала и болтала о спектакле. Мне было немного грустно, что я это пропустила, но по тому, как Грейс смотрела на нее, я была счастлива, что у Грейс была возможность провести с ней время. Я, как-нибудь еще, свожу Пи на другой спектакль.

Наблюдать, как она управлялась мячом и ракеткой, было довольно забавно. На самом деле, у нее неплохо получалось.

— Ты оставишь свой телефон? Ты можешь увидеть свою дочь? — закричала я на Блейка. Он, кажется, думал, что одного его присутствия будет достаточно, чтобы я дала

ему. Как бы не так.

— Да, я вижу ее. Она прямо там. Что ты имеешь в виду?

Я заметила, что Грейс перевела все свое внимание от глупышки Пи на нас с Блейком.

— Я имею в виду, видеть ее. Действительно видеть ее. Улыбаться ее наивности, смеяться над ее глупостью, поиграть с ней, ради всего святого!

— Ларри играет с ней, — сказал он озадаченно. Этот парень ничего не понял. Вообще ничего.

— Проехали. Лучше проверь опять свои сообщения. Райан возможно хочет тебя.

— Ты не можешь со мной так разговаривать. Я не позволю, — расстроено возразил Блейк. Он был сбит с толку.

— Я лишь указывала на удручающие факты, — сказала я, и пошла играть с Пи. Грейс улыбнулась мне, когда я обошла ее.

— Она мне нравится, — я услышала, как она сказала это Блейку.

Блейк бы не признался в тот день, но он хорошо провел время. Он веселился, гоняясь за мячом, также, как и стреляя из игрушечных пистолетов. Я возможно флиртовала с ним пару раз случайно, и он возможно прикасался ко мне чаще, чем было необходимо. Тогда я и поняла, что что-то действительно происходило. Я это не выдумала. Это было по-настоящему. Я почувствовала это, когда он ухватил меня за талию, пытаясь удержать меня от победного очка. Мы оба упали на землю, смеясь. Я посмотрела сверху вниз на него, перестав улыбаться одновременно с ним. Клянусь, он хотел попытаться поцеловать меня.

— Жулик, — обвинила я его и поднялась.

Вечер мы провели с Грейс и Пи. Блейк все же недолго поработал, но я должна отдать ему должное. В этот день он занимался с Пи больше, чем я от него ожидала. Он даже помог нам украсить домашнюю пиццу. Так ее захотела назвать Пи. Так что в тот день мы украшали пиццу.

Я оставила Блейка провести какое-то время с его мамой и отправилась в душ. Теперь я переживала не только о Холдене, но и о том, что было между мной и Блейком. И о сексе. О, Боже. Секс. Я приняла душ, побрила ноги и сделала новую прическу. Я не могла сильно стараться и позволить ему узнать, что это все ради него, поэтому оделась попроще. Не баскетбольные шорты конечно, но простые короткие джинсовые шорты. Красная трикотажная кофта плотно обтягивала мою грудь, открывая взору размер С, а не настоящий В. Бирка на моем лифчике не соответствовала отражению.

Я слегка прыснула духами между грудей, так чтобы он не заметил, и слегка накрасилась, совсем чуть-чуть, чтобы Блейк не заметил. Но опять же, он заметил. Я все время ловила на себе его пристальные взгляды, пока мы ели и слушали невнятную болтовню Пи о нашем маленьком лесочке. Я так часто отводила от него глаза, что у меня голова закружилась. У меня было чувство, что это не хорошо, но это действительно было плохо. Ах да, и Блейк высказался о том, как приятно от меня пахло, больше для вида.

Слава Богу Грейс почитала Пи перед сном и уложила ее спать. Я была вся на нервах и не смогла бы прочитать даже книгу для дошкольников. Я убралась на кухне и ждала, пока Блейк примет душ и скажет мне, что пора. Мне не стоило принимать душ раньше. Я чувствовала запах пота каждый раз, как думала об этом.

— Она вырубилась. У нее был насыщенный день, — сказала Грейс, вытаскивая чистый противень для пиццы из сушилки.

— Я сама, — сказала я, пытаясь забрать его.

Грейс держала противень и посмотрела мне в глаза, тепло улыбаясь.

— Спасибо тебе. Я так рада, что ты здесь.

— Что? За что? Вам не за что меня благодарить.

— Нет, есть за что. Я так рада, что ты присутствуешь в жизни Пи. И я уже вижу изменения в Блейке с последнего раза, когда была здесь. Продолжай делать то, что делаешь. Я бы не смогла выбрать лучшего человека для моего сына и внучки.

— Нет, мы не... Блейк и я, правда, не... мы просто... Это просто бизнес. Я на него работаю.

— Ладно, продолжай убеждать себя в этом. Я собираюсь повалиться с хорошей книгой. Увидимся завтра утром до моего отъезда.

— Хорошо.

Глава двадцатая

Я подпрыгнула от звука пришедшего сообщения, от которого мой телефон переместился к краю кухонного островка.

Блейк: Поднимайся сюда, как только моя мама ляжет спать.

Я застыла на месте. Серьезно? СМСка? Я дошла до четвертой ступеньки и струсила в третий раз. Может мне стоит снова принять душ.

— Никакого прогресса, прошлый раз ты дошла до пятой, — сообщила мне Грейс, скрестив на груди руки.

Я застонала.

— Просто иди.

Я снова застонала и помчалась вверх по лестнице. Если бы я остановилась, то повернула бы обратно. То же самое случилось наверху лестницы. Я проверила Пи, и еще дважды попыталась развернуться обратно.

— Уходишь? — спросил Блейк, стоя в дверях, когда я развернулась в пятый раз, чтобы сбежать.

— Э-э, нет. Я просто. Ничего.

Блейк отступил в сторону, и я вошла в его комнату, затаив дыхание. Неуютная тишина была почти болезненной. Блейк был в джинсах, без рубашки, без ботинок, и от него пахло восхитительно. У него была накаченная грудь с небольшим количеством волос. На животе не было кубиков, но без сомнения пресс рельефно выделялся, что было намного сексуальнее, чем новомодные шесть кубиков.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? — не очень любезно спросила я, разрывая громкую тишину.

Блейк рассмеялся и ухватился за молнию на своих джинсах.

— Что если ты для начала встанешь на колени?

— Ты имеешь в виду, засунуть твой пенис ко мне в рот? — ну, вообще-то я не этого ожидала. Я не знаю, почему. Я читала в журналах, что многим мужчинам нравится минет.

— Мы не обсуждаем минет. Большинство моих подружек просто встают на колени и делают это. Их не нужно направлять.

— Я не большинство твоих подружек. Я даже не одна из твоих девушек. Ты согласился, что некоторые вещи я буду делать, когда буду к этому готова. Это мой второй раз.

— Все хорошо, Макайла. Я не ожидал, что ты будешь это делать. Ни секунды. Мы вернемся к этому позже, когда ты будешь более комфортно чувствовать себя со своим телом, — предложил Блейк, освободив меня от необходимости делать это. Более комфортно с моим телом? Что, блин, это должно было значить? Хорошо, что он просто испытывал меня. Я не собиралась этого делать. Я повернула голову, и он поцеловал меня в шею, сократив дистанцию между нами.

Его эрекция давила на мой живот, в то время как его руки блуждали под моей кофтой.

— Мы не целуемся, — запротестовала я, когда Блейк потянул меня за волосы, чтобы я посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что таков наш договор. У тебя свои правила, у меня свои.

— Что я могу сделать, чтобы переиграть это? Я уберу все, что ты захочешь. Мы поторгуемся.

— Нет. Почему ты хочешь поцеловать меня? Я не хочу, чтобы это было интимным. Почему ты не можешь уже просто сделать это? — я почувствовала, как Блейк вздохнул, когда его губы вернулись к моей шее, и он сдался. Моя кофта была в его руках, а его губы — в ложбинке между моих грудей. Я закусила губу, когда он провел тыльной стороной пальцев по моей талии вниз к ширинке моих шорт.

Блейк не сдерживал стонов. Он был очень шумным. Как только он почувствовал, какой мокрой я была, его дыхание стало заметно громче. Я почувствовала слабость во всем теле, но не так, словно собиралась упасть в обморок, а как будто собиралась воспарить. Я отвечала на чувства, которые смущали меня. Мне хотелось этого, как наркотика, которым я никак не могла насытиться, но здравомыслящая часть моего мозга кричала мне не иметь дела с наркотиками с большим восклицательным знаком.

Избегать удовольствия было тяжело. Очень тяжело. Блейк творил чудеса своими пальцами, и я почти поддавалась раз за разом. Почти. Как бы сильно он не давил пальцами на мой пульсирующий клитор, сколько бы ни погружал пальцы в мою влажную киску, этого не произошло. Наконец Блейк сдался и потянул меня к кровати. Я осталась стоять в лифчике, когда он стянул мои шорты до щиколоток, и я вышла из них. Я увидела твердость Блейка, выпирающую с правой стороны его джинсов, прежде чем он спустил их на бедра, обнажая более чем готовую эрекцию.

— Подойди сюда и оседлай меня, — прохрипел он, откидываясь назад на локтях.

— Нет, я не могу этого сделать.

— Можешь. Иди сюда.

— Блейк. Просто сделай это также, как сделал в прошлый раз.

— Я заключу с тобой сделку. Я принесу Пи завтра подарок, что-нибудь особенное, и буду дома вечером, чтобы почитать ей сказку на ночь, если ты подойдешь ко мне и позволишь себя трахнуть.

Боже. Почему, блин, эти слова только что еще больше возбудили меня? Мать честная, это было сексуально. И почему я просто не могу это сделать? Почему я не могу сделать так, как писалось в Космо, откинуть голову назад и кричать от удовольствия, скользя вверх-вниз по его члену? Я смотрела, как Блейк раскатал презерватив вниз по своему жезлу, зная, что это произойдет.

— Подойди сюда, — приказал он, спокойно потянув меня, чтобы я села на него сверху, обхватив ногами его талию. Я закрыла лицо руками и перенесла свой вес на колени. О, Боже

мой. Как стыдно. Он схватил мои запястья своими сильными руками и отвел мои руки от лица.

— Я ненавижу тебя, — призналась я, наблюдая, как его взгляд скользнул по моему телу, пока он стягивал лямки моего лифчика с плеч.

— Сядь, — прошептал он моему освобожденному соску. Горячий озноб пробежал вниз по моему позвоночнику.

Я опять попыталась закрыть лицо руками, когда почувствовала, как его рука скользнула между нами. Но он не позволил мне. Я не знала, куда смотреть. Если бы я смотрела прямо перед собой, то видела бы в отражении стекла, как он гладит себя подо мной. Если бы смотрела вниз, то вынуждена была бы смотреть ему прямо в глаза. Что, черт возьми, я должна была делать?

Блейк приподнял бедра и дотронулся своим членом до моей трепещущей кисти. Держа одну руку на моем бедре, он притянул меня к себе, и я почувствовала, как головка его члена проникает в меня.

— Садись, — прошептал он снова, притягивая мои бедра к себе. Медленно я опустилась на его член, ощущая каждый сантиметр, скользящий в меня все глубже и глубже. Я не знала стоит ли смущаться от того, что на этот раз ему не понадобилась смазка, или нет. Он легко скользнул в меня и, поджав губы и зашипев, придержал меня. Если бы он не держал меня за бедра и не направлял мои движения, уверена, я бы просто сидела на нем.

— А-а-ах, Макайла, — простонал Блейк, вернувшись в сидячее положение. Его руки продолжали раскачивать меня, пока он дразнил и мучил меня своим языком везде, где мог дотянуться. За исключением моих губ. Я все еще отворачивалась от поцелуев. Это было достаточно плохо. Каждый раз, ловя себя на том, что двигаюсь без его помощи, я ругала себя. Эротические образы, отражавшиеся в стекле, тоже заставляли меня корить себя. Я старалась не выражать никаких эмоций, не показывать никакого удовольствия, я боролась с желанием расслабиться, отпустить все мысли и уткнуться сосками в его губы. Мысленно я говорила ему не останавливаться, но черта с два я произнесла бы это в слух.

— Кончи со мной, — взмолился Блейк, снова ложась на спину.

Его руки продолжали направлять меня, пока его взгляд следил, как наши тела соединялись воедино. Именно так моя мама называла это, когда объясняла мне про секс. Я всегда думала, что это романтично, но в настоящий момент — это было не совсем так. Блейк наблюдал за тем, как он скользил в меня и обратно.

— Я не могу, — заверила я его.

— Нет, можешь. Продолжай двигаться, — сказал он, поднимая свои бедра навстречу моим. Он двигал бедрами, раздвинув мои губы. Большим пальцем он обвел мой клитор, и перестал двигаться; я сделала то же самое. — Продолжай двигаться, — сказал он, толкаясь в меня снова. У меня не получалось делать так, как он, когда скользил в меня и обратно, но я продолжала двигаться, раскачиваясь взад-вперед на его члене. Наши тела врезались друг в друга, но я боялась сделать что-нибудь еще. Блейк снова стал работать над моим оргазмом и перестал двигать бедрами. Он старался, действительно старался. Просто я не могла. Ощущения были потрясающими, я чувствовала, что он все ближе и ближе, но я так и не достигла пика.

— Черт побери, Макайла. Кончай.

— Просто сделай это, Блейк. Я не могу.

Блейк воспринял это, как выход, и перевернул меня на спину. Я смерила его недобрым

взглядом, когда увернулась от его очередной попытки поцеловать меня. Он зарылся лицом в мою шею, ухватился руками за мою задницу и стал вколачиваться в меня быстрыми, неглубокими толчками, пока не издал самый эротичный и сексуальный звук, когда-либо слышанный мной. Он замер внутри меня и поцеловал меня в шею, а я ждала и ждала.

— Ты ведь не умер, правда? — наконец спросила я.

Он засмеялся и сдвинувшись, оперся на локоть.

— Думаю, да. Я в раю. — я нахмурилась и попыталась отодвинуться от него. Мой побег был остановлен еще до того, как я повернулась на бок. — Куда ты собралась? Тебе не обязательно уходить, — сказал Блейк, положив руку мне на живот. Я отодвинула ее и вскочила на ноги.

— Почему? Мы ведь закончили, так? — спросила я, натягивая через голову кофту, а затем вскакивая в шорты. Я пропустила нижнее белье. Просто хотела побыстрее обратиться подальше от Блейка.

— Ну, ты можешь остаться ненадолго со мной.

— Я не хочу. Я помню твоё обещание насчет Пи.

— Почему это для тебя так важно?

— Потому что. Что с ней будет, когда я уеду? Кто-то должен ее любить.

— Я люблю ее. И что ты имеешь в виду? Куда ты собираешься?

— Я не могу остаться здесь навсегда. Я бы хотела добавить в свое резюме нечто большее, чем няня тире секс рабыня.

— Перестань так говорить. Ты не секс рабыня. Никто тебя ни к чему не принуждает. Если бы ты была моей секс рабыней, то была бы привязана к моей кровати с кое-чем, вибрирующим в твоей киске.

Я покраснела при упоминании слова на букву К. Зачем ему нужно говорить такие вещи?

— Спокойной ночи, Блейк.

Я закрыла за собой дверь, но прежде услышала его ответ, сказанный с сарказмом.

— Ага, спокойной, Макайла.

Я не старалась создавать проблем. А чего, черт возьми, он ожидал? Он платил мне за секс. Мы занимались сексом. Блин, я не собиралась оставаться там и обниматься с ним, ради всего святого!

К полуночи я устала, как собака, и не могла больше вести машину. Я съехала с трассы на следующем же повороте и нашла дешевую гостиницу. Я воспользовалась своими настоящими документами и заплатила наличкой, а не кредитной картой. Положив Пи на королевских размеров кровать, я стянула с нее штанишки и носки. Она свернулась калачиком, и я накрыла ее одеялом. Боже, как я любила ее. Я собиралась по-быстрому принять душ, но из-за моих воспоминаний о Блейке и сексе я провела там чуть больше времени.

Не знаю, что произошло во время сна, но я проснулась отдохнувшей и с планом.

— Привет, соня, — улыбаясь, сказала я Пи.

— А я даже не знала, что мы приехали сюда.

— Потому что ты крепко спала. И ты должна перестать есть запеченные Твинкис. Ты становишься слишком тяжелой, — поддразнила я, пощекотав ее. Она захихикала и схватила

мою руку.

Пи показала на кривую линию, которая к концу становилась прямой.

— Что это? — мы об этом не говорили, но глядя вверх-вниз на рисунки чернилами на моей руке, мой внезапный план стал понятен.

— Пи, мы должны вернуться обратно, — печально объяснила я. Уверена, что я грустила больше, чем она. Еще и месяца не прошло, а я уже направлялась обратно. Какая неудача.

— Обратно в наш дом к Ларри и Кэнди и Бреду и Ким и —

— Да, Пи, но не в тот дом. Не думаю... Я еще не знаю.

— Мы собираемся воспользоваться позаимствованной машиной? Мне понравилось смотреть там фильмы.

— У тебя есть планшет. Я подумала, что может быть мы поедем на автобусе.

— Я никогда раньше не ездила в автобусе. Хорошо, — согласилась она, сползая с кровати и направляясь в ванную комнату.

Я провела по кривой линии, нарисованной на моей руке, и сделала глубокий вдох, когда мой палец скользнул по прямой ее части.

— А мой папа уже будет там? — спросила Пи, запрыгивая обратно ко мне под одеяло. Я прижала ее к себе и снова вздохнула.

— Мы собираемся помочь твоему папочке. Это единственный выход.

— Мы опять будем угонять машины и вламываться в домики?

— Мы не угоняли машину, мы оставим ее на автобусной станции и приклеим на руль записку с благодарностью за то, что они позволили нам ее одолжить.

— Ты знаешь, что мне исполнится пять?

— Да?

— Тебе не стоит больше обращаться со мной, как с ребенком. Мы угнали автомобиль.

— Замолчи. Давай выдвигаться. Как насчет подливы и печенья на завтрак?

— Оладьи.

— Ты всегда ешь оладьи. Оторвись немного, ладно?

— Мы только что угнали автомобиль. Разве я не пытаюсь оторваться?

— Верно подмечено, и мы не угоняли его. Мы его всего лишь одолжили. Пойдем.

К полудню мы с Пи были в автобусе фирмы Greyhound, направляясь домой, обратно туда, откуда убежали. Я была неудачницей, и как бы я не старалась, я не могла продолжать убежать. Это было нечестно по отношению к Пи, не таким образом. Мы не должны были оставаться в бегах.

Автобус был хороший; думаю, я ожидала увидеть что-то большее похожее на то, что видела по телевизору, типа школьного автобуса. Этот был совсем не таким. Мы сели напротив пожилой чернокожей женщины и ее внучки. Она везла ее обратно домой к маме в Кливленд, штат Огайо. Я была этому рада. Пи и ее внучка сидели друг напротив друга и играли. Стол, разделявший нас, очень пригодился двум скучающим маленьким девочкам. Мы лишились этой роскоши, когда двенадцать часов спустя пересели в другой автобус; мы заняли места в середине автобуса. Моя новая пожилая подруга остановила нас прежде, чем мы устремились назад, и объяснила это тем, что там плохо пахнет. Мы с ней сели с одной стороны, а девочки с другой стороны прохода. Миссис Портер была подготовлена к дороге. В ее сумке чего только не было, чтобы девочки могли играть до наступления темноты. Лишь тогда они утомонились, и я поменялась местами с Наташей.

Я сидела у окна и держала Пи на коленях, завернув ее в мягкое, пахнущее свежестью

одеяло, спасибо миссис Портер. Они с Наташей укрылись под одеялом побольше. Она была более продуманной, чем я. Я целовала голову Пи так часто, как вздыхала. Если бы только мы могли где-то спрятаться. Где-то, где я бы могла держать Пи в безопасности, пока пыталась сообразить, что делать.

— Ты расскажешь мне сказку? — спросила Пи, прижавшись к моей груди.

— Давным-давно жил-был принц, который хотел найти принцессу, но она должна была быть настоящей принцессой, — начала я.

— Это я.

— Да, это всегда ты, — улыбнулась я и снова поцеловала ее головку. Я крепко ее обняла, когда она просунула свои ручки между нашими телами и сонно вздохнула, улыбаясь и закрывая свои глазки. Я опять поцеловала ее и рассказала сказку до самого конца.

Я смотрела в окно в темноту ночи, пока Пи отдыхала в моих руках, мне очень хотелось, чтобы у меня была ручка. У меня она была, я всегда носила с собой ручку, но мне не хотелось двигать Пи. У меня было время, и я хотела, чтобы она была рядом. Ручка помогла бы, пока мои воспоминания вернулись к тому, как я попала в этот переплет.

Блейк сдержал слово и вернулся домой к семи с дешевой игрушечной обезьянкой, купленной им в аэропорту, после того, как он посадил свою маму на самолет. Он даже не смог заехать в магазин и купить ей что-нибудь особенное. Черт, он возможно вообще не покупал ее. Наверняка ее купила Грейс.

— И как долго ты ее выбирал? — сварливо спросила я, подвинув Пи ее еду. Она отодвинула тарелку и взяла обезьянку. Она ей понравилась.

— Я купил ее в аэропорту этим утром. Она напомнила мне об истории, которую я читал ей в один из вечеров. Речь шла о потерявшейся обезьянке.

Вот блин. Он говорил о Ларри и не о лифтере Ларри. Пи обожала эту книгу. Она каждый раз смеялась, когда я икала, когда читала ей этот рассказ.

— Прости. Просто сейчас тот самый период. Это было очень любезно с твоей стороны, — сказала я, сглаживая мое предыдущее грубое замечание. Парень все-таки старался.

— Тот самый?

Я засмеялась, так это единственное, что он услышал.

— Не прямо сейчас, но скоро. Вероятно, завтра или через пару дней.

— Но сегодня у нас все в силе?

— Три дня подряд. Это нормально?

— Черт возьми, да! Я двадцатишестилетний мужчина. А ты загадка, которая заводит меня.

Я покраснела и отвернулась. Мда, у Блейка был день рождения.

— Не такая уж я и загадка.

— Тогда расскажи мне что-нибудь о себе.

— Нет. Нечего рассказывать, и это не является частью нашей сделки. Ты посидишь с ней немного? Я собираюсь в душ. Если хочешь, можешь искупать ее, когда она доест яблочное пюре.

Блейк посмотрел на меня так, словно я предложила ему ограбить банк.

— Я не буду ее покупать.

— Она достаточно хорошо справляется сама. Просто позволь ей поиграть в ванне, а я потом приду и покажу, как помыть ей голову, чтобы весь город не услышал ее криков, — я не стала дожидаться ответа. Я пошла в душ, больше для себя. Боже. Он хотел сделать это снова? Я как-то читала, что большинство супружеских пар занимаются сексом в среднем от одного до трех раз в неделю. Каждую ночь? Клянусь, у парня была норма на все.

Я не знала, почему была такой напряженной, то ли из-за месячных, то ли из-за того, что весь день не слышала ни слова о Холдене или от него. Я целый день переживала, что Блейк в любую секунду ворвется в дверь, обвинит меня в том, что я использовала его, чтобы подобраться к Холдену, и вышвырнет меня на улицу к сутенерам. Но он не сказал мне ни слова, и я была уверена, что Холден ничего ему не рассказал. Может быть, он не знал. Нет. Он знал. Ох!

Глава двадцать первая

Я была уверена, что той ночью Блейк хотел, чтобы я умерла от стыда. И неважно сколько раз я отказывалась встать перед ним на четвереньки, он все же заставил меня это сделать.

— Завтра я опять приду домой пораньше. И снова куплю Пи подарок. Мне понравилось приносить ей подарки. Она действительно была в восторге от этого.

— Да, ну может мы поговорим о Пи, когда твои пальцы не будут находиться там внизу, — фыркнула я, стоя перед ним обнаженной.

— Скажи мне, что тебе нравится.

— Нет. Просто сделай это.

— А так нравится? — спросил он, прижимая три пальца к моему пульсирующему клитору и лаская его круговыми движениями.

— Нормально. — что, черт возьми, он хотел, чтобы я сказала? О, детка. Да, именно там...

И снова он сдался и получил наслаждение, а я нет. И опять я убралась подальше от него, как только все закончилось. Забавно, что я нервничала рядом с ним, когда была обнаженной, а он нервничал рядом со мной, когда был одет. Хм. Интересно.

Я не ожидала, что Блейк все еще будет дома, когда на следующее утро поднялась наверх, чтобы забрать Пи. Проходя по коридору, мы оба подняли глаза и вздрогнули. На Блейке были белые обтягивающие трусы-боксеры, а на мне — длинная футболка, которая едва прикрывала мою задницу. Он объяснил, что собирался встретиться за завтраком с Холденом, прежде чем отправиться в офис, а я сообщила ему, что в ближайшие три-четыре дня не смогу его обслуживать. Я изо всех сил старалась не смотреть на его обнаженную грудь и выпуклость в трусах.

— Что ж, до свидания, — сказала я, промывгнув мимо него. Мы оба дернулись, когда обернулись и поймали взгляды друг друга. Блин.

Я разбудила Пи, поцеловав ее веки, и она, улыбаясь, проснулась. Она всегда была такой счастливой. Прежде чем выйти с Пи из комнаты, я убедилась, что Блейк уже ушел. Я приготовила ей завтрак, пока она вертелась кругами на полу, намаывая его своим пузиком. По-настоящему. Она прикинулась шваброй, которой в гостинице трут до блеска коридоры. Когда убрали на нашем этаже, Пи села в дверях и смотрела на уборку, словно это было

цирковое представление. Маленькая глупышка.

Я не могла не думать о Холдене, который снова пришел сюда, только на этот раз мне не хотелось за ним шпионить. Зря я сделала это в прошлый раз. Теперь я находилась в подвешенном состоянии, гадая, о чем он думает, какие у него планы, и выкинут ли меня на улицу. Слишком рано. Блейк еще не втянулся. Он сразу же вернется к своим старым привычкам, если я ему позволю. Я не могла ее пока оставить. И почему я так сглупила?

В тот день я упаковывала наш обед, чтобы мы смогли провести вторую половину дня в нашем маленьком лесочке, когда услышала звонок домофона. Предположив, что это были Вероника или Мишель, с сообщением, что горничная поднимается к нам, я нажала кнопку.

— Да?

— Микки, Зазен просит тебя пообедать с ним в ресторане, — услышала я голос Ларри, — Микки?

— Э-э, зачем? Я не могу. У меня Пи.

— Тебе придется. Ты что, не слышала меня? Я сказал Зазен, как в ЗазенРизорт. Он является владельцем кровати, на которой ты спишь. Я присмотрю за Пи.

— Ларри. Я не могу встретиться с ним. Что он хочет?

— А мне-то откуда знать? Приведи Пи ко мне на стойку регистрации. Вероника связала для нее шарф, она хочет ей его подарить. — Пи стала талисманом этого отеля. Все знали, что она живет здесь, и видели ее время от времени, а теперь они встречались каждый день. Все по ней скучали, когда мы не совершали наших прогулок. Конечно же она производила впечатление на людей. Она была слишком хорошенькой, чтобы было иначе. Даже Блейк поддался влиянию ее маленькой личности. Просто он еще не совсем растаял. Блин. Что же ему нужно?

— Когда?

— Прямо сейчас, Микки.

— Сейчас?

О, Боже. Пи совсем не возражала. Она была рада поделиться своим обедом с Ларри. Черт. Черт. Черт. Пи несла свой обед в рюкзачке за плечами, и два фруктовых ролл-апа в руках, для нее и для Ларри. Я волновалась и, заламывая руки, считала этажи вплоть до второго этажа, где он меня ждал. Ой, нет. А что, если Блейк тоже там? Что, если все это подстроено? Что, если я больше никогда не увижу Пи снова? Что, если —

— Эй, можешь взять меня на лучки? — попросила Пи, когда на пятнадцатом этаже к нам в лифте присоединился мужчина в инвалидной коляске. Он напугал ее, и конечно же я взяла ее на руки и поцеловала ее щечки. Она все время смотрела на странного человека, передвигающегося на мотоколяске, а я не сводила глаз с нее. Я надеялась, что она не будет спрашивать, где его ноги, ну хотя бы не перед ним. Даже проведя свое детство в больнице, я не знала, что говорить в таких случаях. Некоторые улыбнутся и расскажут вам историю всей своей жизни, а другие — более ожесточены, как я. Они не хотят говорить о том, почему они должны умереть, или потерять ногу, или почку, или жить с калоприемником.

Пи сползла с моих рук, когда двери лифта открылись, и нас встретили Ларри и Вероника.

— Ты тоже собираешься есть? Я плинесла только два бутелблода, — объяснила она. Она выглядела печальной, когда наклонила свою головку, объясняя Веронике, что не знала о ее приходе.

— Все хорошо, Ларри сказал, что поделится со мной. Пойдем. Пока едим, будем

смотреть, как Мэтт расплющивает коробки.

— Ладно, Пи. Слушайся Веронику и Ларри, увидимся чуть позже, хорошо?

— Холошо, — с готовностью ответила она и потянула обоих своих сопровождающих за руки, ведя их к служебному лифту в конце коридора. Один раз она увидела, как большой станок расплющивает картон, и запомнила, как туда вернуться. Воображуля.

Лео пришлось подойти ко мне и поймать меня после того, как я три раза подходила к дверям и разворачивалась обратно. Фух. Что же ему нужно?

— Да войдешь ты уже туда? Он не сможет тебя убить. Я свидетель. Что, черт побери, ты натворила, что обеспечила себе встречу с Зазеном?

— А Блейк с ним?

— Нет, но лучше тебе поторопиться. Ты уже опоздала на пятнадцать минут, и он постоянно смотрит на часы.

— Я не могу. Пойдем со мной, — заныла я, когда он потащил меня в шикарную обеденную зону. Как только я переступила порог, я выпрямилась и разгладила свою юбку. Я не стала наряжаться, как в первый раз, когда столкнулась с ним, но я прекрасно понимала, что, если приду туда в шортах, это будет не самое лучшее начало. Моя длинная, струящаяся юбка в паре с симпатичным трикотажным топом отлично подходила для обеда, ну на мой взгляд, по крайней мере. А Холден в своем выпендрешном костюме может остаться при своем мнении.

— Могу я вам что-нибудь предложить, сэр? — спросил Лео у Холдена, пока отодвигал для меня стул. Барри Холден внимательно посмотрел на меня, прищурившись, и ответил Лео.

— Да. Принеси мне виски со льдом.

— Мне тоже, — сказала я, чувствуя, что он мне понадобится.

Лео ушел, а Барри Холден все еще продолжал, прищурившись, смотреть на меня. Я тоже смотрела на него, не зная, что сказать.

— Что ты хочешь? — наконец спросил он.

— Из еды? — спросила я с нервным смешком. Черт. Что, блин, должна была сказать? Что я хотела?

— И это тоже, — улыбнулся он. Я увидела ее. Я увидела, как уголки его губ приподнялись, и лицо его смягчилось, но лишь на долю секунды. — Почему ты здесь?

— Я присматриваю за Пи.

— За кем?

— Ой, за Лондон.

— Ты тут не поэтому. Это не случайность, что ты работаешь на генерального директора ЗазенРизотс. Ты хочешь денег?

— Вы серьезно? — спросила я, потянувшись к своему напитку. Я сделала глоток виски и нахмурилась.

— Могу я принести вам еще что-нибудь?

— Ну и гадость. Можешь принести мне то, что я пила вчера? — попросила я. Виски мне не понравился. Кто может пить эту хрень? Отстой. Мои внутренности горели, пытаюсь переварить этот яд.

— Если ты охотишься не за деньгами, тогда почему преследуешь меня?

— Я вас не преследую.

— И ты не сидела вчера в том баре и не шпионила за мной? — кивнул Холден.

— Нет. Ну, то есть, не совсем. Я не знаю. Я не знаю, что я тут делала, но клянусь, я этого не планировала.

— Ты лжешь. Ты знала, что Блейк работает на меня, не так ли?

— Ну да, только я не планировала оказаться здесь с ним.

— Это звучит бессмысленно. Твоя мать знает, что ты здесь?

— О, уверена, она знает.

— Как она?

— Я пришла к вам за помощью в тот день. А вы грубо со мной обоились.

— А чего ты ожидала? Ты пришла ко мне, словно ненавидела меня, как будто я разрушил твою жизнь, а я даже не знал о твоём существовании.

— Я не хотела срываться на вас. Я была в отчаянии.

— Ты хотела денег. Твоя мать послала тебя вымогать у меня деньги, и я разозлился. Кроме того, ты пришла в очень неудачный момент.

— Ага, я знаю. Вы открывали новый отель в центре Чикаго. Вы навредили многим людям, закрыв благотворительную столовую. Многие получали там горячую еду бесплатно.

— Я оплатил перенос этой столовой в другую часть города, подальше от моего отеля.

— И это все меняет, так что ли, мистер Холден?

— Зазен, — поправил он.

Не знаю, что произошло, но волна гнева накрыла меня, такого со мной раньше не было, и я больше не испытывала никакого страха. Он это серьезно? В самом деле?

— Должно быть, это здорово иметь возможность изменить свое имя на имя какого-нибудь успешного богача и забыть о действительно важных вещах. Люди, что с вами не так? Снимите шоры. Вам подобные делают эту страну такой мерзкой и злой.

— Ха, потому что закрыл бесплатную столовую для кучки нариков?

— Нет. Потому что вы закрыли столовую для таких людей, как я и моя мама. Для людей, у которых больше нет денег, — Я сделала большой глоток другого, более вкусного алкогольного напитка, — Вы перенесли столовую слишком далеко, и я не могла ходить туда за горячей едой для своей мамы.

— И ты ждешь, что я в это поверю? Я не очень хорошо знал твою маму, но, когда я встретил ее, ей было двадцать лет, она успешно училась в медучилище и играла на фортепьяно, получая хорошие чаевые. Я достаточно знаю твою маму, чтобы сказать, что она никогда бы не позволила своей дочери брать горячую еду из бесплатной столовой. Что с ней произошло, подседа на наркотики? Она же медсестра, так? На что она подседа, какие-нибудь таблетки?

Я пристально посмотрела на него, на его лице отражалось невежество. Я поняла, почему моя мама влюбилась в него. Он был красивым для чувака в возрасте, но мелкие морщинки в уголках его глаз для меня не были доказательством мудрости. Они больше походили на его абсолютную неосведомленность. Он был таким же как Блейк. В его глазах были только доллары.

— Знаете что? Вы правы. Я приехала сюда, ожидая чего-то от вас. Не знаю чего, но определенно не ваших денег. Я знала, кто такой Блейк с первого дня, как столкнулась с ним на тротуаре, и вы правы. Я действительно использовала его, чтобы подобраться к вам. Я просто не знаю зачем. Я была зла, и моей первой мыслью было прийти сюда и выстрелить вам прямо между глаз, — объяснила я оживленно, закрыв один глаз, щелкнув языком и дернув пальцем, словно спустила курок. Охренеть. Я с ума сошла. Он подумал тоже самое,

широко раскрыв глаза.

— А сейчас?

— Сейчас? Думаю, мне ничего от вас не нужно, но я не хочу, чтобы вы разрушили мою жизнь. Я счастлива здесь, и я сама зарабатываю себе на жизнь, заботясь о Пи. Если вы расскажете Блейку обо мне, он меня уволит. Он подумает, что я использую его, чтобы добраться до вас.

— Так и было.

— Больше нет.

— А что, если я хочу большего? Что, если я хочу узнать тебя получше?

Его слова застали меня врасплох и немного взбесили.

— Вам было наплевать на меня, когда я в пятнадцать лет обратилась к вам. Я сделала это не по собственному желанию. Я пришла к вам, потому что моя мама заставила меня.

— Это она тебя надоумила? Тебе нужны деньги на колледж или еще на что? Я могу помочь тебе получить стипендию. Я выдаю их каждый год.

— Как благородно с вашей стороны. Не нужна мне ваша стипендия. Мне от вас ничего не нужно. Просто давайте притворимся, что этой встречи никогда не было, и мы не знаем друг друга.

— Ты через столько прошла, чтобы сдатьсь. Где твоя мама?

Я покрутила бокал, смешав свой коктейль, поднесла его к губам и выпила залпом.

— Думаю, да. Желаю вам, мистер Холден, хорошей жизни. Возможно, однажды вы откроете глаза и увидите по-настоящему. До встречи. — я встала и ушла, а Холден отпустил меня.

Если Барри Холден и упоминал что-либо обо мне или нашем обеде, Блейк об этом так и не обмолвился. Только я подумала, что Блейк меняется, он доказал обратное. Он исчез, как только у меня начались месячные. Пять дней. Столько прошло до того момента, когда мы снова его увидели. Он вставал и уходил до того, как мы просыпались, и возвращался домой, после того, как мы засыпали. Пи даже начала подбегать к двери, когда он возвращался домой, и вот так, он полностью забыл о ней. По крайней мере, я знала, что он все еще был слеп. Тяжело избавиться от старых привычек, но не невозможно.

Я открыла глаза и посмотрела на Блейка. Мои руки были у меня над головой в очень странном положении, и я понятия не имела, что мои ноги могут так сильно гнуться. Но Пи заверила меня, что они смогут. Она сама согнула их так.

— Какого черта ты делаешь? — спросил Блейк, убрав резиновый дротик с моего лба.

— Я умерла, — сказала я, выхватив пулю Нерф из его руки. Я лизнула еерезиновую часть и прицепила обратно туда, куда Пи выстрелила, пристрелив меня, — Ты забыл, где живешь?

— Нет, просто подумал, что воспользуюсь ситуацией и поработаю. Вы закончили?

— Не двигаться, — приказала Пи. Я вскочила на ноги и быстро укрылась за ее спиной, шлепнувшись на задницу.

— Прикрой меня, Пи, — взмолилась я, убирая ее руку от меня и в то же время взглядом показывая Блейку, какой он глупый, — На твоём месте, я бы подняла руки вверх, — предупредила я.

Блейк нахмурился, и Пи выстрелила в него. Она не попала ему прямо между глаз, как я надеялась, но, по крайней мере, ублюдок был мертв.

— Он не застлеливается, — грустно сказала мне Пи, надув губки.

— Некоторые люди ничему не учатся. Тебе возможно придется выстрелить в него еще раз двадцать. Ладно, пойдем, ты отправляешься в тюремную ванну.

— О, Боже, я ненавижу тюльму, — заскулила она довольно убедительно. Можно подумать, что она была там уже сто раз. Я перекинула ее через плечо, и мое недовольство ее отцом пропало. Иногда она была такой смешной.

Глава двадцать вторая

— Я искупаю ее, — сказал Блейк, стоя в дверях.

Мне хотелось рявкнуть, что он такая задница, и спросить его зачем, но я уже знала ответ. Это я создала у него неверное впечатление, что все, что он должен делать, это просто уделить Пи несколько минут своего времени. Что, блин, со мной не так? Моя мама так гордилась бы мной. Я ничего не сказала, вышла из ванной и, обойдя его, свирепо посмотрела на него.

— Хорошо, валяй. Я спущусь вниз и побрею ноги.

— Я тоже побрею, — выкрикнула Пи из пузырьков пены.

Я оставила его с Пи. Как-никак, в этом же и заключалась главная цель, верно? Тем вечером я не стала сильно заботиться о своем внешнем виде, мне было плевать. Быстро прошлась бритвой по своим ногам и натянула баскетбольные шорты, вот и все, что он получил. Я собиралась сделать это по-быстрому и сразу же свалить, так быстро, как только получится.

Так я и сделала. Я собиралась проучить его. Если Блейку нужна была Снегурочка, он ее получит. Если он хоть на миг полагал, что проведет с Пи всего лишь час за последние пять дней, а я соглашусь на его сексуальные игры, то он явно сошел с ума.

— Ты могла бы, по крайней мере, притвориться, что тебе это хоть немного нравится, — сказал Блейк в мою напряженную шею. Я закатила глаза и отошла от него.

— Мы можем это сделать? — спросила я, сунув ему презерватив, пока выскользывала из своей футболки и шорт, — Мне не платят, чтобы я наслаждалась этим. Мне платят за то, чтобы ты получал удовольствие.

— Ну, а может мне это не так уж и нравится. Может нам стоит просто все прекратить.

— Ладно, — я пожала плечами, надевая футболку обратно через голову.

У меня глаза расширились от удивления, когда я обнаружила, что лежу на спине, а моя футболка стянута до локтей.

— Ты самая упрямая девушка, которую я когда-либо встречал в своей жизни. Позволь мне поцеловать тебя.

— Нет. Ты — тупица.

— А с тобой очень сложно справиться, еще хуже, чем с Пи. Я не знаю, что с тобой делать.

Я не улыбнулась его попытке поднять мне настроение. Возможно ему не стоило использовать Пи в своих интересах. Я вздохнула и перевела взгляд на светящиеся черные часы. 21:15. Если мне повезет, то к 21:40 я смогу убраться отсюда. Мне не очень хотелось этого, как в прошлые разы. Думаю, я была слишком зла, что он держался вдали от Пи целых пять дней. Блейк не принял мое отчуждение близко к сердцу, не то чтобы я ждала этого от него. Он изо всех сил старался доставить мне удовольствие, но ничего не помогало. Мне даже не удалось в этот раз стать мокрой, или ему не удалось сделать меня

такой. Я не была уверена, от кого это вообще зависело.

— Что не так?

— Серьезно? Ты собираешься спрашивать меня, что не так, когда мои ноги у меня над головой?

— Ну, мне обычно не нужно пользоваться чем-то с тобой.

— Да, возможно тебе стоит взять эту штуку. Мне немного неприятно.

— Ты невозможна.

— Я невозможна? Блейк, тебя не было пять дней. Отпусти мои ноги.

— Я приходил домой, — возразил он, опустив мои ноги, но все еще оставаясь похороненным во мне.

— Пи не знала, где ты был. Она спрашивала, где ты в течение трех дней, прежде чем перестала.

— Правда?

— Да. Почему ты не видишь, как она нуждается в тебе, как в отце? Да ей плевать на твои письма, если ты придешь домой, к ней.

— А я и прихожу домой к ней.

— Пожалуйста, сделай что-нибудь, чтобы он скользил легче, и давай покончим с этим.

— Я собираюсь заставить тебя кончить.

— Этим ты сейчас занимаешься? — ответила я, усмехнувшись.

Блейк резко выдохнул и достал тубик со смазкой. Внезапно, я перестала в ней нуждаться. Наблюдая, как он наносил ее и поглаживал себя, я сразу же стала мокрой. Он старался. Изо всех сил, в каждой позиции, на которую смог меня уговорить. Я позволила ему брать меня везде, где он хотел, кроме балкона. Я и в одежде не собиралась выходить туда, и уж точно не собиралась делать этого голой. Блейк уделил особое внимание моему клитору, и я была очень близка, но видимо недостаточно. Наконец, он сдался, когда я покачивалась вверх-вниз на его бедрах. Я замерла и позволила ему пережить волны экстаза, заставлявшие его дергаться подо мной.

Я отодвинулась от него, и он дернулся и застонал, когда его все еще чувствительная головка члена коснулась моего жаждущего бугорка. Возможно, это было нарочно.

— Я собираюсь прогуляться вниз в бар и выпить, — сказала я, напяливая шорты и футболку.

— Правда? Подожди. Ты ведь еще недостаточно взрослая для этого?

Я кивнула на натянутый презерватив

— Хм, но достаточно взрослая для этого? Со мной все будет хорошо.

— Ты не можешь выпивать внизу, Зазен взбесится. Я не заинтересован в замене всего персонала.

— Уверена, проблем не будет. Я может вообще туда не пойду. Я собираюсь просто прогуляться.

— Но ты ведь не выйдешь за пределы отеля?

— Нет, не выйду, — согласилась я, желая уйти. Нет, мне нужно было уйти. Я не знаю. Это было странно. Мне нужно было выбраться отсюда и подальше от Блейка. Я не стал дожидаться ответа. Я вышла, заглянула к Пи и спустилась по лестнице через две ступеньки за раз.

Я была не настолько глупа, поэтому передела свои баскетбольные шорты, хотя и выбрала джинсы. Я собрала свои сексуальные волосы в сексуальный пучок, большая их

часть ниспадала вокруг лица. Я не стала тратить время, чтобы поправить свою прическу, потому что она мне вроде как нравилась. Темные джинсы с красной трикотажной кофтой, ослепительный ремень и пара красных туфель на каблуках — достаточно нарядно. Если меня выставят оттуда из-за джинсов, я пойду куда-нибудь еще.

— Ты собираешься идти в этом? — спросил Блейк. Черт. И почему он должен так выглядеть в шортах?

— Я не могу пойти туда в таком же виде, как ты

— Почему ты хочешь спуститься туда? Оставайся здесь. Я приготовлю нам выпивку.

— Почему?

— Просто, я не думаю, что тебе стоит находиться в баре одной.

— В этом месте я уж точно не буду одинокой. Уверена, я знаю намного больше людей там, чем ты.

— Я в этом сомневаюсь.

Я знала, что выказывала ему свое недовольство, что моя мама ненавидела. Я знала, что вела себя, как избалованный подросток, но БОЖЕ МОЙ...

— Не знаю, по фиг. Увидимся завтра. Ты планируешь быть дома на этой неделе, или как?

— Ты уверена, что у тебя опять не будет месячных?

— Да, Блейк. Они закончились. Ты пропал на пять дней, вернулся домой и провел сорок пять минут с Пи, чтобы получить меня, но это все. Мои месячные. Ты такой умный. И почему я до этого не додумалась? Спасибо за это.

— Да, пожалуйста, — крикнул Блейк, когда дверь за мной закрылась.

Я ударилась головой о холодное стекло, что вырвало меня из шикарного ресторана обратно в сонный автобус.

Никогда бы не подумала, что сорока шести часовая поездка на автобусе будет такой утомительной. Но она была, особенно с Пи. Слава Богу, у нас была Наташа, зарядка для планшета и миссис Портер. Не уверена, была бы я все еще в себе, если бы не моя новая подруга.

Остановившись для пересадки в другой автобус в четвертый раз, я знала, что еще одна пересадка, и мы расстанемся с миссис Портер и Наташей. Нам с Пи оставалось еще пятнадцать часов пути от Кливленда, но я до сих пор не знала, что делать. Чего-то не хватало. Что-то просто не складывалось, но сколько бы раз я не прокручивала шаг за шагом, ничего не приходило в голову. Я сидела с Пи на коленях точно также, как предыдущей ночью, и продолжала вспоминать, пытаюсь определить место или время, или найти зацепку, или может что-то, что я пропустила ранее. Хоть что-нибудь, что поможет выбрать правильное направление, нужных людей, единственные, кому я точно могла доверять, не могли мне помочь. Они работали на Холдена или Райана. Мне было интересно, побывал ли он уже в нашем пентхаусе. Если да, то где были все наши вещи?

Около двух ночи я передвинула Пи на ее место и подсунула ее мягкую обезьянку ей под голову. Я посмотрела через проход на миссис Портер и Наташу, которые крепко спали, и вытащила из своего рюкзака ручку. Начав с кончика, я нарисовала прямую линию вверх по руке, а потом закруглила ее. Через несколько минут мои мысли вернулись обратно в отель, а

на руке родилось перо. В тот момент я задалась вопросом, сколько раз мне приходилось рисовать это перо на своей руке. Снова оглядев спящий автобус, я направила тусклый круглый светильник на кончик своей ручки.

Той ночью, когда я вошла в бар, там была толпа богачей. Даже в своих симпатичных джинсах и на каблуках я чувствовала себя не в своей тарелке. Я не была знакома с барменом. Отлично, выпивку мне здесь не достать. Не то чтобы она мне была нужна. Мне просто нужно было убраться подальше от Блейка, пока я не загремела в тюрьму за убийство. Я повертела головой и развернулась, чтобы уйти.

— Макайла?

Черт. Только не этот голос. Любой, но не этот.

— О, привет, Райан.

— Что ты здесь делаешь?

— Просто гуляю, а ты? — серьезно? Просто гуляю???? Боже мой. Мой выпендрож такой отстойный.

Он усмехнулся, блеснув ровным рядом белых зубов,

— У меня было свидание, но я уже собирался попрощаться. Сядь, я угощу тебя выпивкой, — предложил он, кивнув в сторону бара, — Налей ей выпить, Клейтон, — крикнул Райан и, улыбнувшись, оставил меня. Вечерний бармен, которого я еще не встречала, перестал обслуживать другого клиента и подошел ко мне. У Райана тоже здесь была власть.

— Что вам налить? — улыбнулся Клейтон.

— Ты хоть представляешь, кто я такая? — спросила я настолько серьезно и стервозно, насколько могла.

— Извините. Да. Да. Простите.

Я засмеялась.

— Я шучу. Просто всегда хотелось это сказать. — Клейтон не смеялся. Он посмотрел на меня, словно я была сумасшедшей. Лео засмеялся бы. Он приподнял брови, ожидая моего заказа. Мне было восемнадцать, только исполнилось. Я не знала, как заказывать выпивку. — Водку со льдом.

Я оглядела забитый людьми ресторан в поисках Райана, пока Клейтон нес мне мой заказ. Я надеялась, водка со льдом будет не такой противной, как виски. Фу. От одной мысли о нем у меня начинал гореть желудок. Я наблюдала, как Райан проводил девушку с ногами от ушей до двойных дверей, где поцеловал в щеку и попрощался.

— Спасибо, — сказала я, взяв свой неразбавленный напиток. Неразбавленный — звучало неплохо, верно? Просто так случилось, что я сделала первый глоток, когда Райан подошел ко мне, сначала у меня зажгло губы, потом язык, а потом горло. Думаю, мне даже зубы зажгло.

— Ты в порядке? Вот, запей этим.

В зеркальной стене за барной стойкой отразилось мое свекольно-красное лицо и огромные глаза. Святое дерьмо, как жгло. Гораздо хуже, чем виски, тот по крайней мере имел чуть сладковатый привкус. Эта дрянная водка была ядовитой. Я выпила пол бокала какого-то вина, вина Райана. Вкус спирта все еще ощущался, но стало намного лучше.

— Вот дерьмо. Спасибо.

Райан рассмеялся, снова сверкая зубами.

— Ты мне нравишься. Принеси ей бокал Королевского Грейди, — позвал он Клейтона, который опять бросил все свои дела, чтобы выслужиться перед Райаном. Королевский Грейди стал моим новым любимым напитком. Чуть сладковатый, со вкусом кислых ягод и алкоголя, и небольшим привкусом фруктов. В тот момент я решила, что предпочитаю вино, и больше никогда не буду пить ничего со льдом. Почему до меня сразу не дошло, что со льдом означает неразбавленный алкоголь, я не понимаю. Я знала об этом. Любой, кто смотрит телевизор, знает это.

— Давай сядем за столик, — предложил Райан, взяв меня за локоть. Я соскользнула с высокого барного стула и довольно неплохо прошла на неустойчивых высоких каблуках. Не думаю, что кто-либо заметил, как я слегка оступилась. Мне стоило оставаться девчонкой-сорванцом. Я ненавидела каблуки.

— А почему этот угол пуст, когда весь остальной ресторан полон народу?

— Это закрытая зона. Мы держим эти столики свободными для важных людей.

— Например для кого? — спросила я, скользнув в кабинку. Я не сказала Райану, но это был любимый столик Пи. Круглое сиденье было ассиметричной формы и делилось небольшим проходом посередине. Она бегала по нему с одного конца в другой, перепрыгивая через этот проход.

— Для тебя, — улыбнулся он. Вот дерьмо, Райан подкатывал ко мне. Блейк побагровеет от ярости.

— Ну, я ела куриные палочки за этим самым столиком пару раз.

— Что, прости?

— Мы с Пи приходим сюда пару раз в неделю пообедать. Ей нравится этот столик из-за этого прохода, — объяснила я, обведя пальцем вокруг стола.

— Почему ты зовешь ее Пи?

— Потому что терпеть не могу имя Лондон. Ты когда-нибудь слышал сказку о Принцессе на горошине?

— Было дело. Расскажи мне о себе, почему ты работаешь няней? Ты такая красивая.

— Я думала, ты сказал, что слышал эту сказку? — спросила я его через стол.

— Прости?

— Ничего. Я не знаю, это казалось правильным на тот момент.

— А что насчет остальной твоей жизни? Чем займешься после этого?

— Я еще не знаю. У меня есть время.

Это было так же увлекательно, как и все разговоры той ночью. Краем глаза Райан заметил красивую блондинку, которую он очевидно знал. Он сразу перестал интересоваться мной, чем я займусь в будущем или что делала раньше. Все, что его интересовало, это возможность продолжения ночи. Это читалось в его глазах, пока он провожал меня к выходу. Он поднял руку и жестом показал той девушке, чтобы она подождала его, и надел свой пиджак. Остановившись у бара, Райан кинул свою кредитную карту на стойку.

— Мы повторим это как-нибудь, — улыбнулся он.

— Да, конечно.

— За мисс Карли уже оплачено, — улыбнулся Клейтон, заискивая перед Райаном. Да, ладно!

— Кем? — надо ж было мне спросить. Не могла держать свой болтливый рот на

замке. Райану было наплевать, кто оплатил мою выпивку, он лишь хотел уйти отсюда к той блондинке.

— Вашим счетом.

— У меня нет счета. Здесь я сама за себя плачу. Вот. Я заплачу за свою выпивку.

— Я оплачу напитки. Просто запиши их на мою карту, — приказал Райан раздраженно.

— Да, сэр. Я запишу их на счет.

— Какой счет? Почему ты продолжаешь говорить о счете? Это ведь не какой-нибудь кабак. Мы не открываем счета, — сообщил Райан бармену-подхалиму.

— Приказ самого Зазена, — трусливо ответил Клейтон, поспешив смыться.

Мои брови взметнулись вверх в то время, как он нахмурился.

— О чем он говорит?

— Понятия не имею, — я пожала плечами. Черт. Черт. Черт.

— Вот, возьмите, сэр. Спасибо за то, что провели свой вечер у Зазена, — сказал Клейтон, бросив кредитную карту на стойку и вернувшись к работе. Он не заботился о том, что он только что сделал. Он даже не знал, что он только что сделал. Единственное, что его волновало, это шумные клиенты в баре, ожидающие, когда их обслужат.

— Ты знакома с Зазеном?

— Нет, лично нет. То есть, я знаю, что он владеет сетью мест, подобных этому.

— Откуда ты родом?

— Чикаго.

— Тебя сюда Блейк привез? Оттуда?

— Это Блейк сказал?

— Это не ответ на мой вопрос.

— Как и это. Мне пора идти. Спасибо за выпивку. — как только я вышла за дверь, я закрыла лицо руками. Великолепно. Райан расскажет об этом Блейку, и Блейк подумает, что я использовала его и Пи, чтобы подобраться к Барри Холдену, или Зазену, или как там его на хрен зовут. Я никогда не стану называть его Зазеном. Смена имени не позволит забыть, каким отвратительным человеком ты являешься.

Весь следующий день я переживала, ожидая возвращения Блейка домой. Я стану алкоголичкой, если буду продолжать это. А потом я получила СМС сообщение. Вот тогда я решила, что мне нужно успокоительное. Ему не нужно было представляться в конце сообщения. Я знала, кто был этот незнакомец.

Поужинаешь со мной сегодня вечером? О, это Райан.

Мне пришлось сказать "да". Если бы я перестала верить его словам, то дело дошло бы до успокоительных лекарств. И все потому, что я занималась сексом с Блейком ради Пи. Я согласилась, но сообщила ему, что это зависит от того, когда Блейк вернется домой.

Блейк вернулся домой слишком рано. Я не ждала его раньше семи. А тут еще и пяти не было.

Он принес Пи три герберы разных цветов. Она не была бы такой счастливой, даже если бы это был пони. Это был самый милый его поступок, который я видела, чтобы он совершил. Он даже помог ей поставить цветы в дорожную вазу. Я попыталась сказать ему, чтобы они воспользовались пластмассовой кружкой, но он заверил меня, что он не переживал на счет вазы. Ему пришлось поднять Пи несколько раз, чтобы она понюхала цветы.

Блейк поставил ее на пол и пролистал почту на телефоне.

— Это тоже мой подолок? — спросила Пи, подняв вверх — О БОЖЕ!

— Нет. Отдай это мне. Это для взрослых.

— Для чего? — она хотела знать. Я впервые видела лицо Блейка таким красным, а я побледнела.

— Я тебе никогда не скажу.

— Пи, детка. Можешь нарисовать мне картинку, чтобы повесить на холодильник? — спросила я, сняв с огня кастрюлю с кипящей водой. Пи убежала, и я повернулась к Блейку.

— Я — это было. Вау. Отстой, — фыркнул он. Я скрестила руки на груди и упивалась его позором. — Это для тебя. То есть, я хотел посмотреть, может он поможет.

— Ты купил мне вибратор?

— Да. Я хочу, чтобы ты кончила.

— Ты превратил это в игру. Ты заинтересован лишь в том, чтобы поставить свое эго на пьедестал.

— Нет. Это не так. Я хочу, чтобы ты испытала это, — сказал Блейк, делая шаг ко мне. Я отступила назад, но уперлась в столешницу. Мне был знаком этот взгляд, — Я хочу, чтобы ты почувствовала трепет между ног. Хочу, чтобы мой член утонул в соках твоей киски. — у меня перехватывало дыхание по мере того, как он приближался. Я даже опустила руки и ухватилась за столешницу, нуждаясь в поддержке, — Я хочу, чтобы ты стала невероятно чувствительной везде, где я прикоснусь к тебе. Хочу, чтобы вся твоя чувственность отозвалась, когда я буду ласкать твой жаждущий бутон. Хочу видеть выражение твоего лица, когда тебя накроет восхитительный по ощущениям оргазм, которого ты никогда не испытывала раньше. Хочу почувствовать, как ты сжимаешься вокруг моего члена, и наблюдать, как ты поймаешь волну и окажешься на самом пике наслаждения. — с каждым его словом, произнесенным хриплым голосом, мое дыхание становилось все более прерывистым. Думаю, мы почти поцеловались, я была в полном трансе.

— Эй, это мой Микки, — прервала нас Пи, встав между нами. Я улыбнулась в ответ на ее ревность и взяла ее на руки. — Хочешь слона? — спросила она, смяв страницы альбома, пока неуклюже пыталась их перевернуть.

— Да. Слон превосходно подойдет.

За ужином Блейк понял, что что-то случилось. Но он вел себя нормально, ничего подозрительного. Стал бы он молчать, если бы Райан рассказал ему о прошлом вечере? Черт. Я должна была сказать ему, что собираюсь пойти на свидание с его правой рукой. Ему это не понравится. Может я смогу сделать это и не говорить ему. Я просто скажу, что собираюсь спуститься в бар.

— Что с тобой?

— Ничего. А что? — спросила я, и в ту же секунду мой телефон завибрировал на кухне. Я прочитала сообщение, отправила ответ, что восемь вечера будет нормально и снова села.

— Кто это был?

— Райан.

— Какой Райан?

— Э-э. Думаю, я не знаю.

— Ты не знаешь?

Я просто решила выложить ему все как есть, это было лучшим выходом.

— Нет, но ты должен знать. Он работает на тебя.

— Ты встречаешься со служащим? В каком отделе он работает?

— Хозяйственном, — вырвалось у меня. Я даже не думала об этом. Это не было абсолютной ложью. Его звали Райан, и он возможно занимался каким-нибудь обслуживанием. Блейк, должно быть, не догадался.

— У тебя свидание с парнем, который натирает полы?

— Чали натирает полы вот так, — сказала Пи, пытаясь соскользнуть со своего стула.

— Нет, сиди. Покажешь ему после того, как доешь свой горюх.

— Нет, мой животик наелся.

— Неправда. Ты не притронулась к лапше. Смотри, вот грибочек.

— Где? — спросила Пи, выискивая в лапше грибы, которые она возможно пропустила. Я перекинула ей парочку грибов со своей тарелки, отвлекая ее тем самым от Чарли, который натирал полы до блеска.

Глава двадцать третья

Миссис Портер пыталась уговорить меня переночевать у них, но я не согласилась. Кливленд был достаточно близко к Нью-Йорку, и я не хотела, чтобы нас кто-нибудь узнал. Мы обнялись во время последней пересадки и расстались друзьями. Я была счастлива познакомиться с ней и ее внучкой, они были особенными, и я никогда не забуду эту поездку с ними в автобусе. Я так прямо и не призналась миссис Портер, что была в бегах, но то, как она обняла меня на прощание, сказало мне, что она знала.

Она обняла меня достаточно крепко, заставив крикнуть.

— Езжайте в Колорадо. Там горы. Они никогда не найдут тебя там.

Я рассмеялась и поблагодарила ее за совет.

— Ну что ж, мы опять остались вдвоем, малышка, — сказала я, взъерошив волосы Пи.

— Чепуха.

— Эй! — сказала я, обнимая ее. — Ты пытаешься мне что-то сказать? А? — поддразнила я, пощекотав ее шейку.

— Давай купим мороженое.

Я огляделась и решила, что здесь мы этого делать не будем, но у нас было четыре часа до пересадки. Я была уверена, что мы сможем найти мороженое.

Чем ближе мы подъезжали к Нью-Йорку, тем больше мои внутренности сжимались. Мне нужен был план, даже более того. Мне нужна была помощь; кто-то, кому бы я могла доверять, но кто? Я не знала ни души, кто бы не застрелил собственную бабушку ради денег. Один перережет горло другому за секунду. И мне. Никому из них не нужна была ни я, ни Пи. Все было ради денег.

Я уперлась ногами в сиденье напротив и заглянула в планшет Пи, на котором она смотрела мультяшного героя. Она улыбнулась мне, и мы стукнулись головами. У меня возникло очень сильное желание схватить ручку и нарисовать на руке знак доллара. Еще семь часов в автобусе уже больше не казались такими долгими. Черт возьми, как я должна что-либо сделать, имея на руках четырехлетнего ребенка? Я никуда не могла прокрасться с ней тайком, ни в одно из мест, где нас вообще не должно быть. Я задавалась вопросом, сидел ли кто у нас на хвосте, или они отправились в погоню по нашему следу в Вегас. Я гадала, догадались ли они, что я пустила им пыль в глаза, или это они ввели меня в заблуждение? Я

обнаружила, что пялюсь в окно автобуса в поисках подозрительной машины. Ничего такого не было. Я вздохнула и унеслась обратно в прошлое в поисках чего-то, что я по ходу дела упустила.

Признаюсь, что я надела обтягивающее черное вечернее платье и распустила волосы больше для Блейка, чем для Райана. Конечно же все закончилось полной неразберихой. Блейк подумал, что я выглядела так, чтобы заставить его ревновать, что, как я заверила его, было далеко от правды. Я бы никогда не встретила Райана в тот первый вечер, если бы следила за своим языком. Я знала, что он замыслил что-то против меня. Я просто не знала, что.

Это была довольно странная встреча. Перекинувшись парой слов с Блейком, я встретила Райана в стильном вестибюле. Он выглядел очень привлекательно, на нем были джинсы, коричневые кожаные ботинки и блейзер. Когда я приблизилась к нему, мы улыбнулись друг другу.

— Ты выглядишь великолепно. Я заказал столик в Challos.

— Ладно, хорошо, — сказала я, будто знала, о чем говорю. Я постаралась скрыть волнение, когда он открыл передо мной дверь черного Porsche. Внутренняя отделка автомобиля была похожа на автомобиль, на котором мы с мамой однажды катались. За день до этого я получила водительские права и рассказывала маме, как собираюсь купить черный спортивный кабриолет. Моя мама притворилась перед начальником медсестер, что у нее неотложный вызов, плача, что ее машина в гараже. Он достал из своего кармана ключи и передал ей. Это был замечательный день. Моя мама вернулась на работу и чувствовала себя хорошо. Никогда не забуду, как она выглядела, когда я спускалась по тем бетонным ступеням библиотеки.

— Что ты делаешь? Ты ее угнала? — спросила я, проведя пальцем по золотой эмблеме Porsche. Тот автомобиль был классным.

— На день. Вот, держи, — сказала она, предлагая мне ключи.

Я поймала ключи налету.

— Ты с ума сошла?

— Да, и хочу, чтобы ты тоже побыла немного сумасшедшей. Обещай мне, что всегда будешь слегка сумасшедшей и никогда не будешь воспринимать жизнь слишком серьезно. — я ненавидела, когда она говорила подобные вещи. Это всегда было похоже на то, будто она давала мне невидимые подсказки, как бы она хотела, чтобы я прожила свою жизнь. Ее советы никогда не были похожи на те, которые Блейк дал бы Пи. Моя мама никогда бы не сказала мне работать тысячу часов в неделю, чтобы купить больше вещей. Она говорила мне такое: «Будь сумасшедшей...»

— Мам, этот автомобиль с механической коробкой передач. Я не умею управлять механикой. Не говоря уже о том, что он дорогой. Где ты его взяла?

Разумеется, я проехала на своем первом автомобиле с механической коробкой, и он выглядел в точности как этот. Я попыталась рассказать эту историю Райану, но остановилась, когда поняла, что она кажется забавной больше мне, чем Райану.

— Я никогда не позволю девушке сесть за руль этой машины, — заверил меня Райан.

Тем вечером я сплела еще пару паутин из безобидной лжи. Я волновалась о том, что

Райан обнаружит, что Барри Холден мой отец. Я переживала о том, что Блейк узнает, что я была с Райаном. Мне захотелось принять успокоительное при мысли о том, что Блейк выяснит, что я использовала его, чтобы добраться до Холдена. Какого рожна я вообще связалась во все это?

Если Райан и знал что-либо, он этого не показывал. Все свидание было странным, ресторан, который мы посетили был прекрасным, и я потерялась в фортепианной музыке. Я была в восторге и даже не возражала, что Райан провел половину ужина, занимаясь тем же, чем и Блейк, набирая сообщения, принимая звонки и отправляя электронные письма. Пианист был великолепен. До того самого момента я и не подозревала, как сильно скучала по музыке.

— Ты любишь фортепиано? — спросил Райан отрешенно, подняв глаза от своего телефона.

— Да. Моя мама играла в Чикагском Симфоническом Оркестре.

— Правда? Здорово. А где она сейчас?

— Умерла от рака.

— О, я сожалею.

Это и был весь разговор. Я впервые сказала об этом и из всех людей именно Райану. Я снова вернула свое внимание к прекрасным звукам, когда он вернулся к своему телефону. Должно быть, это музыка, вот почему я это лягнула. Хотя, в основном я чувствовала себя одиноко, я получила удовольствие от вечера. Я наслаждалась звуками фортепиано и вкусом своего нового любимого вина. Еда была нормальной, но опять же, я только что поела лапшу с Пи. Может, я просто не была голодной. Я больше была настроена на музыку, чем на еду; она была потрясающей. Моя мама была бы поражена. Манера игры молодого человека очень походила на ее стиль. Его глаза оставались закрытыми, и его тело беззаботно качалось на волнах эмоций. Он чувствовал музыку. Он ощущал ее. Поглощал с жадностью. Также играла и моя мама. Словно я была единственной, для кого она играла.

Это заставило меня заинтересоваться пианино Августа Фёрстера, которое находилось в доме Блейка. Почему он не играл на нем?

— Так где ты встретила Блейка?

— В Крейглисте, — понятия не имею, почему я сказала это. Зачем я это сказала? Думаю, он застал меня врасплох, потерянной в волнах ностальгических нот, которые я давно не слышала. К счастью, Райан рассмеялся. Слава Богу. (Крейглист — сайт электронных объявлений, пользующийся большой популярностью у американских пользователей Интернета. Крейглист возник в городе Сан-Франциско, США в 1995 году когда интернет получил более широкое распространение среди населения. Прим. пер.)

Я посмотрела на экран своего телефона в то же время, когда Райан посмотрел на свой.

Блейк: Развлекаешься? А он знает, сколько тебе лет? Может тебе следует сказать ему об этом. А может я должен сказать ему об этом. Ах да, я забыл, ты ведь никому ничего не рассказываешь. Твоя жизнь не должна никого волновать. Ты скоро вернешься домой? У меня есть новая игрушка, которую я хочу опробовать на тебе.

Я: Ты идиот. Вырасти. И ты ничего не будешь на мне пробовать. Секс. И больше ничего.

— Ну, спасибо за ужин, — сказала я Райану, когда он подъехал к центральному входу в отель.

— Не за что. Я хорошо провел время. Нам нужно это повторить как-нибудь.

— Да, конечно, увидимся, — сказала я, безумно надеясь, что он не предложит этого снова. Он почти не разговаривал со мной. — Эй, ты не против не говорить Блейку об ужине? — добавила я.

Райан наклонился и поцеловал меня в щеку.

— Не волнуйся. Все твои секреты умрут со мной, — прошептал он мне на ухо прежде чем еще раз нежно поцеловать.

Здорово.

Я отказалась от сопровождения Джеймса в пентхаус. Я не знала Джеймса, потому что никогда не спускалась вниз одна в такое время. Но не поэтому я не хотела, чтобы он меня проводил. Мне нужны были пятьдесят семь этажей, чтобы привести свои мысли в порядок. Боже. Что только что произошло?

Когда я вошла, Блейк сидел на стуле перед фортепиано, но спиной к нему. Он нервно дергал коленом вверх-вниз, а потом вскочил на ноги, чтобы встретить меня.

— Почему тебе захотелось пойти с кем-то на свидание? Ты его поцеловала?

— Что? Именно ты не хотел моногамии между нами. Или это было в одностороннем порядке? Ты имел в виду меня, так, Блейк? Я не могу быть ни с кем, только с тобой. Что ж, очень плохо, что ты не записал это. Прости. Твое правило, не мое.

— Ты поцеловала его?

— Технически нет. Он поцеловал меня.

— Ты поцеловала его в ответ.

— И что с того? Я не говорила, что не буду никого целовать, речь шла только о тебе. У меня нет делового соглашения с Райаном. — какого хрена я не воспользовалась другим именем? Ох!

— Ладно, по фиг. Я устал. Мы можем покончить с этим?

Я выскользнула из туфель и оставила их у лестницы. Поднявшись на нижнюю ступеньку, я поравнялась с ним ростом и приблизилась к губам.

— Ага, давай покончим с этим. — его веки задрожали, и он облизал свои губы. Я слегка выдохнула у его губ и усмехнулась, позволяя ему понять, каким дурачком он был. Я не собиралась целовать его. Особенно не собиралась делать этого сейчас. Покончим с этим? Ему не нужно было терпеть все это. Я была не против уйти в свою комнату. Я развернулась и потянула свое платье вверх на бедра и сняла через голову, поднимаясь по ступенькам и качая бедрами. Стринги тоже были для Блейка, но я не собиралась ему это говорить. Немного ревности не помешало бы. Может это поможет ему спуститься с небес на землю.

Я продолжила свой небольшой фарс в спальне. Я выскользнула из трусиков сразу, как вошла, покачивая бедрами и сбрасывая тонкую полоску материи со своей попки. Я повернулась к нему и уронила свой лифчик на пол. Я вытащила заколку из волос и потрясла головой, позволяя им рассыпаться по плечам. Блейку нравилось, когда мои волосы были распущенны. Он пялился на меня чаще, когда я была с распущенными волосами.

— Как тебе нравится? — спросила я и снова соблазнительно потрясла своими волосами. Я отвернулась как раз в тот момент, когда его губы почти встретились с моими. Край комода впился мне в поясницу, в то время как его губы пожирали мою шею, а его руки — все мое тело. Прерывистое дыхание вторило моему громкому сердцебиению, и это снова случилось. Я чувствовала себя подобно перышку, в животе запорхали бабочки, а

пульсация между ног стала непредсказуемой.

Полагая, что Блейк потянулся за презервативом, я позволила себе потеряться в нем и в своих ощущениях, которые дарили мне его руки. Я была уверена, что мне не понадобится никакая помощь, и я бы не удивилась, что уже истекала влагой, настолько возбужденной я была. Блейк думал, что я не чувствовала того, что он описывал мне ранее, но это не так. Каждый раз, когда Блейк прикасался ко мне, я чувствовала это.

Я была невероятно чувствительна везде, где его руки касались меня. Особенно остро это чувствовал мой трепещущий клитор, но были и другие места. Намного больше, чем описывал Блейк. Чувственная химия обволакивала меня, словно наркотик. Это было настолько потрясающе, я хотела этого так же сильно, как и не хотела. Мои ладони всегда становились липкими от пота, а живот заметно подрагивал под его прикосновениями, во рту все пересыхало, и я парила с закрытыми глазами, опьяненная полнейшей похотью.

— Аааа! — пронзительный визг сорвался с моих губ, и мои бедра дернулись от вибрации. Я ощутила только легкое прикосновение к моей киске. Я закричала раньше, чем почувствовала его еще где-либо. — Ты, идиот. Я думала, ты доставал презерватив, — упрекнула я, пытаясь отодвинуться. Я знала, что он открыл ящик, но не для этого.

— Тсс, просто расслабься, — уговаривал он меня, снова направляя розовый вибратор к моей киске. Он просунул колено мне между ног, а его торс прижимал меня к комоду, чтобы я не смогла отодвинуться. Выступающий край комода впивался мне в спину и не давал возможности отодвинуться назад, пока я снова не почувствовала жужжание между ног.

— Отпусти меня, — потребовала я, почувствовав, как он еще шире раздвигает мои ноги. О, Боже. О, бя. Вибрация, скользящая вверх-вниз по моей мокрой киске, удерживала меня на месте. Я чувствовала, как скопившееся вокруг моего клитора напряжение, о котором говорил Блейк, вот-вот взорвется.

— Скажи мне, что тебе это не нравится, Макайла. Ты хочешь этого. Ты знаешь, что хочешь этого. Не так ли, Макайла? — я не знала, откуда взялся этот Блейк, но была уверена, что уловила нотки гнева. И у меня было такое чувство, что Райан был первопричиной этого. Я не хотела задумываться о том, что было бы, если он узнал, что это был его Райан. Я не ответила только потому, что не смогла. Что-то не поддающееся описанию сорвалось с моих губ, что-то между стоном и всхлипом. О, Боже. Я чуть не упала на пол.

Блейк развернул меня, и я отвернула голову. Какого черта? Этот парень не понимает намеков. Я не собиралась целоваться с ним. Блин. он был еще упрямее меня. Его губы плотно сжали мой сосок, когда я упала на кровать. Я закрыла лицо руками, когда он раздвинул мои ноги еще шире, удерживая их в таком положении рукой, он провел этим высокоэффективным маленьким устройством вверх-вниз по моей киске, обращая особое внимание на мой возбужденный бутон. Возбуждение не было проблемой, проблема была в том, чтобы заставить меня взорваться. Я хотела этого, хотела так сильно, но этого просто не произошло. Словно качели, оно зависло в воздухе, не поднимаясь выше и не опускаясь, пока Блейк наконец не остановился. Обостренное восприятие было прервано внезапной остановкой вибрирующего жужжания.

— Я не понимаю. Что это? Что я делаю не так?

— Боже мой. Мы не будем это обсуждать, — сказала я, пытаясь сжать ноги. Блейк не позволил мне. Он держал их раскрытыми, пока раскатывал презерватив.

— Это естественная часть жизни человека. Ты не делаешь ничего такого, чем бы уже

не занимался остальной мир. Давай, Макайла. Наслаждайся этим, — умолял Блейк, когда притянул мои бедра к своим и встал на колени. Он ничего не знал. Не все девушки были похожи на тех, кого он приводил домой. Я не получала удовольствия от секса, хотя, должна сказать, мне возможно нравилось, как он делал это. Мне нравилось, как он притягивал меня к себе и входил в меня. По какой-то причине ему нравилась эта поза. Я думаю, потому что он мог наблюдать. Похоть на его лице, когда он находился между моих ног и наблюдал, перемешивалась с таким же желанием, отражавшимся на моем лице. Блейк опять старался изо всех сил. Он использовал вибрирующую игрушку, толкаясь в меня и обратно, и я снова оказалась на качели. Ох! Может мне нужно было попрактиковаться. Я поняла, что он сдался, когда, схватив меня за бедра, начал очень энергично трахать меня. Блейк всегда увеличивал скорость и напор прямо перед тем, как собирался кончить.

На этот раз все было по-другому. Я лежала там, распростертая на кровати, и, нахмурившись, наблюдала, как он выскользнул из меня и стянул презерватив. Я даже не смогла возразить. Блейк навис надо мной, потянув меня на середину кровати. Мои руки сами по себе легли ему на спину, когда он застонал. Я тоже почувствовала это, или что-то. Я не знаю, было ли это потому что я была очень близка, или потому что сейчас я ощущала разницу. Блейк медленно двигался, скользя в меня и обратно, пока наши обнаженные тела сливались в одно. Я возможно не знала этого тогда, и возможно не получила оргазма, но я на сто процентов уверена, что это был первый раз, когда я занималась любовью.

Взгляд Блейка был все время прикован к моему, а его губы нависли над моими. Я чувствовала каждый эротичный вдох.

— Я знал, что ты будешь такой, — прошептал он мне в губы, но не попытался поцеловать, и, конечно же, я не ответила. Я точно знала, о чем он говорил. Он это тоже чувствовал. Он должен был. Не так ли?

Блейк не вел себя так, как я ожидала. Он не ускорил темп, как обычно делал это, потому что боялся кончить в меня. Часть меня хотела возразить, но большая часть не позволила. Я не боялась забеременеть, доктор, который обследовал меня, сделал мне укол. Я не собиралась рисковать. Меня волновало только то, где еще побывал его пенис. Блейк перенес свой вес, опираясь на правую руку, и вышел из меня. Он гладил себя, глядя мне в глаза, и застонал, когда первая струя его семени брызнула мне на живот. Затем последовали еще две, и моя глупая, глупая рука скользнула между нами. Мои пальцы окунулись в его сперму и погладили мой набухший клитор. Удивление на лице Блейка вернуло меня на землю. Я одернула руку, осознавая, что только что сделала. Отстой. Это было не эротично. Или не было?

В этот момент я ненавидела свою маму. Мне нужно было позвонить ей. Она была и такой мамой тоже. Я бы точно позвонила ей и спросила про всю эту фигню с сексом. Она никогда ничего не скрывала от меня, и я уверена, что я делала бы то же самое. Даже тогда, когда я нашла ее волшебную палочку и спросила ее, что это. Она рассказала мне. Что это волшебная палочка, и иногда у девочек есть потребности. Думаю, я была того же возраста, как Пи. Это был весь ответ, необходимый мне в том возрасте, но это не было какой-то тупой ложью о ракете Барби или тому подобное. Это была правда. Но что, если у тебя есть эти потребности, но ты не совсем можешь их удовлетворить? Что тогда?

— Макайла, все хорошо. Это нормально, — заверил меня Блейк, стараясь избавить меня от смущения, которое я испытывала перед ним в некоторых случаях.

— Ты левша, — глупо завила я. Он нахмурился и согласился.

— Да, как и ты.

— Как ты это узнал? — я ни разу не писала перед ним.

— Ты разрисовываешь свою правую руку.

— О.

— Скажи мне, почему ты такая замкнутая. Ты мастурбировала?

— Нет, и я не замкнутая. Я повидала намного больше дерьма за свои восемнадцать лет, чем ты за пять, так что не рассказывай мне о замкнутости.

— Девятнадцать, — поправил он. Я проигнорировала это, как будто просто забыла о своем недавнем дне рождения. Для одного дня мне достаточно проблем. — Мастурбация — это тоже нормально. Ты никогда не удовлетворяла себя? Никогда не касалась себя? Я не верю.

— Не мог бы ты теперь слезть с меня? — спросила я, держа свои мокрые пальцы над его спиной.

— Нет. Ответь на мой вопрос.

— Нет. Я никогда не занималась этим.

— Почему?

— Я не знаю. Отвали. Я была занята. О сексе я думала в последнюю очередь, — пробурчала я и, сжавшись, отстранилась от него.

— Чем занята? Почему ты не хочешь поговорить со мной?

— Что ты хочешь, Блейк? Ты хочешь отношений со мной? Ты представляешь меня в качестве своей жены? Что? Скажи, почему тебя так волнует, откуда я родом? — Блейк лишь посмотрел на меня и глубоко вздохнул. Я случайно взглянула на его уменьшающийся член, когда он перекатился на бок. — Так я и думала, — сказала я, схватив свою одежду. Я не стала одеваться, иначе не смогла бы так быстро убраться отсюда. Мне нужно было уйти. Это бы сломало меня. Сначала Пи, теперь Блейк? Я должна была знать, что слишком слаба, чтобы справиться с этим.

Глава двадцать четвертая

Огни города, по мере того как мы приближались к автобусному терминалу Портового управления, затмили панику моего колотящегося сердца.

— Проснись, Пи, — сказала я, расталкивая ее, чтобы разбудить.

— Мы уже дома? — спросила она, садясь и глядя на те же огни, которые видела я. Я специально выбрала рейс, прибывающий в три утра, но все же надела ей на голову розовую шапку, просто на всякий случай. Я натянула свою толстовку с капюшоном и опустила рукава, пряча рисунки, украшавшие мою правую руку.

Совершенно не имея понятия, что делать, я вела Пи за руку через терминал. Я чувствовала себя ужасно, потому что таскала ее в такое время и понятия не имела, куда нам податься. Три часа утра, и я с четырехлетним ребенком на автовокзале. Иногда я спрашивала себя, где была моя логика, когда я додумалась до этой глупой затеи. Что теперь? Это срабатывало всякий раз, когда я обращалась к своей маме за помощью, поэтому я сделала это снова.

— Я устала, — заныла Пи.

— Я знаю, малыш. Иди сюда, — я подняла ее одной рукой и взяла оба наших рюкзака в

другую. Нам нужна одежда, душ и кровать. И где, черт побери, я должна была раздобыть это? Мы вышли на оживленную улицу, и я быстро огляделась по сторонам. Я была уверена, что днем тут намного оживленнее, но, тем не менее, на вокзале было достаточно многолюдно. Я сидела на скамейке прямо у выхода и ждала своего рейса, как и все остальные. Только моего не было. Прижав Пи к себе, пока она спала, я переживала о том, что произойдет. Я сидела на скамейке и наблюдала за движением приезжающих и уезжающих путешественников и тех, кто потерялся, не зная в какую сторону идти. Я проглотила слезы и поцеловала Пи в макушку. Она слегка поежилась и закрыла лицо обезьянкой Ларри. Я чувствовала себя такой неудачницей. Я подвела ее. Я подвела себя. Тяжело вздохнув, я проглотила комок в горле и устояла на сверкающие огни.

Блейк не мог просто поговорить со мной и сказать мне, что он не хочет, чтобы я встречалась с Райаном. Но ему нужно было сделать мне что-то в отместку. Думаю, я бы справилась с любой другой девушкой, но не с Фелицией. Пи сидела на кухонной столешнице, лакомясь шоколадом, когда Блейк вернулся домой.

С ФЕЛИЦИЕЙ!

У меня челюсть отпала, когда он провел ее на кухню, положив руку ей на поясницу. Когда он заговорил, то посмотрел прямо на меня, ухмыляясь. Блейк вел себя, как чертов старшеклассник. И это я никак не повзрелею?

— Фелиция, ты помнишь мою няню и мою дочь Лондон.

— Ух ты. Она подросла.

— Да, дети быстро растут, — грубо вставила я.

— Привет. Ты. Меня. Помнишь? — спросила Фелиция, глядя на Пи сверху-вниз и улыбаясь ее испачканным шоколадом губам. Она говорила громко и по слогам. Да что же не так с высокомерными дамочками, думающими, что Пи глухая? Фарра делала то же самое на ее дне рождения. Пи перевела взгляд от Снежной королевы на меня.

— Не смотри на меня. Твой отец привел ее, — сказала я, всплеснув руками.

Фелиция ахнула и приложила руку к груди.

— И ты собираешься позволить ей так со мной разговаривать? Боже, Блейк, ты хочешь, чтобы рядом с твоей дочерью находилась подобная ей?

— Можно тебя на минутку? — рассержено спросил Блейк.

— В этом нет необходимости. Мне ужасно жаль мисс Фелиция. Пожалуйста, простите меня, — сказала я самым льстивым голосом, какой могла изобразить. Я сняла Пи со столешницы и удалилась.

— Но не меня, — сказала Пи, ткнув в себя большим пальцем. Я посмотрела на нее и поцеловала ее перепачканный в шоколаде носик.

— Не меня что?

— Не меня площадь. Мне не нравятся какашки.

— Мне тоже не нравятся какашки, — засмеялась я. Потрясающе. И почему она не назвала ее какашкой в лицо?

После этого я послала сообщение Райану, и искорка неистового огня разрослась в языки пламени. Начинаем представление. Я так разозлилась. Я была просто вне себя от ярости. Я два часа расхаживала внизу. Я изо всех сил старалась занять себя с Пи, но, зная, что

происходит на кровати, в которой он, бл*дь, только недавно меня трахал, вызывало волны ярости во мне. И да, я сказала бл*дь. Я никогда не произносила этого слова, потому что моя мама очень сильно не любила его. В моей голове проносилось столько матерных слов, что я потеряла им счет. Большинство из них было производными этого слова, и все они были адресованы Блейку, но несколько перепало и Фелиции.

Я старалась успокоиться и убедить себя, что возможно он не трогал ее. Что они не были в его постели и не делали того, что он вытворял со мной прошлой ночью. Как только я вытащила Пи из ванны и дала ей выбрать книжку, я побежала в конец коридора. Я знала это, но страстный стон стал лишь подтверждением. Тупая сучка. Она стонала, как корова во время родов.

Мои попытки прочитать Пи сказку, которую я знала наизусть, были похожи на чтение на японском. Я не могла сделать это. Тогда, впервые, я позволила Пи читать книжку и рассказать сказку. Для трехлетнего ребенка у нее потрясающе получалось. Она показывала на картинку и рассказывала о том, что видела. Я почти не обращала внимания на ее рассказ, так как все мои мысли были прикованы к тому, что происходило в конце коридора. Подождите, мне все равно, да мне наплевать с кем он там был. Я вернула свое внимание к указательному пальчику Пи и стала слушать, как она выдумывала свою собственную сказку.

Зазвонил мой телефон, и, дернувшись к нему, я уронила его на пол. Я перекатилась на бок и упала с кровати на колени, произведя очень громкий стук и еще более громкое,

— Ой!

Пи посмотрела на меня, словно я сошла с ума, а потом захихикала. Ее плечики заходили ходуном, и она взорвалась от смеха. Это определенно стоило падения. Я встала на колени, подняв свой телефон, и уперлась локтями в ее кровать, чтобы прочитать сообщение от Райана.

— Что это было, черт побери? — заорал Блейк, открыв дверь в тот самый момент, когда я читала сообщение от Райана. Здорово.

— Микки валилась с кровати, — проговорила Пи и потом снова захохотала. Я была по уши в неприятностях, но это не имело значения. Смех Пи был настолько заразителен, что я тоже засмеялась. Ничего не могла с собой поделать. То как она повизгивала, подергивая плечами, и это счастье в ее бирюзовых глазах заставили бы и дьявола рассмеяться. Блейк тоже засмеялся. Вот тогда-то я и заметила его расстегнутую рубашку и эрекцию, вытирающую из его черных брюк.

— Как только Пи заснет, я собираюсь выйти.

— Куда ты собираешься?

— Не знаю. Просто прогуляться.

— С Райаном?

— Да.

— В хозяйственном отделе нет Райана

— Что?

— Ты слышала меня. Единственный Райан в отеле Зазен Ризорт это Райан из бухгалтерии. Он женат на Джуди из кафе. Есть еще Райан в почтовом отделе, но он выпускник средней школы, и еще Райан Форд.

— Ты проверил его?

— Нет, я просто посмотрел в зарплатную ведомость этим утром. Если бы я захотел

его проверить, я бы спустился к охране и сказал бы им показать мне записи видеонаблюдения любой даты и времени, какая мне нужна.

— Пофиг, разве тебе нечем больше заняться?

— Зависит от того, собираешься ли ты уходить или нет. Если ты останешься, я избавлюсь от нее.

Вот блин. Остаться здесь и кое-чем заняться с Блейком звучало намного лучше, чем тусоваться с Райаном. К сожалению, Райан что-то задумал. Он держал меня на крючке скрытым шантажом. Пока я не узнаю, каковы его мотивы, мне придется держать его на расстоянии вытянутой руки.

— Избавь ее, — сказала Пи, махнув рукой.

— Перестань меня смешить. Я пытаюсь сердиться на твоего папу. Ты действительно собираешься поставить мне условие, чтобы удерживать меня от свиданий с кем-либо? — это меня взбесило. Моя мама столько раз разговаривала со мной о том, что не нужно поддаваться влиянию других, и вот эти разговоры принесли свои плоды. Я не относилась к со-зависимому типу людей. И в мире не было столько денег, чтобы убедить меня в обратном.

— Тебя все достали? Почему тебе нужно все анализировать?

— Я пойду прогуляться именно потому, что ты поставил мне условие.

— Ладно, но может это совсем не то, чем кажется. Может, это единственный способ, который я знаю, чтобы сказать тебе, что я бы лучше провел этот вечер с тобой.

— Ты, бл*дь, издеваешься? — донеслось из коридора. Здорово. Только этого не хватало. Ох! Пристрелите меня. Я посадила Пи к себе на колени и закрыла ее уши руками. — Да пошел ты на х*й, Блейк Коуст. Хочешь трахать какую-то шлюху из Бронкса, давай, валяй. Ты мне, бл*дь, не нужен. Да кем ты, мать твою, себя считаешь? Не смей мне, бл*дь, звонить — никогда. Все кончено. — я закрывала руками уши Пи, пока не захлопнулась дверь.

— Она ласелдилась, — заверила меня Пи.

Проклятье. Я не хотела никуда идти, я хотела остаться здесь, но не могла. Пообещав себе, что расскажу Блейку, кем я была, я покинула пентхаус сразу же, как Пи уснула. Я просто отправила Блейку сообщение, когда вышла в облегающем красном платье. Это был последний вечер, когда я это делала, что было хорошо. Я надела свой последний наряд, в котором Райан еще меня не видел. Я даже начала привыкать к каблукам. Может, я еще не стала экспертом и не могла на них покачиваться, но хотя бы могла ходить. Зная о том, что я не свалюсь с них навзничь, придавало мне уверенности.

Я провела несколько часов с Райаном, но не совсем с ним. Мы немного поговорили. Что-то вроде того, что было в прошлый раз. Он задавал мне вопросы, а потом возвращался к работе и своему телефону или разговорам с какими-то случайными важными людьми, с которыми меня ни разу не познакомил.

— Ты занималась чем-нибудь в школе? Спортом или еще чем-либо? — спросил Райан через стол. Я посмотрела на него, перестав обращать внимание на переполненный клуб.

— Что?

— Ну, знаешь. Чем ты занималась в школе? Я был борцом.

— О, хм. Ничем особенным. До шестого класса я играла в баскетбол, но потом заболела моя мама.

— Понятно, — отстранено ответил он, вернувшись к телефонным звонкам, — Видишь, вот почему мне так сложно ходить на свидания. А Блейк такой же? Он тоже вечно занят?

— Ну, он же генеральный директор, так что, да. Наверное.

— Он стал генеральным директором благодаря своим связям, но это не то чем стоит хвастаться. Он получил эту должность не потому, что много работал.

— Блейк очень много работает для Холдена.

— Да, я не это имел в виду. Забудь. Почему ты зовешь его Холденом? Похоже, что ты хорошо его знаешь.

— Я вообще его не знаю. Я тебя знаю дольше, чем его, и это ни о чем не говорит.

— У меня такое чувство, что это скоро изменится, — улыбнулся он, накрыв своей рукой мою руку. Мне нужно было читать между строк. Теперь я понимаю, что он, вероятно, говорил не о наших отношениях, по крайней мере, не совсем.

Я ответила на несколько личных вопросов, которые мне показались странными, но какая разница. Хрень какая-то. Райан спрашивал у меня что-нибудь, а потом вел себя так, будто ему все равно, в то время как его пальцы порхали по экрану телефона.

— У тебя есть еще тут родственники?

— Нет.

— А где они?

— Вообще-то, у меня больше никого нет. Моя бабушка умерла, когда мне было семь лет.

— От чего?

— Гм, тот же вид рака, как и у моей мамы.

— Какой?

— Рак груди.

— То есть, ты видела, как твои мама и бабушка страдали от рака?

Мне вдруг не понравилось то, что я почувствовала. Райан задавал вопросы не так, как это делал Блейк. Ему было все равно. И я почувствовала себя одинокой и смущенной.

— Не совсем. Моя бабушка скончалась от осложнений во время операции.

— Хм, печально. Ты готова идти?

— Определенно, — вставая, сказала я.

Маааааамочки!!!

— Я заеду за тобой около восьми завтра вечером, — сказал Райан, толкая двойные двери гостиничного комплекса. Его рука легла на мою шею, а его губы обрушились на мои. Отлично. Я изо всех сил старалась не поцеловать его в ответ. Да что, черт возьми, тут происходит? Я не могла нравиться Райану. Это больше походило на ослика, перед которым повесили морковку. Райан запал на меня? Ха!

— Что ж спокойной ночи, — сказала я, отпрянув от него.

— Спокойной ночи. Может, ты сможешь остаться завтра на ночь со мной.

У меня вырвался нервный смешок, и я пулей вылетела из машины.

— Может быть. Спокойной ночи.

Провести ночь? С Райаном? По дороге в пентхаус я обдумывала разные варианты что делать. Райан?

Я закрыла дверь и вздохнула с облегчением. Блейка внизу не было, и мне стало грустно, потому что я почти хотела, чтобы он тут был. Я приняла душ, избавилась от облегающего короткого платья, которое было не в моем стиле. Что я делала? Мне просто необходимо все выяснить с Блейком и перестать прятаться за этой ложью.

Я натянула шерстяные носки на свои замершие ноги, скользнула в длинную футболку и

вернулась в гостиную. Сполоснув кружку из-под шоколадного молока и вытерев крошки от печенья, я налила себе стакан сока и пошла к стеклянной стене. Я смотрела на мерцающие огни города, тоскуя по своей маме. Я почувствовала вину, потому что не оплакивала ее уже несколько дней. Какой же дочерью я была? Я должна была быть мрачной, а не заниматься этой дурью. Я ведь еще не была достаточно взрослой, чтобы все это делать. Я даже не могла еще покупать пиво. И голосовать тоже не могла. Я глубоко вздохнула и подошла к фортепиано. Я провела рукой по золотой отделке крышки и подумала о своей маме. Я не подходила к этому инструменту с тех пор, как приехала сюда. Пи даже не знала, что эта большая штукавина может издавать звуки. Размышляя о том, как она сидела бы тут рядом со мной, пока я учила бы ее играть, я опустила на скамейку и открыла крышку.

Мои пальцы слегка погладили клавиши, и небольшая улыбка появилась на моих губах. Я даже не сомневалась, что моя мама не давила на меня. Мой безымянный палец нажал на узкую черную клавишу самого высокого регистра справа. Я почувствовала ностальгию по музыке, о которой даже не подозревала. Мои глаза закрылись, я положила руки на белые клавиши и сделала глубокий вдох. Ноты полились, словно я никогда не переставала играть. Мне снова было одиннадцать, мои глаза были закрыты так, как учила меня мама, и я чувствовала музыку. Именно тогда я впервые почувствовала то, о чем она говорила.

Я неделями тренировалась играть эту мелодию. Это было так скучно, и я не понимала ее. Я не понимала, как можно чувствовать мелодию, которая мне так надоела, но тем вечером, я почувствовала ее. Моя мама обещала, что это случится.

На мне было серебристое платье с фиолетовым поясом. Подъем на сцену такого уровня заставляет тебя чувствовать благоговейный страх. Я поклонилась огромной аудитории и посмотрела на свою маму, сидящую в первом ряду. Она сложила руки у своего рта в молитвенном жесте, ее взгляд был направлен вверх, и она кивнула мне головой, чтобы я заняла свое место. Я закрыла глаза прежде, чем села на блестящую скамейку. Я очень сильно волновалась, боясь, что облажусь и разочарую свою маму. Это волнение было сильнее, чем страх выставить себя дурочкой перед всем Чикаго. Они пришли сюда не для того, чтобы слушать какого-то глупого ребенка. Они хотели послушать игру настоящих пианистов, как моя мама.

Все это время я не открывала глаз. Мои пальцы заученно легли на белые клавиши, и мелодия появилась сама собой. Все те дни занятий не могли подготовить меня к этому. Я почувствовала музыку всем своим телом, погрузившись в эмоциональный транс, продлившись еще три секунды после того, как прозвучала последняя нота. На целых три минуты я потерялась в другом мире. Мои глаза наполнились влагой. Я не видела зал, полный стоящих людей, я видела только свою маму. Я не слышала оглушительных оваций, эхом разносившихся по залу, я слышала, как слеза скользила по маминой щеке. Я не чувствовала сотен взглядов, направленных на меня, я чувствовала, как моя слеза катилась по моей щеке, подобно маминой.

— Шепот Сары, — мои наполненные слезами глаза затрепетали и открылись, и я увидела Блейка, сидящего на нижней ступеньке. Слезка скатилась по моей щеке, и я повернулась на тихий голос. — Это потрясающе. Ты не говорила, что умеешь так играть. И почему я не знал об этом?

Я улыбнулась и закрыла крышку,

— Ты многого обо мне не знаешь. Откуда ты знаешь название этого произведения? Не многие даже знают, кто такой Гольдони.

— Он написал несколько самых печальных произведений, которые известны человечеству, прежде чем покончил с собой в 1943. Шепот Сары был написан для его младшей сестренки. Она умерла от излечимой болезни. Религия ее родителей не позволила ей пройти столь необходимую операцию. Гольдони видел, как она умирала.

Вспомнив историю, которую моя мама столько раз мне рассказывала, я закончила.

— Он написал Шепот Сары, чтобы подарить ей голос, которого у нее никогда не было, — тихо сказала я тем же слишком эмоциональным голосом, каким говорила моя мама, рассказывая мне эту историю. Ее голос всегда был печальным, когда она говорила о Шепоте Сары.

— Это было красиво. У меня до сих пор нет слов.

— Ты не ответил на мой вопрос. Откуда ты знаешь, что это Шепот Сары?

Блейк встал со ступенек и направился ко мне. Чувства, которые вызывал только он, не заставили себя ждать.

— Я уверен, что моя мама просветила тебя на этот счет, — сказал он с обвинением.

— Нет, я спросила ее, почему у тебя есть фортепиано, но ты никогда на нем не играешь.

— И что она ответила?

— Спросить у тебя.

Я почувствовала прикосновение его ноги, но не двинулась с места. Блейк завел руки за спину и посмотрел на меня.

— Мой отец был основателем Конли.

— Не уверена, что знаю, что это.

— Это престижная музыкальная школа здесь, в Нью-Йорке.

— Что случилось с твоим отцом? — я бы почувствовала себя полной идиоткой, если бы он сказал, что его отец умер от рака. Может, он понимал. Может быть, Блейк стал таким человеком, потому что именно так он с этим справлялся.

— Он покончил с собой.

— Ничего себе, самоубийство?

— Почти. Он напился и врезался на машине в дерево.

— Ну, это не настоящее самоубийство. Когда он умер?

— Мне было семнадцать, и да, это было самоубийство. Он все время читал мне нотации о пьянстве за рулем. Он убил себя. Ему не нужно было этого делать. — Я не стала комментировать это. Кто я такая, чтобы учить его справляться со своей потерей? Он работал, а я рисовала на своем теле. — Скажешь мне кое-что, — попросил Блейк, когда я ничего не ответила.

— Сомневаюсь, но ты можешь попробовать, — улыбнулась я лукавой улыбкой.

— Почему я не могу заставить тебя кончить?

Я быстро выдохнула и расправила плечи,

— Я не думаю, что дело в тебе. Это странно.

— Что ты имеешь в виду?

— Я чувствую, — сказала я хриплым голосом, взглядываясь в его глаза.

— Что, например? — спросил Блейк, выпрямившись и придвинувшись ближе. У меня перехватило дыхание, когда его рука прикоснулась к моей талии, а его губы приблизились к моим.

— Что хочу этого. Что мои руки становятся влажными, и мое сердце пускается

вскачь. В моем животе начинают порхать бабочки, и во рту все пересыхает.

— Что еще? — прошептал Блейк в мои губы. Я закрыла глаза, и наши лбы соприкоснулись.

— Я чувствую ощущение трепета глубоко внутри.

— Внутри? Это здесь? — прошептал Блейк, слегка наклонив голову вправо. Он скользнул рукой вниз и провел большим пальцем у меня между ног.

— Да, — задыхаясь, ответила я, стараясь не прильнуть к его губам.

— А сейчас ты это чувствуешь?

— Я описалась, — позвала Пи с верхней ступеньки. Я сделала глубокий вздох и крутанулась на гладком стуле. Мое сердце стучало громко и быстро, и я улизнула подальше от этого, чем бы оно ни было, и направилась к Пи.

Глава двадцать пятая

Я переместила Пи так, чтобы достать свой телефон и задержала дыхание. Включив его, я прочитала последнее сообщение.

БЕГИ!!! И Квинтон Форд. Он идет за тобой. Уезжай сейчас же.

И почему там ничего не было? Какая-нибудь инструкция. Я не знала, что делать, куда податься, или кому верить. Я слегка сжала Пи и оглянулась. Я провела пальцем по экрану, намереваясь открыть список своих контактов, когда остановилась.

Минуточку.

Квинтон Форд? Конечно. Мое новое открытие не слишком помогло мне выяснить, что делать, но, по крайней мере, мне было чем заняться. Я двадцать пятый раз вдохнула и набрала номер.

— Микки, ты не можешь звонить мне. Что ты делаешь? Все в порядке?

— Нет. Я в Нью-Йорке с Пи.

— Почему? Что случилось? Тебя поймали? Ты в тюрьме?

— Нет, но они идут по нашим следам. Нам пришлось уехать из Айдахо.

— И ты вернулась в Нью-Йорк? Ты рехнулась?

— Я не знаю, что еще делать.

— Микки, ты попадешь в тюрьму, а эта проклятая женщина заберет Пи.

— Мне нужно, чтобы ты забрала Пи ради меня. Просто пусть она побудет у тебя, пока я не определюсь, что делать.

— Никто не должен знать, что я была вовлечена в это.

— Я не знаю, куда еще податься. Пожалуйста. Не делай этого для меня. Сделай это для Пи.

— Вы где?

— Автобусный терминал Портового управления.

— Я пришлю кого-нибудь, чтобы забрать ее. Никуда не уходи, но отключи этот телефон.

— Спасибо, — ответила я, облегченно выдохнув.

Я закрыла глаза от огромного облегчения. Блейк был бы не в восторге от моего решения, но я доверяла ей больше, чем кому-либо. Кроме Грейс, конечно. Я просто не могла позвонить ей. За ней точно следили.

Я покачала головой бездомной женщине, которая попросила у меня денег. У меня на

руках был ребенок. Она что слепая? Бомжиха стала толчком, необходимым мне, чтобы вернуться к тому, как все это произошло.

— Пи, детка. проснись. Мне нужно поговорить с тобой.

— Зачем? — спросила Пи, поежившись в моих объятьях.

— Послушай меня, Пи. Кое-кто приедет и заберет тебя. Он отвезет тебя к Саре на несколько дней, ладно?

— Ты тоже поедешь?

— Пока нет, радость моя. Я приеду и заберу тебя, как только смогу. Обещаю.

— Нет. Я не хочу. — Блин. Ну зачем ей нужно плакать?

— Пи, обещаю, все будет хорошо.

— А что если ты не вернешься?

— Я вернусь, Пи, — пообещала я снова, обхватив ее мизинец своим. — Клянусь, — добавила я для большей убедительности.

Я обнимала Пи, пока она плакала на моих руках, крепко сжав губы, чтобы не заплакать вместе с ней. Я должна была исправить это.

— Ладно, вперед, малышка. Обними меня. Я люблю тебя очень, очень сильно, и мы правда скоро увидимся, хорошо, Пи? Ладно, Пи? — спросила я снова, отстраняя ее плачущее личико от своей груди.

— Хорошо, — надув губки ответила она. Я поцелуями осушила ее соленые слезинки и встала вместе с ней.

Я усадила ее на заднее сиденье автомобиля абсолютно незнакомого человека, чувствуя, что сейчас потеряю контроль.

— Я люблю тебя, Пи, — сказала я, пристегивая ее ремень безопасности. Внезапно я почувствовала, что у меня ноги подкашиваются, и мне стало трудно дышать. Огни фонарей закружились вокруг меня, когда автомобиль отъехал вместе с Пи.

Реальность обрушилась снова, когда какой-то незнакомец налетел на меня, сунув клочок бумаги мне в руку, и исчез.

Встретимся завтра в полдень в Центральном Парке. Сад Консерватории. Пи на пути к Стэйтен Айланду с моей экономкой, Элизой. Они встречались с ней раньше, и она заботилась о Дженни. Она в хороших руках. Выбрось это сейчас.

Я швырнула записку в урну и развернулась, сделав глоток свежего воздуха. Сара знала, как сильно я ее люблю. Сара придумала свой способ сообщить мне, что с Пи все в порядке. Мне это было нужно. Я оставалась на больших проспектах, где чувствовала себя в безопасности, и изо всех сил пыталась придумать дальнейший план. Мне нужно было попасть в офис Райана.

Заскочив в магазин дешевых товаров «Все за Доллар» за несколькими вещами, я заселилась в одно звездочной гостинице и заказала китайскую еду навынос. Вымывая руками мыльную пену из волос, я снова пообещала себе всегда ценить хороший шампунь.

Я посмотрела в дверной глазок с полотенцем на голове.

— Сдачу оставьте себе, — сказала я, дав парню двадцатку. Сидя на кровати в новых дешевых спортивных штанах и кофте в обтяжку, я ела и переключала каналы, поглядывала в телевизор.

Я остановилась на старой комедии с Бобом Хоупом. Банковский служащий Генри Димсдейл нашел приличную сумму денег на парковке. Он был вдовцом с семьей детьми, и деньги были даром Божьим. Его экономка убеждает его, что это именно тот случай, когда

находка принадлежит нашедшему.

Генри ждет две недели, вдруг кто-то заявит о пропаже, но этого не происходит, поэтому он спускает деньги на новую машину и кольцо с бриллиантом для Элли, своей невесты. Когда банк, в котором работает Генри, обнаруживает недостачу в размере пятидесяти тысяч долларов, Генри становится главным подозреваемым. Я сама словно попала в это немое кино. Оно было похоже на нашу с Пи ситуацию. Генри вместе со своими семью детьми смылся в Аризону. Быть в бегах с одним-то ребенком тяжело, я даже не могла себе представить, каково это — находиться в бегах с семьей. Достаточно и предположения. Боже, как я скучала по Пи. Я сжала половинку сердечка в своей руке и прижала к своему сердцу.

Она, должно быть, до смерти напугана. Съев все креветки и брокколи из картонной коробки, я села за небольшой столик и выглянула в окно, оглядев переулок и пустую парковку. Какой-то кот прыгнул в зеленый мусорный контейнер, а я взяла ручку с логотипом гостиницы и провела прямую линию.

На следующий день после моей захватывающей дух встречи с Блейком у фортепиано, я несколько раз поймала себя на том, что улыбаюсь. Как бы сильно я ни противилась своим чувствам к Блейку, какая-то более мощная сила боролась настойчивее, вероятно, моя мама. Мне тяжело было не представлять нас троих, как одну семью, но не там. Я видела нас где-нибудь в пригороде, может, на небольшой ферме или что-то в этом роде. Конечно же, это было глупо.

Мы с Пи обыскивали кусты у бассейна в поисках лягушки, которую, она поклялась, что видела. По большому счету я больше следовала за ней и слушала ее детский лепет, не имевший почти никакого смысла. Я думала, что она сошла с ума. Я не видела никакой лягушки.

— Ты трахаешься с Райаном? Райаном, моим руководителем финансовой службы?

— Нет. Что? Это он тебе такое сказал?

— Да как ты можешь ходить на свидания с Райаном? Как такое вообще могло произойти? Не понимаю.

— Блейк, это не так. Клянусь богом, это не так.

— Тогда как? Знаешь что? Да мне плевать. Я хочу, чтобы ты убралась из моего дома завтра к обеду. Я позабочусь о том, чтобы у тебя было достаточно денег, и завтра к обеду придет новая няня.

— Блейк, послушай меня. Все не так. Я очень давно хотела тебе все рассказать.

— Ты его любишь? Не понимаю, Макайла. Ты рассказываешь ему о себе.

— Что? Нет.

— Да он знает о тебе больше после пары свиданий, чем я за несколько месяцев. Я все про тебя знаю, тебе недавно исполнилось восемнадцать, а совсем не девятнадцать. Не знаю, что вы с ним там замышляете, но отвалите от меня. Я очень много работал, чтобы добиться того, что у меня есть сейчас, и я не позволю ни одному из вас забрать это у меня.

— Блейк, Господи. Да послушай же меня!

— Почему он может знать эту часть твоей жизни? Почему парень, который хочет заполучить все, что я когда-либо имел, должен узнать о том, что твоя мама и бабушка умерли от рака? Почему он может знать о том, как сильно тебе нравилось играть в

баскетбол, но ты бросила, потому что должна была заботиться о своей маме?

— Что? Нет. Все было не так, Блейк. У тебя это звучит так, будто между нами был какой-то интимный разговор. Такого не было. Клянусь Богом, все было не так, Блейк.

— Я не верю ни одному твоему слову.

— Я нашла ее! — закричала Пи из-за кустов.

— Она держит лягушку, — сообщил мне Блейк, — О боже. Она как ее мать.

— Что? — спросила я, глядя на Блейка, который с недоумением смотрел на свою дочь.

— Ничего. Пи? Пи это горошина, — сказал Блейк, пристально наблюдая за ней.

— Ты меня пугаешь. О чем ты говоришь, черт возьми?

— Принцесса на горошине. Ты чувствуешь ее.

— Ты говоришь о морали сказки Принцесса на горошине? — что? Какого хрена тут происходит? Мое сердце забилось сильнее, стараясь не отставать. Что, черт возьми, Райан ему сказал? Что он знал о моих отношениях с Холденом? О чем он, черт побери, говорил и что имел в виду, сказав, что Пи как ее мать? Нет, она не такая. Пи была далека от того ужасного существа.

— Да, принц может жениться только на настоящей принцессе. Он встретил много обманщиц, но ни одна из них не почувствовала горошину под двадцатью тюфяками. Но вот появилась настоящая принцесса, в мокрой и изорванной в клочья одежде из-за ненастья, в которое она попала. Королева не поверила, что она настоящая принцесса из-за ее внешнего вида.

Взгляд Блейка оставался прикованным ко мне, пока он пересказывал любимую книжку Пи. Я высказала свои мысли тихим серьезным тоном.

— И о принцессе судили по ее внешнему виду.

— А принцесса почувствовала горошину, — сказала Пи, прыгая на одной ноге, пока лягушка подпрыгивала в ее руке. Мы оба, Блейк и я посмотрели на нее в восхищении.

— И принц тоже, — сказал Блейк. Я задумалась, что это значило. Я потерялась в его взгляде, когда он сказал это, и я не понимала, что он говорит. Он имел в виду, что я принцесса, и он почувствовал меня, или он говорил, что чувствовал Пи?

— Пожалуйста, мы можем поговорить? Мне надо тебе кое-что сказать.

— Мне тоже надо тебе сказать кое-что.

— Правда?

— Да, может, пойдём в ресторан?

— Нет. Пи нужно искупать. Она держит лягушку.

— Ах, да. Что нам делать?

— Ты всегда жил в городе? Ты никогда не бывал в сельской местности? Пи, опусти его на землю, чтобы он мог вернуться домой к своей мамочке.

— Нет, он отправится к его Микки, — возразила она, — Он — девочка.

Блейк улыбнулся ей, а потом мне. Что-то здесь происходило, и мне это нравилось. Казалось, что все меняется. Словно Блейк не был такой задницей, какой я его считала. Мне казалось, что Блейк почувствовал горошину. Свою горошину.

Пи играла в пенной ванне, пока мы с Блейком разговаривали. Я прислонилась к умывальнику, а он уселся на унитаз.

— Ты первая, — предложил он.

— Нет, ты первый.

— Ну почему с тобой должно быть всегда так сложно? Пи, кто должен начать

первым?

— Я хочу начать пелвой, — завершила его Пи, положив свою корову на плавучий ковчег, и подняла руку.

— Давай. Ты ведь хочешь рассказать все начистоту и очистить свою совесть.

Я глубоко вдохнула и села по-турецки. Глубокий вдох совсем не помог мне успокоиться, и я сделала еще один.

— Когда я налетела на тебя на тротуаре, это был не первый раз, когда мы встречались.

— Разве?

— Да. Ты помнишь, когда ты был в Чикаго с Холденом? Это была торжественная церемония открытия.

— Да, я помню тот день очень хорошо.

— Но ты не помнишь меня?

— Нет. Я был немного не в себе в тот день. И почему я должен тебя помнить?

— Я была там, хотела поговорить с Холденом. Он оттолкнул меня к стене и сказал тебе избавиться на хрен от меня.

— На хрен, — Пи просто взяла и повторила это.

— Ну вот почему тебе надо было повторить именно это слово? — пожаловалась я, наклонившись, чтобы включить радио Дисней. Пи сразу же начала петь песенку Голова, плечи, колени и пальцы ног.

— Я помню это. Это была ты? Почему ты была там?

— А почему ты был расстроен? Ты сказал, что был не в себе. Так и было. Я помню выражение твоего лица. Почему ты злился?

— Я не злился. Почему ты хотела увидеться с Холденом?

Я снова громко вздохнула и выпалила.

— Об этом говорилось по всем каналам. Зазен Ризорт занял целый квартал в Нью-Йорке. Это произошло сразу после того, как рак вернулся, и моя мама заболела. Она знала, что он будет там в тот день, чтобы перерезать ленточку.

— Кто?

— Барри Холден. Она никогда не называла его Зазен.

— Его стали называть так после того дня. Продолжай. Почему ты так отчаянно хотела его увидеть? Твоя мама была с ним знакома?

— Да. У моей мамы с Барри была связь в течение лета. У нее были летние выступления в отеле в Атланте, штат Джорджия. Она жила в Зазен Ризорт шесть недель, играя на фортепьяно для гостей обеденного зала. Барри тогда проводил там много времени в связи с торжественным открытием и все такое.

— Если ты собираешься сказать мне, что Барри Холден изменял своей жене с твоей матерью, я снова назову тебя лгуньей. Скорее ад развернется, чем такое случится. Я никогда не встречал человека, который бы так сильно любил свою жену, как Холден.

— Он тебе не безразличен. Почему?

— Просто скажи, почему все это должно касаться Холдена.

— Моя мама стала работать на Холдена днем. Она любила Дженни. Она часами учила ее играть. — я подняла глаза, увидела пристальный взгляд Блейка и спросила, — Что случилось?

— Твоя мать учила Дженни играть на пианино?

— Да.

Я вскочила, когда поняла, что Блейк очень хорошо знал Дженни.

— Дженни? О боже. Пожалуйста, не говори мне, что ты давно потерянный сын Холдена. О, господи. Вот дерьмо.

— Что? Нет. Успокойся. Какого черта?

— Фух, слава Богу. Дженни Холден моя сестра. Уверена, если ты генеральный директор Зазена, ты встречался с ней. Моя мама хотела, чтобы я познакомилась с ней. Она также хотела, чтобы я познакомилась с ним.

— У Дженни не было сестры. Она была единственным ребенком.

— Она не единственный ребенок.

— Ты утверждаешь, что ты ребенок Зазена?

— Да, по крайней мере, моя мама говорила это.

— Я даже не знаю верить тебе или нет. В тот день ты сказала Зазену, что ты его дочь? В день торжественного открытия? Поэтому он приказал мне избавиться от тебя?

— Да. Он быстро направлялся к выходу, когда я остановила его. Я не знала, как еще сделать это. Я просто выложила все как есть, и он отказался от меня. Мне было всего четырнадцать лет, и я была совсем одна, напугана до смерти, а он сказал мне никогда с ним больше не связываться.

Блейк поднялся и подошел к окну, проведя рукой по своим взлохмаченным волосам. Он выглядел обеспокоенным.

— Я пойду в душ. Давай поговорим об этом позже.

— Хочешь приготовить что-нибудь? — спросила я.

— Что? Приготовить что-нибудь?

— Да, моя мама всегда так делала. Она старалась привлечь меня к готовке, когда я была расстроена. Она говорила, что это удержит меня от наркотиков. Я не употребляю наркотики, хотя я и не Сьюзи Домохозяйка, — сказала я, пытаясь разрядить обстановку, — Могу приготовить макароны.

— Дженни обычно говорила мне это. Я так сильно злился на нее, потому что она могла приготовить полноценный обед в три часа ночи. "Готовка или наркотики?" говорила она, когда я начинал жаловаться.

— Моя мама так говорила, — улыбнулась я. Я знала, что Дженни научилась этому у моей мамы. По какой-то причине мне стало легче, когда я узнала, что моя мама оставила после себя эту маленькую глупую традицию. Что она, так или иначе, оказала воздействие.

— А почему ты был рядом с ней в три часа ночи?

— Она была моей женой.

Блейк опустил голову вниз и вышел. Не знаю, что я ожидала услышать, но точно не это. Думаю, я представляла Дженни семилетней девочкой, как описывала ее мне моя мама. А не взрослой замужней женщиной на кухне. Моя сестра была замужем за Блейком. Вот это да. А что насчет Пи? Я повернулась к ней, в тот момент, когда она выбиралась из ванны, и задумалась, как же Блейк блин умудрился променять ту, которая помнила что ей семилетней, говорила моя мама, и заделать ребёнка с Фаррой Брайтон. Была ли жена Блейка такой же? Была ли Дженни такой же стервой, как Фарра? Могу это только предположить, учитывая то, что она росла в богатстве, и по тем людям, которых я встретила в Нью-Йорке.

Глава двадцать шестая

— Фарра Брайтон, — сказала я вслух в тишине комнаты. Я посмотрела на художества на моей руке и задумалась, а что если. Я не знала, что собиралась делать, но любой способ был лучше, чем ничего. К тому же это все, что у меня было.

Я швырнула пластиковую коробку от риса в металлическую корзину для мусора, и посмотрела на часы. Я откинула одеяло и, уткнувшись носом в подушку, прорычала. Я ненавидела гостиницы, особенно такие, как эта, где постельное белье может быть чистым, а может и не быть. Я не разделась. Я не собиралась рисковать.

Лежа на боку, я наблюдала за вывеской «открыто», моргающей за окном. Она начиналась с буквы О и переходила к букве К, так как буква Т перегорела. Я вспомнила о Пи и прошептала, что люблю ее. Я должна была продолжать думать о том, что привело меня сюда, чтобы не задумываться, спит ли она. Мне была ненавистна мысль о том, что она плачет по мне. Это разбивало мне сердце, и ничего хорошего для нас обеих не вышло бы, если бы я лежала и думала о худшем. Вместо этого, я решила вспомнить о пирожных брауни, которые мы вместе пекли.

Пи была достаточно маленькой, поэтому мы с Блейком не переживали, что разговариваем при ней. Она была слишком занята смешиванием ингредиентов и наведением беспорядка.

— *Черт. Я забыла о Райане, — сообщила я, глядя в свой телефон, — Он должен заехать за мной в восемь.*

— *Почему ты ходишь на свидания с Райаном? Райану наплевать на тебя. Он что-то задумал.*

— *Я боялась отказать ему.*

— *Почему? Что это значит?*

— *Думаю, он знает, кем является Холден для меня, но еще не сказал об этом. Он просто ни с того ни с сего заинтересовался мной.*

— *Ты ему неинтересна. Тут что-то другое.*

— *Что, например?*

— *Я не знаю, но что-то есть. Райан не запал на тебя. Я его знаю.*

— *Как ты познакомился с Райаном? — спросила я, не давая Пи слизать яичный желток с вилки.*

— *Райан знал Дженни. Они учились в одном колледже.*

— *А как ты познакомился с Дженни?*

— *Дженни проводила каждое лето в Конли. Мой отец учил ее игре на фортепиано. Она была прирожденной пианисткой, я думаю, она учила его столько же, сколько и он ее. Я знал Дженни с двенадцати лет. Она настояла на том, чтобы приезжать туда каждое лето. Эта девочка веревки вила из Барри Холдена, что было совсем несмешно.*

— *Ты влюбился в нее в двенадцать лет?*

Блейк улыбнулся счастливому воспоминанию.

— *Да. Мы были Блейк и Дженни. Каждое лето я проводил, играя с Дженни на фортепиано, пока мой отец не умер. Мой отец всегда говорил ей, что не мог научить меня*

ни единой ноте, пока она не появилась из ниоткуда.

— Хорошо, все сделано, — сообщила Пи, размазывая шоколад по своей чистой кофте.

— Нет, нам нужно их испечь. Иди, возьми чистую кофту, — сказала я, стянув грязную через ее голову и быстро вытерев полотенцем шоколад с ее лица, когда она попыталась отвернуться.

Когда Пи умчалась выполнять задание, я начала убирать беспорядок на кухне.

— Ты ведешь себя с ней именно так, как я представлял Дженни, будет это делать. Она бы тоже звала ее Пи.

— Тогда какого хрена у тебя ребенок от Фарры Брайтон?

— Это совсем другая история, — заверил меня Блейк, сделав один длинный шаг ко мне. Я не ожидала, что он прикоснется ко мне. Он застал меня врасплох.

— Я люблю сестру Дженни, — произнес Блейк тихо, словно только что понял это. Он передвинул руки и прижал меня к кухонному островку.

— Правда?

— Да. Правда. — и это был наш первый поцелуй. Губы Блейка прошились по моим губам, сначала легонько. Мои руки застыли на месте, во рту пересохло, а в животе запорхали бабочки. Когда он наклонил голову, мои губы разомкнулись, и наши языки страстно переплелись. Я прижалась к Блейку и застонала ему в рот. Между ног у меня возникли необъяснимые ощущения и разлились по всему телу.

— Эй, это моя Микки, — пожаловалась Пи, протискиваясь между нами. Мы смогли разорвать поцелуй только с третьего раза. Блейк трижды отрывался от моих губ, прежде чем мы окончательно поняли, что трехлетняя малышка тянула нас за ноги.

— Я должен поговорить с Зазеном о тебе.

— Чувствую, что все станет только хуже. Я не хочу, чтобы пострадала его жена, но хочу, чтобы Барри Холден умирал долго и мучительно. Как моя мама.

— Нет, ты этого не хочешь. Ты видела, как это происходило, ты не можешь пожелать такого никому.

Я вздохнула и усадила ревнующую Пи себе на бедро.

— Нет, но он все равно ужасный, ужасный человек. Что случилось с твоей женой? Что произошло с Дженни?

— Дженни умерла от рака в субботу 5-го января 2010 года. Знаешь, чем знаменательна эта дата? — спросил Блейк.

— Чем, Блейк? — спросила я, направляясь с Пи к дивану. Я включила телевизор, она скользнула на журнальный столик и, устроившись на животе, стала смотреть мультик про Дору. Я помню тот день. Я его никогда не забуду. Мне пришлось вернуться и рассказать своей маме, что Барри Холден сказал мне никогда больше с ним не связываться. — Почему эта дата так важна для тебя?

— Потому что в тот день ты сказала Холдену, что он твой отец. Дженни отлично справлялась. Она ела, у нее был хороший цвет лица, и она хотела, чтобы мы поехали. Она хотела, чтобы ее мать, отец и я поехали в Чикаго на торжественную церемонию открытия. Мы так долго наблюдали за ее болезнью. Она хотела, чтобы мы отдохнули от этого. Мы все отнекивались, но она настаивала, а доктор заверил нас, что ей не станет хуже, что состояние у нее хорошее. У нее случился, — Блейк откашлялся, постучав кулаком по груди. Он был очень подавлен. Для него это было очень трудно. — У Дженни произошло кровоизлияние в мозг, и они не смогли остановить его.

— Она умерла в тот день, когда я пришла к Холдену?

— Да, мы стояли в толпе, смеясь и шутя, а в следующее мгновение бежали из зала. Холден ответил на звонок. Я никогда этого не забуду. Я стоял рядом с несколькими инвесторами и их женами, когда увидел лицо Холдена. Он огляделся вокруг в поисках Сары и подошел прямо ко мне. Я нутром почувствовал, что моя жена только что умерла. Она ждала, чтобы мы все уехали.

— Это очень грустно. Я не знала. Я не знала, что он потерял своего единственного ребенка в тот же день, когда я сказала ему, что у него есть еще один. Неудивительно, что он отверг меня.

— Сара только что ушла в дамскую комнату. Мы выбежали из зала в поисках ее. Я пошел в одну сторону, Холден — в другую. Я встретил его там же, где и оставил, он стоял, прижимая девушку к стене.

— Меня.

— Да. Вот тогда-то он и швырнул тебя ко мне, чтобы я избавился от тебя к чертовой матери. Я не задавал вопросов, потому что меня это не волновало. Я был в оцепенении. Все было словно в тумане. Я даже не знаю, говорил ли я тебе что-нибудь.

— Ничего. Ты просто вывел меня на улицу и ушел прочь.

— Я был в шоке.

— Безусловно. Теперь я чувствую себя плохо. Блин. Но, он же мог вернуться. Он мог бы отыскать меня. Моя мама каждый день уговаривала меня поговорить с ним. Она так боялась, что я останусь одна, — постаралась я объяснить больше себе, чем ему. Я просто пыталась осмыслить все это. — По крайней мере, у него была веская причина вышвырнуть меня в тот день. Это уже что-то, правда?

— Зазен никогда бы такого не сделал.

— Нет, сделал бы. Он и сделал. Пи, не делай этого. Помнишь, что произошло в прошлый раз? — спросила я, глядя, как она вращалась на животе, на журнальном столике. Она остановилась, а я подошла к DVD плееру, нашла мультик и включила его, чтобы избежать рекламных роликов.

— Да, этот, — воскликнула она, когда я в тысячный раз включила Ральфа. Она была таким сорванцом.

— Что? — спросила я, посмотрев на Блейка. Он пристально наблюдал за мной из кресла и выглядел при этом таким же потерянным, как и я.

В замешательстве он откинулся на спинку и сказал

— Я не знаю. Не знаю, что и думать. Я все думаю о Саре. Это ее убьет. Не могу поверить, что Холден ей изменял. Это так на него не похоже. Он по-прежнему очень любит свою жену.

— Ну, могу тебя заверить, что так и было. По крайней мере, так говорила моя мама. И поверь, она никогда не лгала мне.

— Когда она умерла?

— 28 мая 2014 года

— Ты появилась тут в мае, — нахмурился Блейк.

— Да, я приехала сюда в день ее смерти. В тот день я столкнулась с тобой, потому что убегала. Я сбежала из больницы еще до того, как они отправили ее в морг.

— Ты серьезно? Господи, Макайла. Не было никакого бывшего парня? Все те слезы были не из-за бывшего возлюбленного? Почему ты мне не рассказала?

— Не знаю.

— Что ты там делала?

Я пожала плечами.

— Я хотела найти Холдена. Он был единственным, на кого я могла злиться. Он мог бы нам помочь. У него куча денег, а моя мама ни копейки у него никогда не просила. Он мог бы помочь. Мы потеряли свой дом, когда больничные счета стали непомерными.

— Зазен помог бы вам, Макайла. Он не такой. Ну, не был таким. Судьба-злодейка ожесточила его немного, но, даже если он не знал тебя, он бы помог. Это убьет Сару. Не думаю, что нам стоит говорить что-либо. Не могу поверить, что он мне не рассказал.

— Вы с ним близки?

— Наверно, ближе, чем кто-либо другой. Большую часть времени он сам по себе. Конечно же, Райан все время целует его задницу.

— Задница.

— Ну почему ты это делаешь? — спросила я, шлепнув по попке, лежащую передо мной на журнальном столике Пи. Она не обратила на меня никакого внимания. И почему она слышит только плохие слова?

— Ты так хорошо с ней обращаешься.

— Потому что она заслуживает этого. Я хочу знать, почему Фарра. Я ее ненавижу.

— Я тоже ее ненавижу, — решила Пи, пересев ко мне на колени.

— Не говори так.

— Ты говоришь так, — упрекнула она.

— Но я взрослая, а ты еще маленькая. Сиди здесь и смотри мультики. Я приготовлю тебе обед, пока ты не заснула.

— Я не пойду спать, — заверила она меня. Когда я посадила ее на диван, Пи выглянула из-за меня, чтобы посмотреть свой мультик.

— Мне нужно накормить ее, прежде чем она уснет. Говоря о Райане, он ждет, что я встречу с ним внизу. Что мне ему сказать?

— А что, если ты пойдешь?

— Теперь ты хочешь, чтобы я пошла на свидание с Райаном? — спросила я, доставая из холодильника остатки вчерашнего ужина. Мы собирались поесть в нашем маленьком лесочке, но я больше не захотела идти гулять, а Пи не упомянула об этом.

— Райан что-то замышляет. Что-то происходит, и я не могу понять что.

— Помимо того, что он хочет получить твое место?

— И тебя.

— Он не хочет меня. Он даже не обращает на меня внимания.

— Райану нужно все, что есть у меня. Он всегда этого хотел.

— Почему? Откуда он появился? Как он оказался у Зазена?

— Дженни помогла ему. Он также хотел и Дженни.

— Райан хочет заполучить твое место. Он думает, ты его не заслуживаешь.

— О, я знаю. Он всегда этого хотел, но по какой-то причине он хочет подружиться с тобой. Он хочет привлечь тебя на свою сторону и думает, ты ненавидишь меня. Он этим воспользуется.

— Я действительно ненавидела тебя. Ты был не очень хорошим отцом.

— Я знаю. Потому что не чувствовал ее. Я боялся этого. Что если она тоже уйдет? Я не смогу пережить это снова.

— Да, я понимаю. Думаю, я этого не чувствовала. Она была моим единственным спасением. Если бы не Пи в те первые несколько недель, я неуверена, что пережила бы это.

— Как бы я хотел, чтобы ты мне все рассказала.

— Зачем? Ты заботился только о том, чтобы мне заплатить.

— Не знаю, что сказать. Я — идиот. Ты права. Я просто хотел использовать тебя, чтобы снять стресс и сосредоточиться на том, что происходит на работе. Но это не сработало, Макайла, — сказал Блейк, подходя ко мне, — С самого первого раза, как прикоснулся к тебе, я знал, что играю с огнем, но мне было наплевать. Я хотел обжечься. Я не испытывал такой страсти с того самого дня, когда Дженни Линн Холден переступила порог школы моего отца.

— Ей было двенадцать?

— Да, нам обоим было по двенадцать.

— Ты потерял свою вторую половинку, — сказала я, когда микроволновая печь издала сигнал.

— Может быть, я нашел ее, — возразил Блейк.

— Давай, Пи, иди сюда и поешь свои куриные палочки, — позвала я, мне нужно было обдумать последнюю фразу. Блейк был мужем моей сестры. Я занималась сексом с мужем своей сестры. Разве это не странно? Если это так... Почему мне снова этого хотелось? Почему я хотела заниматься этим всю оставшуюся жизнь?

Вместо того чтобы ответить на комментарий по поводу второй половинки, я спросила о своем свидании.

— Что ты хочешь, чтобы я делала с Райаном?

— Не знаю просто иди и посмотри, может, что-нибудь заметишь. Он точно что-то задумал. Это продолжается уже в течение нескольких месяцев. Я просто не могу понять что.

— Ему нужен твой кабинет и должность.

— Еще что-то, кроме этого. Райан — змея, он сделает все что угодно, чтобы обскакать меня и оказаться во главе. Я готов просто отдать ему это.

— Почему твоя мама живет в Теннесси? Разве ты вырос не здесь, в Нью-Йорке?

— Да. Мы переехали сюда, когда мне было три года. Мой отец приехал сюда, чтобы работать в Конли. Вся моя семья вернулась обратно в Теннесси.

— Я чувствую, что должна поговорить с ним. Мне необходимо простить его за то, что он бросил меня в тот день.

— Ты должна. Это будет тяжело для Сары, но она тоже должна знать.

Я согласилась с этим. Чего я не знала, так это, насколько вскоре усложнится моя жизнь. Ничто или никто не были теми, кем казались. За исключением Пи, конечно. Подождите. И она тоже решила я, наблюдая, как она плыла по полу за своим обедом. Она была рыбой. Она тоже была маленькой обманщицей.

Глава двадцать седьмая

Старые пружины матраса закрипели, когда я резко села в кровати. Конечно же! И почему я до этого не додумалась? Почему не поняла этого? Тьфу. Я была такой глупой. Я вскочила и, отодвинув занавеску, выглянула в темноту. Черт. На улице все еще было темно. Мой взгляд метнулся к цифрам на электронном циферблате, показывая мне, что еще не было

и трех утра. Отлично.

Собрав свои немногочисленные пожитки, я через голову натянула толстовку и вышла на улицу. Теперь надо было узнать, где я находилась и в какую сторону идти. Я посмотрела на задымленное небо и обратилась к своей маме, чтобы она указала мне путь.

— О, и проверь Пи для меня тоже, ладно? — громко попросила я, когда мимо меня проходил какой-то бездомный. В настоящий момент у меня были все основания вести себя, как сумасшедшая. По тихой утренней улице проехало несколько машин. Асфальт был мокрым после дождя, но я не слышала его, пока спала те пару часов, которые мне удалось урвать. Нажав кнопку пешеходного перехода, я посмотрела на карту города. Я была, по крайней мере, в сорока пяти кварталах от станции KSTV. Сколько времени потребуется, чтобы туда добраться?

По дороге до телестанции я размышляла, что произошло бы, случить нам с Блейком выработать совместный план раньше.

На этот раз я была похожа на мать наседку, особенно когда Пи расплакалась, чтобы я не уходила. Я не хотела оставлять ее и боялась, что Блейк не будет знать, что с ней делать. Он не знал ее так, как я.

— Ладно, он почти уже приехал. Мне пора идти, — сказала я Блейку.

— Я тоже идти, — воскликнула Пи и побежала за обувью.

— Нет, малышка. Ты останешься с папочкой. Время ложиться спать. Он почитает тебе сказку.

— Нет, Микки читает сказку.

— Микки нужно ненадолго уйти. Я скоро вернусь.

— Пи тоже идет, — захныкала она. Блейк взял ее на руки, и она расплакалась. У меня сердце кровью обливалось. Я взяла ее из рук Блейка и стала успокаивать, поглаживая по спинке и обещая вернуться до того, как она проснется. Это было так трогательно.

— Не целуй его, — предупредил Блейк, забрав у меня Пи. Я улыбнулась, а потом еще раз улыбнулась, когда он наклонился и поцеловал меня. Это был не настоящий поцелуй, а просто сладкий поцелуй на прощание. И тогда, возможно, я подкупила Пи шоколадом. Я не могла оставить ее плачущей. У меня сердце разрывалось от ее слез.

— Я не могу сделать этого. Теперь я буду нервничать рядом с ним, — я развернулась обратно.

— Да, можешь нервничать. Кого волнует? Ему это понравится, это потешит его эго. Он любит запугивать людей. Так, дайка мне свой телефон.

— Что ты делаешь?

— Устанавливаю фронтальную камеру. Все, что тебе нужно будет сделать, это включить ее и положить телефон на стол или держать у себя на коленях. Никто ничего не заподозрит.

Сказать, что я нервничала — ничего не сказать. Несомненно, Райан что-то замыслил. Он настойчиво взял меня за руку, пока метрдотель вел нас к зарезервированному столику. В зеркале, украшавшем квадратный столб посередине зала, промелькнуло отражение, которого я не узнала. Микки Карли была не той девушкой, которая носит дизайнерские платья. Я совсем не узнавала ту особу, шедшую за руку с мужчиной, который мне даже не

нравился. Вот когда я подняла глаза и остановилась, как вкопанная. Как он мог?

— Ой, забыл упомянуть, что мы будем ужинать с другой парой. Я не думал, что ты будешь против.

— Нет, все хорошо, — солгала я. Это совсем не хорошо. Вот дерьмо.

Я посмотрела на Барри Холдена с тем же выражением шока, с каким он смотрел на меня, а затем взглянула на его красивую жену. Я ее совсем не такой себе представляла. Думаю, я считала, что она похожа на него, такая Снежная Королева. Она совсем не выглядела высокомерной. Она была красивой и чем-то напоминала мою маму.

Я сглотнула и затаила дыхание. О, Боже. Началось.

Миссис Холден встала и взяла обе мои руки.

— Я так рада с тобой познакомиться. Я никого больше не встречала из офиса. Я — Сара, — тепло улыбаясь, сказала она.

— Ой, я не работаю в офисе. Я — Микки, я работаю на Блейка, — ответила я, наблюдая, как выражение ее лица стало более заинтересованным, когда она поняла, что я не новенькая симпатичная секретарша.

— На Блейка? Ты работаешь в его офисе?

— Нет, в его доме, — нервно ответила я и к тому же глупо захихикала, — Я его няня. Я присматриваю за Пи. То есть Лондон.

— Понятно. Ох, присаживайся, — сказала Сара, когда ее осенило, что остальные участники нашего ужина ожидали, когда дамы займут свои места. Я перевела взгляд на Барри, и он представился, как Зазен, и протянул руку. Райан отодвинул для меня стул, и я заказала бокал Royal Grady. Холден хмуро посмотрел на меня, и я ясно дала ему понять, что не знала об этом.

Можно было бы подумать, что ужин прошел ужасно неловко, но это не так. Совсем не так. Мы с Сарой сразу же почувствовали особую связь. Я знала, что она пережила такую же ужасную боль, что и я. Я видела это в ее глазах. Райан из кожи вон лез, пытаясь удержать внимание Холдена, но тот был более заинтересован в том, что говорила я. Он уделял пристальное внимание ответам, которые я давала его жене.

— Значит, ты работаешь на Блейка Коуста?

— Да, присматриваю за его дочерью.

— Лондон, — Сара улыбнулась. Я улыбнулась и кивнула, — Я не видела Лондон с вечеринки в честь ее первого дня рождения, и это было на телестудии KSTV. Думаю, в действительности, я не видела ее с тех пор, как ей было два месяца от роду. Сколько ей сейчас, три или около того?

— Да, ей только исполнилось три года. У меня есть фотографии, — похвасталась я, доставая свой смартфон. Пальцем я листала снимок за снимком, а Сара комментировала каждый из них. Я рассказала, какой умной она была, самой лучшей малышкой. — Если план А не работает, есть еще двадцать пять букв. В этом вся Пи. Она такая упорная, но все еще глупенькая. Она не может позволить, чтобы что-нибудь взяло верх над ней, — улыбнулась я, глядя вниз на фото Пи, вытирающую тряпкой сок, который сама же и разлила. Я совсем не нервничала рядом с Холденом и Сарой. Я собственными глазами увидела то, о чем говорил Блейк. Холден действительно любил свою жену.

Я наблюдала за тем, как он смотрел на нее, как накрывал своей рукой ее руку, лежащую на столе, и как восхищенно улыбался ей. Мне нравилась Сара, но я все еще ненавидела ее мужа. Я могу понять, что он только что получил ужасные новости, когда я решила

признаться ему, что являюсь его дочерью. Я понимала это. Но я не могла простить того, как много других вещей он мог бы сделать. Я тоже через это прошла. Я точно знаю, через что прошел он, все эмоции, которые ему пришлось испытать, ежедневная борьба, борьба с собой, чтобы встать с постели, каждый божий день после. Я не могла представить себе, что справилась бы без Пи. Возможно, я бы умерла. Но чего я не понимала, почему он не вернулся. Несмотря на то что случилось с Дженни, я все еще была жива, и он знал это.

Я выпила два бокала вина и наслаждалась общением в основном с Сарой. Пианист был потрясающим, и атмосфера — немного эмоциональной. Я испытывала какие-то чувства, которые не могла объяснить, может дело было в мерцающем свете в темном зале, может — в музыке, а может в том, что происходило вокруг меня. Чувствовалась какая-то печаль, но в хорошем смысле, если в этом вообще был смысл. Просто было странное ощущение.

Райан внимательно наблюдал за нашим общением, особенно, когда Холден разговаривал со мной. Он разговаривал со мной, как школьный психолог, расспрашивая о моих планах на будущее, моих целях и мечтах. Я отвечала на его вопросы, стараясь не грубить, и снова возвращалась к беседе с Сарой. Обсуждать пианиста с Сарой было намного проще, чем сдерживать себя, чтобы не закатить глаза от каждого вопроса, заданного Холденом с фальшивым интересом.

Мне было хорошо до тех пор, пока я не услышала Шепот Сары. Мое внимание привлек маленький латиноамериканский мальчик, сидевший за роялем, и я почувствовала то, что чувствовал он. Воспоминания обо мне и Блейке, смешанные с воспоминаниями о моей маме, вспыхивали у меня в голове. Я не слышала ничего кроме Шепота Сары, ее молчаливого голоса, молившего о жизни через чьи-то другие руки.

— Извините, — сказала я, встав, прежде чем пианист дойдет до части о смерти в конце этой тяжелой мелодии. Мне нужно было выйти на воздух. Нужно было выбраться оттуда, подальше от музыки и от мужчины, который отказался от меня в тот момент, когда моя мама хваталась за ускользающую от нее жизнь.

Я вышла на прохладный вечерний воздух и села на скамейку. Свежий воздух обжигал мои легкие, а я пыталась понять, что только что произошло.

— Я знаю, кто ты, — раздался позади меня знакомый голос.

— Знаете? — спросила я, взглянув на Сару. Я оставалась сидеть посередине скамейки, когда она села рядом со мной.

— Не дадите мне доллар, мэм, пожалуйста? — обратилась, подошедшая ко мне пожилая бездомная женщина.

— У меня нет доллара, но есть купон на бесплатный Биг-Мак. Можете взять его, — предложила я, доставая купон из своего клатча. Я вырвала его из газеты, которую просматривала, пока ждала Райана, — Он действует до субботы.

— Ты добрая душа, Макайла, — сказала Сара, взяв меня за руку.

— Так кто же я? — спросила я, глядя на женщину ненамного старше моей мамы.

— Ты дочь Барри. Он рассказал мне об этом в тот день, когда встретил тебя в ресторане отеля.

— Он знал об этом раньше.

— Я знаю. Он сказал мне, что ты пришла к нему в тот день, когда умерла моя Дженни. Он пытался защитить меня. Но я знала, что у него был роман с твоей мамой. Я очень хорошо это знала.

— Вы знали? И не были против этого?

— Теперь нет. Тогда наш брак испытывал тяжелые времена. В то время мы постоянно ругались. Я давным-давно его простила. Я твердо верю в судьбу. Я верю, что для всего, что происходит на земле, есть причина. Я искренне верю, что мы должны были пройти тот цикл в нашем браке, чтобы прийти к этому. Может, чтобы получить тебя, — Сара пожала плечами. Как будто вся боль и все страдания имели цель. У моей мамы должен был случиться летний роман с Холденом, чтобы родилась я. Она должна была научить Дженни играть на пианино, чтобы та встретила Блейка. Она должна была умереть, чтобы я нашла Пи. Верила ли я в это? Если это так, то какой смысл во всем этом? Почему нужно пережить все это? Ради чего? Жизнь такая непредсказуемая.

— Ради Пи. Я должна была быть здесь ради Пи, — я тоже в это верила. Настоящая принцесса была единственной, кто смог почувствовать горошинку. Именно настоящая принцесса показала королевской семье, что происходит у них в душах. Истерзанная душа, появившаяся на пороге, осталась единственной искренней душой. Она была единственной настоящей.

— Ты в порядке? Мы можем ехать, — сказал Райан у нас за спиной. Не уверена, зачем он это спросил. Как только он задал вопрос, его навороченная машина подъехала ко входу в ресторан.

— Я бы хотела снова пообщаться с Вами. Мне очень хочется побольше узнать о Дженни, — сказала я, обращаясь к Саре.

— С удовольствием. Я знаю, что ты еще не готова, но надеюсь, что ты сможешь найти в своем сердце прощение для него.

Я улыбнулась Саре, но не ответила. Я не знала как. Я еще не была к этому готова. Открытые раны были по-прежнему слишком свежи. Не в тот день.

Райан неожиданно рванул с места, влетев в транспортный поток и продемонстрировав городу мощь своего автомобиля, отчего моя голова откинулась на подголовник.

— Вы с миссис Холден, кажется,ладили. Она очень хорошая женщина, — заявил Райан. Он сказал это не от чистого сердца, как Блейк. Блейк искренне беспокоился о семье Холденов. Я уверена, что Райан — нет.

— Да, она очень хорошая.

— Хорошая. Так ты хорошо себя чувствуешь? Хочешь поехать ко мне на ночь? — спросил Райан, положив руку на внутреннюю поверхность моей обнаженной ноги. О, черт, нет.

Моя рука потянулась к его, чтобы остановить ее движение вверх,

— Нет, я не очень хорошо себя чувствую. Думаю, нам стоит попрощаться, уже поздно.

— Я мог бы заставить тебя почувствовать себя лучше, — предложил он, скользнув своей рукой вверх по моей ноге. Я почувствовала, как его палец или что-то пощекотал меня прямо над клитором, и оттолкнула его руку.

— Я тебя почти не знаю. Я даже не знаю, почему у тебя возник ко мне такой внезапный интерес. Раньше ты никогда не обращал на меня внимание.

— Да, иногда тебя просто сбивает с ног сексуальное влечение, о котором ты и не задумывался. Понимаешь, о чем я?

— Нет.

Райан засмеялся и провел большим пальцем вверх-вниз по моей ноге.

— Из нас выйдет потрясающая команда.

— Правда?

— Точно. Я должен завтра уехать из города на пару дней с Холденом и Блейком, но вернусь в среду. Я бы хотел, чтобы ты познакомилась с моими родителями в эти выходные.

— Зачем? — Райан подвез меня к парадному входу отеля, пока я хмуро взирала на него. Встретиться с его родителями? Меня слегка передернуло от звука и быстрого движения его руки. Он дернул рычаг ручного тормоза и наклонился ко мне. Здорово.

Рот Райана коснулся моих губ, и он поцеловал меня. Действительно, по-настоящему поцеловал меня. Я притворилась, будто мне это нравится, пока мой разум пытался заставить меня наблевать ему в рот. Отстой.

— Увидимся, — сказала я, выскакивая из его машины.

Блейк был в ярости. Боже. Он действительно переживал за меня.

— Все. Ты больше этого не сделаешь. Я скажу ему, чтобы он отвалил. Почему ты не отвечала на звонки? Я писал тебе и звонил в течение двух часов. Я уже готов был идти тебя искать.

— У меня телефон разрядился. Ты ведь заставил меня все записать. Ты был прав, Райан что-то замышляет.

Я протянула свой телефон, и Блейк сразу же стал просматривать видео.

— Нет никакого видео, только фото лампочек.

— Блин. Я забыла нажать другую кнопку. В любом случае, он ничего не говорил, ничего важного; в основном о работе. Ты никогда не догадаешься, с кем мы ужинали, — воскликнула я. Я сама до сих пор в это не верила.

— С кем?

— С Холденами. Ты не говорил мне, что Сара такая хорошая.

— Что? Райан повел тебя на ужин с Сарой и Холденом?

— Да, он не сказал мне об этом. Прежде чем я поняла, я уже была за столом. Я не знала, что говорить. Но благодаря Саре я совсем не чувствовала неловкости. Она была такой милой. Она знает, кто я.

— Как она узнала?

— Холден рассказал ей после того, как я встретила его в ресторане. Она давно знала романе.

— И она все это сказала тебе в присутствии Райана?

— Нет, мне нужно было подышать воздухом, и она последовала за мной. Она попросила меня встретиться с ней за обедом. Я собираюсь взять с собой Пи, она ее полюбит.

— Это не очень хорошая идея. Я не хочу, чтобы Пи находилась рядом с Сарой.

— Почему? Ты же сказал, что она самая лучшая женщина, которую ты знаешь. Почему ты не хочешь, чтобы она общалась с Пи? — спросила я. Я этого не понимала. Почему он не хотел, чтобы Пи была рядом с Сарой?

Я махнула рукой проезжающему мимо такси как раз вовремя, потому что снова начался дождь.

— До станции KSTV.

— Какой именно, дамочка?

— Эм, и сколько их?

— Две. Есть телевизионная станция на сорок второй и радиостанция на Франклин. Куда именно? — раздраженно спросил старый таксист.

— На сорок вторую, — ответила я. Я не могла понять, почему Фарре она так сильно была нужна? Она никогда не была ей матерью. Ей нельзя было позволять иметь ребенка. Никогда.

Телевизионная станция занимала целый квартал, и я заставила водителя высадить меня у парковочного гаража. Я подождала пока сторож выглянет, чтобы забрать наличку, и зашла за его маленькую будку охраны. В гараже было темно, за исключением ранней пташки, приехавшей на работу. Я мысленно сделала себе пометку никогда не работать на телевидении, потому что это отстойно, приезжать каждый день в такую рань на работу. Стоя за бетонной балкой, я смотрела на белый знак, указывающий на парковочное место Фарры. Что, если ее там нет? Нет. Она придет. Она должна приехать. Я буду ждать несколько дней, если придется. Она появится здесь.

Я повернулась в другую сторону, когда заметила черный Порше, подъехавший прямо к лифту. Я должна была догадаться. Но почему? Я подождала, когда мощный двигатель заглохнет, и окликнула ее, пока двери не закрылись.

Я заскочила в лифт за Фаррой и направила на нее тубу от детских конфет M&M. Круглый конец трубки от конфет идеально выпирал из кармана моей толстовки

— Что ты хочешь? — спросила Фарра, ощущая ствол пистолета, прижатого сбоку к ее ребрам. Я видела, как она дрожит, она была напугана. — У меня ничего нет.

— У тебя есть ответы.

— Ты! Где моя дочь? — спросила Фарра, когда услышала мой голос. Я чуть сильнее надавила на ее ребра трубкой от конфет, — Не убивай меня. Я расскажу тебе все, что ты хочешь знать. Я даже не хотела быть частью этого.

— Частью чего, Фарра? Какой частью?

— Где Лондон? С ней все в порядке?

— К чему этот вопрос? Потому что ты переживаешь? Отведи нас наверх, — приказала я, угрожая своими M&M's.

Фарра нажала кнопку, и мы быстро поднялись на девятый этаж. Я заставила ее поторопиться, слегка подтолкнув своим детским M&M пистолетом. Она застучала каблуками по бетонному полу, как искусительница, и сделала то, что было велено.

— У тебя и так достаточно неприятностей помимо убийства, — заявила Фарра.

— Заткнись. Думаешь, мне есть до этого дело? Думаешь, я не пристрелю тебя прямо здесь? — спросила я. Господи. Вот это да. Успокойся, девочка, успокойся. Откуда бы это не взялось во мне, но это сработало.

— Ладно, прости. Что ты хочешь? — спросила Фарра, задрожав от внезапного страха смерти.

— Почему ты связалась с Райаном?

— А ты как думаешь?

— Ты, что не чувствуешь ствол этого пистолета?

— Чувствую, но что ты хочешь, чтобы я сказала? Думаешь, я глупая. Он был влюблен в тебя. Уверена, Блейк рассказал тебе о нас.

— Нет. Не рассказал. Он рассказал мне о Дженни.

— О, да. Бедняжка Дженни, — пропела Фарра. Я отступила назад, когда она развернулась. Она фыркнула и прислонилась к стене, скрестив свои длинные ноги в лодыжках. Тут впервые я увидела, какой красивой она была. Поразительно, насколько уродство души портит человека. Фарра могла бы заполучить любого мужчину, которого пожелала бы. Она была успешной, целеустремленной и великолепной. Но я чувствовала, что Фарре не нужен был любой мужчина. Она хотела лишь одного.

— Что Блейк рассказал тебе? Я буду честна. Скажи, что он говорил обо мне.

— Не льсти себе. Он о тебе не говорил.

— Я не понимаю. Он не мог любить меня из-за Дженни, а потом появилась ты, и все повторилось, словно дежавю. Мой тебе совет, Макайла, — сказала Фарра, намеренно делая акцент на моем имени и одновременно рывком откинув волосы назад, — Не обольщайся. Речь идет о деньгах. А не о тебе. Это из-за наследства Холдена. Не из-за тебя.

— Мне не нужны эти деньги, и Блейку тоже.

— Вот тут ты ошибаешься, принцесса. Блейк Коуст всегда ставил работу превыше всех. И к Лондон это тоже относится, ну, по крайней мере, так было, пока не появилась ты. Теперь, ни с того ни с сего он хочет получить титул отца года? Большинство родителей ведут борьбу за получение опеки. Мы боролись за то, кто ее заберет. Никто из нас не хотел этого.

Это меня взбесило.

— Тогда зачем ты родила ее? Почему не отдала тому, кто любил бы ее? Какая мать сделает такое с ребенком?

— У меня не было выбора.

— Что значит у тебя не было выбора?

— Я хотела отказаться от нее. Я хотела отдать ее Холденам в тот же день, когда она родилась. Блейк не позволил мне.

— Почему ты хотела этого? — задумавшись, спросила я. Я не понимала. Как бы сильно я ни старалась понять, как мать может так обращаться с собственным ребенком, я все равно не понимала. Может я провела меньше восемнадцати лет со своей мамой, но я никогда не стану такой матерью, как Фарра.

Глава двадцать восьмая

— Если бы ты была такой умной, какой себя считаешь, ты бы уже сообразила, Эйнштейн. Подумай об этом. Когда Лондон родилась?

— Восьмого сентября, — ответила я, чувствуя будто это у Фарры был пистолет.

— В каком году? — допытывалась Фарра.

— 2010. А что?

— Дженни умерла в январе 2010 года. Как Блейк мог иметь от меня ребенка через восемь месяцев после смерти Дженни? Неужели ты действительно считаешь Блейка гулякой? Он не такой. Блейк относится к тем мужчинам, о которых мечтает любая девушка; умный, красивый, остроумный, успешный и богатый. И когда Блейк любит, он любит по-настоящему, сильно. Я хотела Блейка с тех пор, как впервые встретила его.

Я опустила руку, когда Фарра остановилась и глубоко вздохнула. Она заложила руки за голову и, сделав пару шагов, повернулась и посмотрела на меня, а потом заговорила, словно ждала целую вечность, чтобы рассказать кому-нибудь об этом, будто я была ее судом присяжных или что-то в этом роде.

— В первый раз, когда я увидела его, он меня не видел. Я не должна была там быть. Я сказала Дженни, что уеду на выходные домой. Но выпив больше, чем планировала в середине дня, я решила остаться в общежитии.

— Дженни так рассказывала о Блейке, как будто лучше его на свете не было. Если они не посылали друг другу СМСки, они разговаривали по телефону. Я знала, что к концу нашего первого семестра их школьная по-щенячьи трогательная любовь закончится, как только она начнет таскаться по вечеринкам. Но этого не случилось. У Блейка с Дженни была любовь, которая приходит лишь раз в жизни.

Я спала на своей кровати-чердаке, когда Дженни провела его тайком в нашу комнату. Я поняла, что они оба были пьяны, но это не помешало им быть слишком громкими. Именно той ночью я решила, что хочу Блейка Коуста. Дженни едва исполнилось восемнадцать, и я хотела быть ею. Невозможно описать, как эротично они занимались любовью и трахались передо мной. Между ними существовала какая-то мощная энергетика, даже я чувствовала ее.

— Я знаю, каково это, — заверила я ее.

— О, я знаю это. Я увидела это в самый первый раз, как взглянула на тебя. И это взбесило меня. Почему ты должна была занять ее место? Я единственная, кто отказалась от всего ради него.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Это потому что ты одна из тех беспечных людей, у которых все получается, потому что им просто везет, а не потому что они усердно работают и заслуживают этого.

— Я не согласна, — сказала я, опустив руки и держа ее телефон в одной руке. Я была полностью уверена, что она понимала, что я не стану убивать ее в данный момент. И она рассказывала мне больше, чем я ожидала, — Я считаю, что посеешь, то и пожнешь. Думаю, у нас разные понятия того, что может сделать нас счастливыми. Я хочу Пи. Это все, чего я хочу. Ты можешь забрать деньги. Мне не нужны ничьи деньги.

— Я не могу отдать тебе Пи.

— Почему?

— Райан меня убьет.

— Райан? Какое отношение Райан имеет к Пи? Ты ведь знаешь, что он подставил Блейка. Ты же знаешь, что он не крал никакие деньги у Холдена.

— Не важно. Когда оба вы будете за решеткой, ты и Блейк, я останусь единственным опекуном Лондон. Однажды Холден узнает правду. К тому времени мы будем жить на Бермудах, а Лондон будет где-нибудь в какой-то школе-интернате.

— Я не понимаю, как ты можешь говорить такое? Как ты можешь не любить ее и не хотеть больше всего на свете, чтобы она была в безопасности и счастлива? Она же твой ребенок. Мне никогда не понять этого.

— Позволь объяснить тебе простым языком. Я вынашивала Лондон в своей утробе в течение девяти месяцев. Это все. В этом заключалась моя роль. Это было моим хорошим поступком.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты и правда, такой тормоз? Лондон была зачата в пробирке. Мы с Блейком не занимались любовью, Лондон должна была стать их ребенком, а я должна была быть героем. Дженни заморозила свои яйцеклетки до того, как прошла первый курс лечения от рака. Лондон — ребенок Блейка и Дженни, а не Блейка и Фарры. Я хотела этого, для этого я использовала Лондон, но это не сработало. Блейк любил Лондон не больше, чем меня.

— Подожди. Ты говоришь, что моя сестра — мама Пи? — мое сердце бешено колотилось, пока я пыталась осознать, что она говорила.

— Да.

— Это значит, что я — ее тетя. Я заботилась о ребенке своей сестры? — спросила я, указывая на себя, пока мои колени начали дрожать. Теперь все встало на свои места. Я знала, что между нами была мгновенная связь. Что-то, что можно только ощутить, а не выразить словами. Я заботилась о ребенке своей сестры. Фантастика.

— Да, но это не имеет значения. Райан уже все продумал. Когда Холден узнает правду, ты будешь сидеть в тюрьме за мошенничество, как и ее отец, а еще и за похищение. Холден уже знает о твоей причастности. К твоему сведению, это было просто блестяще. Какое-то время Райан даже задумывался о женитьбе на тебе.

— Слава Богу, этого не произошло, — бойко ответила я.

— Было так легко заставить Холдена поверить, что ты и Блейк украли у него миллионы. Райан знал, что Блейк был увлечен тобой. Он сказал мне, что понял это сразу, как увидел тебя.

— Я знала, что Райан что-то замышлял. И Блейк тоже знал.

— Да, но вы были на шаг позади. Именно я сказала Райану, что ему это не сойдет с рук, — Фарра рассмеялась и скрестила руки на груди, — Ублюдок доказал, что я ошибалась. Никогда не думала, что настанет тот день, когда Райан Форд перехитрит Блейка Коуста. Это сработало. Райан разгуливает, как хозяин положения, а Блейк — за решеткой. Он хватил его за яйца, и Блейк ничем ему не сможет помешать.

— Почему Блейк не рассказал Холдену о Пи? Они знали, что она была у него. Что он им сказал? Сара бы полюбила Пи.

— Мне подсадили две оплодотворенные яйцеклетки первого декабря. Если бы они прижились, то Блейк с Дженни собирались объявить об этом своим родителям. На следующий день после того, как я забеременела ее ребенком, Дженни потеряла сознание на работе.

— Рак вернулся, — сказала я.

— Да, только на этот раз он образовался у нее в мозгу, и операция была невозможна. Я объявила Блейку о своей беременности в самый неподходящий день. Они подвергли Дженни всевозможному лечению, и она плохо себя чувствовала. В тот день она была очень больна. Блейк был в не себя. Он не хотел, чтобы я говорила ей, но я должна была. Она была очень больна и заслуживала услышать хорошие новости, и я думала, может это поможет ей выжить. Ну, если бы она очень хотела Лондон, она бы не умерла, понимаешь? Она должна была бороться, но не боролась.

— Ей дали три месяца. Она прожила чуть больше месяца, после того, как ей поставили диагноз опухоль мозга в последней стадии. Я никогда не говорила Блейку, что рассказала ей. Он не знает, что она знала, но Райан знает. Он стоял за дверью. Он подслушал.

К тому времени Фарра рассказала мне больше, чем я просила; она на самом деле вытирала слезы.

— Ты должна все исправить. Ты должна помочь мне вернуть Пи. Ты знаешь, что я забрала ее, потому что тебе она была не нужна. Единственная причина, по которой ты согласилась на это, заключается в деньгах и власти. Ты ее не любишь. Ты должна помочь мне вытащить Блейка из тюрьмы, ему там не место, и ты это прекрасно знаешь. Сделай это ради Дженни. Она не хотела бы для своего ребенка такой жизни. Дженни хотела, чтобы ее

дочка была счастлива.

— Это все уже не имеет значения, малышка. Все дело в деньгах и власти. Дело сделано. Как только Райан расскажет Холдену о его внучке, тот собственными руками повесит Блейка.

— Холден не поверит этому. Он не может. Он знает, что Блейк никогда ничего не заберет у него.

— А вот тут ты ошибаешься. Он уже думает, что последние пять лет Блейк воровал у него деньги; твоё появление, только помогло. Миллионы долларов находятся на обезличенном банковском счете в Швейцарии. Внезапно давно потерянная дочь Холдена появляется с парнем, которого он ненавидит больше всего, и бац, вот оно. Все деньги были помещены на подозрительный счет на имя Макайлы Карли. Это заняло меньше пяти месяцев с твоего появления; через три месяца за вами начали следить.

— Райан сделал все это назло? Это не имеет никакого смысла.

— Имеет, когда у Блейка было все, чего он хотел. Включая Дженни.

— Райан был влюблен в Дженни?

— Да, теперь понимаешь, что я имела в виду, говоря бедняжка Дженни?

— Нет. Я вижу слишком много злобы и зависти, и меня тошнит от этого. Это моя жизнь. Это жизнь Блейка. Ты знаешь, что его подставили. Ты знаешь, что Пи принадлежит мне. Ты должна сделать заявление. Это твой шанс все исправить. Сделай это, Фарра, — взмолилась я. Я предоставила этой стерве возможность проявить себя. Она его упустила.

Фарра начала смеяться надо мной.

— Конечно. Я прямо сейчас пойду и выступлю по телеканалу, которым владеет моя семья. Ты проиграла. Ты не получишь Блейка, ты не получишь Лондон, и ты не получишь Райана. Все кончено. Ты проведешь очень много лет за решеткой. Мы с Райаном уберемся из Нью-Йорка к чертовой матери, а Лондон вернется в Шеффилд. Игра закончена.

— На этом все, друзья. С вами была Микки Карли в прямом эфире, здесь на телестудии KSTV. Хотите что-нибудь добавить, мисс KSTV? — я улыбнулась в камеру ее собственного телефона, а затем направила его на нее. Она застыла, как вкопанная, когда поняла, что я на самом деле записала все, что она только что сказала.

— Ты, на хрен, издеваешься? Отдай мне мой телефон, — взвизгнула Фарра, потянувшись за ним. Мои походные ботинки позволяли мне двигаться быстрее, чем ее пятнадцатидюймовые каблуки, и я отскочила на несколько футов.

— Тебе, вероятно, стоит закричать, — предложила я, водя своими большими пальцами по экрану, — Не могу поверить, что на твоём телефоне не установлен пароль. Знаешь, при всей твоей власти и все такое. Ты не захочешь, чтобы он попал не в те руки.

— Отдай мне мой телефон. Что ты делаешь?

— Подожди. Я верну его тебе. Я лишь по-быстрому загружу это видео на YouTube. Не переживай, это делается очень быстро.

— Ладно, ладно. Чего ты хочешь?

— Я хочу забрать твоего ребенка. У меня не было намерения использовать это, когда я дала тебе шанс сделать все правильно. Но ты отказалась.

— Я сделаю. Ты не можешь это опубликовать. Это семейный бизнес. Я не могу быть замешанной в этом.

— Но ты сказала, что хочешь уехать отсюда, убраться из Нью-Йорка. Ой, ладно. Вот, держи. Мне пора идти, но это был один из лучших разговоров в моей жизни. Увидимся, —

сказала я, протягивая ей ее телефон, — Если бы я была на твоём месте, то не стала бы пока звонить копам.

— Ты не можешь выставить это видео.

— Уже выставила. Как думаешь, сколько времени займет его активация? Может мне стоит позвонить одному из твоих конкурентов. Могу поспорить, они ухватятся за эту историю. Как думаешь, сколько просмотров я получу? У тебя есть немного времени, если хочешь признаться во всем своей семье или еще что. Я ограничила доступ. Пока его никто не может видеть. До тех пор, пока у меня не будет Пи.

— Прости. Я отдам тебе ребенка. Я дам тебе все, что ты хочешь.

— Это все, Фарра. Мне ничего не нужно. Я хочу вернуть свою семью. Я хочу Блейка и Пи.

Это были мои последние слова Фарре. Я рванула вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. Я не боялась, что она позвонит в полицию. Мне было наплевать, если она уже позвонила.

Повязав толстовку вокруг талии, я шла по улице с гордо поднятой головой. Может это тоже должно было произойти, как и многое другое. Если бы мы с Блейком и Пи сбежали, Райан с Фаррой по-прежнему оставались бы злодеями. Но была одна вещь, которой я все же не понимала. Почему Блейк не рассказал Холдену о Пи? Они имели право знать. Почему он не рассказал мне? У него было много возможностей рассказать, что Пи была моей племянницей. Он мог сказать об этом в тот вечер, когда я познакомилась с Сарой. Я выложила перед ним все карты, как и перед Сарой, а он решил не делать того же. Почему? Неужели все это зря? Пи была моей семьей, моей настоящей семьей. Как бы там ни было. Это очень много значило для меня. Одно ясно, Фарра была права, когда Блейк любил, он любил действительно по-настоящему, сильно.

Находясь наедине с Блейком в его комнате, я спросила.

— *Почему вдруг я нервничаю рядом с тобой?*

— *Потому что я собираюсь заставить тебя кончить, — заверил меня Блейк.*

— *Теперь я чувствую себя странно, — сказала я, останавливая медленно надвигающийся поцелуй.*

Блейк продолжил снимать с меня одежду, которую я не позволила бы снять Райану. Нет. Подождите. Я сама сняла ту одежду, мы с Блейком оба были в баскетбольных шортах. Я уже переоделась.

— *Странно?*

— *Да, будто я обманываю или типа того.*

— *Райана?*

— *Нет, идиот. Дженни.*

— *Дженни умерла почти четыре года назад, — недоумевающе сказал Блейк. Я увернулась от него, и он опустил руки в поражении.*

— *Но теперь я знаю, что она была моей сестрой, а ты был ее детской любовью. Родственной душой.*

— *Ты даже не представляешь, как Дженни сейчас улыбается. Дженни безмерно счастлива, что ты здесь.*

— Расскажи мне о ней.

— Сейчас? — спросил Блейк с ярко выраженной эрекцией, выделяющейся из его баскетбольных шорт. Я села на его кровать и посмотрела на него. Ничего не могла с этим поделать. Я не пыталась испортить настроение. Я была не в настроении заниматься этим. У меня скопилось столько вопросов, и я хотела получить на них ответы. — Ладно, хорошо. Что ты хочешь знать?

Блейк придвинулся ко мне и, нежно целуя, повалил меня на кровать. Я думала, что мы покончили с разговорами, когда он уложил меня и навис надо мной. Мы целовались, и любовь, которой я жаждала эмоционально, постепенно пропитывала мое тело. Как только я почувствовала трепет между ног, Блейк перекатился на бок и улыбнулся мне.

— Что ты хочешь узнать? — повторил он. Мне нравилась эта позиция. Блейк был без рубашки в черных баскетбольных шортах. Я была без кофты в белых баскетбольных шортах. Мой светло-розовый лифчик подходил по цвету к двум розовым полоскам по бокам шорт. Рука Блейка покоилась на моем животе.

— Просто расскажи мне о ней. Какой она была?

Я заложила руки за голову, а Блейк закинул на меня ногу, прижав к себе. Я вздрогнула от удовольствия, когда он улыбнулся мне, задумавшись, что сказать. Его небольшая улыбочка превратилась в настоящую улыбку, когда он заговорил.

— Она была очень похожа на тебя.

— Правда?

— Да, вообще-то это здорово.

— В чем, например?

— Ну, она одевалась также, — объяснил он, обмотав небольшой шнурок вокруг своего мизинца.

— Неужели?

— Ага, даже, когда мы были женаты. Она все время заезжала ко мне в офис в баскетбольных шортах, чем приводила Холдена в бешенство.

— Теперь ты называешь его Холденом чаще.

— Да, полагаю, что так. Думаю, он нравился мне больше, когда был Холденом.

— Отцом Дженни?

— Да, — согласился он, целуя меня в губы.

— Что еще?

— Хмм, ну она была очень близка со своей матерью. Холден не хотел детей. Он хотел империю, поэтому, когда он согласился на Дженни, Сара знала, что другой возможности у нее уже не будет. Они были очень близки.

— Мне это нравится. Я тоже была близка со своей мамой. Я собираюсь быть такой же с Пи.

— Ты уже такая.

— Что еще? — улыбнулась я, — Ты лишил Дженни девственности?

— Да, я. Нам было по четырнадцать.

— Что? — спросила я, пытаясь сесть. Он засмеялся, удерживая меня своей ногой и сильной рукой, — Вам было четырнадцать?

— Да, и догадайся, где это произошло?

— Понятия не имею.

— На крышке рояля Августа Ферстера. Мы занимались музыкой.

— *Четырнадцать?!*

— *Да, четырнадцать. Может быть, мы знали, что у нас не так много времени, как должно быть. Надо было начинать раньше. — я была счастлива, что Блейк рассказывал мне о себе и моей сестре с такой любовью. Думаю, Блейк наконец-то смирился. Он мог говорить о Дженни без ненависти ко всему миру, забравшему ее у него. Он говорил о ней с большим восхищением.*

— *И вы продолжали заниматься этим после?*

— *Ну, да! До тех пор, пока ее мама не застучала нас, но, по крайней мере, нам было уже пятнадцать, а не четырнадцать.*

— *О, Боже, Сара застучала вас? Прямо, когда вы этим занимались?*

— *Ага, Дженни сидела на мне, двигаясь вверх-вниз, когда Сара наткнулась на нас. Мы не хотели этого делать, но это случалось довольно часто.*

— *Ты имеешь в виду, что не мог держать свои руки подальше от нее?*

— *Понимаешь, дело в том, что это Дженни была коварным подстрекателем. Она не могла держать свои руки при себе, — я снова улыбнулась. Так держать, Дженни. Я задавалась вопросом, можно ли это выработать в себе, или мне этого не дано. Я бы никогда не смогла держать все под контролем. Я бы умерла.*

— *И что сказала Сара?*

— *Она наорала на нас, позвала моего отца, угрожала, что закроет его школу, и забрала ее с уроков фортепиано.*

— *Но ты все равно виделся с ней?*

— *При каждом возможном случае. Сара знала, они все знали. К тому времени, как нам исполнилось шестнадцать, все вернулось на круги своя, и Дженни принимала противозачаточные.*

— *А она, ну знаешь.*

— *Что?*

— *Когда вы занимались сексом. Она проходила все до конца?*

— *То есть, кончала? Можешь произносить это слово. Оно не плохо. И да, она кончала. Именно поэтому она не могла держать свои руки при себе. Как только она узнала, что я могу заставить ее испытывать такое, она не могла насытиться. Ты будешь срывать с меня одежду, как только я появлюсь на пороге, — подразнил он, снова целуя меня.*

— *Я сомневаюсь, но можешь так думать, если хочешь. Что еще?*

— *Что ж, она была потрясающей пианисткой. Ее отец ненавидел, что она играла на этой тупой вещице. Он хотел, чтобы она освоила азы его бизнеса и заняла его место, чтобы править его королевством. Дженни меньше всего заботил бизнес. Она была независимой личностью, и никто не мог заставить ее стать кем-то другим. Поверь мне, Холден очень старался. Первый раз, когда она заболела раком —*

— *Я не хочу знать об этом, Блейк. Только счастливые моменты, а не грустные.*

— *Ладно, но первый этап ее болезни помог сыграть в этом роль, — сказал Блейк, потянувшись за своим телефоном. Мышцы на его животе напряглись, и я увидела выпуклость, выделяющуюся из его шорт, когда он вытянулся. Блейк перекатился на спину и притянул меня в свои объятия, держа телефон над нами, эта поза мне тоже нравилась. Я перевела свой хмурый взгляд с телефона на него. Facebook? Я наблюдала, как Блейк открывал страницу. Блейк был на ее странице Facebook. Я не видела его лица, но слышала улыбку в его голосе, пока он показывал мне страницу Дженни в Facebook.*

— У нее был только один друг.

— Потому что она ненавидела Facebook. Это началось как шутка однажды вечером, мы сделали это, чтобы посмеяться. Она создала обе страницы; мою и свою. Догадайся, каким был ее первый пост? — спросил Блейк.

— Я тебя люблю?

— Нет. Это было, только что поела винограда и села на лицо Блейка, — засмеялся он.

— Серьезно? — я тоже рассмеялась.

— Ага, такие безумные вещи она делала. Посмотри на это, — сказал он, скользая большим пальцем к одному из ее постов еще со старших классов. Это была фотография промежности учителя, стоящего перед учениками. Подпись под ней гласила, "Видишь, я же говорила, что у него большой". Я засмеялась и прочитала вместе с Блейком их шутовскую беседу по этому поводу. Блейк показал мне много страниц с постами. Это была такая счастливая, печальная история любви, особенно, когда ее посты пропали, и остались только его.

Я скучаю по тебе.

Я люблю тебя.

Я так больше не могу.

Я никогда не переживу этого.

Будь оно проклято, Дженни. Почему?

С днем рождения, детка.

Я тебя очень сильно люблю.

— Ладно, хватит, — сказала я, понимая, сколько душевной боли было в сообщениях, отправленных после смерти Дженни. У Блейка было почти четыре года, чтобы исцелиться, у меня меньше пяти месяцев. Я не хотела чувствовать ту боль и не хотела, чтобы Блейк ее чувствовал. Нам должно было быть весело, а не грустно.

— Подожди, вот что я хотел показать тебе, — сказал он, отвлекаясь от печальных дней его жизни. Блейк перешел к фотографиям, прокручивая их пальцем, и мы снова начали смеяться. Каждый раз, когда Дженни выставляла фотографию для своего единственного друга, она подписывала ее; обычно что-нибудь глупое, и все эти подписи относились к Блейку. Он остановился на снимке их обоих, с головами, украшенными всякими побрякушками.

— Хэллоуин? — спросила я, глядя на фото. Дженни была в странном, но все же красивом желтом блестящем платье. Было очевидно, что она лысая, но ее голова была скрыта под вязаной шапочкой. Серебристая шапочка была украшена сверкающими драгоценными камнями, а к ее платью была приколата бутоньерка в виде неоновозеленой маргаритки. Блейк был одет соответственно в серебристый смокинг с жилеткой и галстуком, того же цвета, что и зеленая маргаритка Дженни.

— Неа, выпускной. Дженни не хотела идти из-за своих волос. С помощью Сары я придумал эти костюмы. Видела бы ты ее лицо, когда я появился в своем костюме в вечер выпускного. Могу сказать, что она плакала, когда повернулась, чтобы посмотреть на меня из окна. Она вытерла слезы и прикрыла рот рукой, сдерживая смех. Сара принесла ее платье, и я сказал, что ее космический корабль отбывает через двадцать минут. Она заверила меня, что ей потребуется час, и я дал ей его.

— О, Боже, Блейк. Мне нравится, что ты сделал это для нее, но я по-прежнему не

понимаю, как ты мог так сильно любить кого-то, но не Пи. Помоги мне понять это.

— Я люблю Пи. Я боялся слишком сильно любить Пи. Что, если с ней что-нибудь случится? — я поняла, что именно это значило. Блейк боялся любить ее. — Это было легко, пока не появилась ты. Я не привык видеть ее играющей или смеющейся. Я думал, что должен лишь одевать ее в красивые наряды и учить ее быть леди. Я не хотел привязываться. На самом деле она ничего не делала, когда я был рядом, так что это работало.

— Да, ну это потому что она не умела говорить по-английски, тааак что, — остроумно объяснила я.

— Заткнись. Независимо от того, каким идиотом я был, я боялся слишком привязаться к ней.

— Я понимаю и не понимаю это, так что давай поедим мороженое.

— Что? — засмеялся Блейк, выключая свой телефон. — Вот почему я влюбился в тебя. Ты понятия не имеешь, насколько вы обе похожи. Ты заставляешь меня жить.

Глава двадцать девятая

— Я не знал, какое ты любишь. Я взял мятно-шоколадное, потому что такое любила Дженни. Я его ненавижу. Я также принес ванильное, клубничное и шоколадное, — сказал Блейк, внося поднос с мороженым из столовой.

— Я ненавижу мятно-шоколадное, но его любит Пи, прости.

— Тьфу, — засмеялся он.

К тому времени, как мы покончили с мороженым, наступила почти полночь, и я многое узнала о Дженни. Я очень хотела, чтобы у меня была возможность познакомиться с ней. Было бы здорово иметь сестру, которой можно было бы во всем довериться.

— Я рада, что ты настоящий принц. А то на мгновение я в этом засомневалась, — сказала я Блейку, ставя наши тарелки на журнальный столик.

— Я чувствую, что знаю, о чем ты говоришь, но все равно скажи.

— Ты словно пытался быть кем-то другим. Как Холден со всей этой личностью Зазена.

— Я пытался быть кем-то другим.

— Блейк? — тихо сказала я с боку его.

— Хмм?

— Я тоже люблю тебя.

— Правда?

— Очень сильно.

Блейк развернул меня на диване и скользнул ко мне.

— Я беспокоюсь о том, что ты такая молодая.

— Почему? А если бы мне было четырнадцать? — спросила я, прижав руку к его щеке. Блейк улыбнулся, точно зная, о чем я говорила. Это бы не имело значения. Между нами было что-то особенное, что даже возраст не изменил бы ничего; что-то большее, чем мы оба вместе взятые.

Блейк поцеловал меня и провел руками вверх по моим ребрам, стаскивая с меня его футболку. Я приподняла бедра, и он стянул с меня шорты вместе с трусиками.

— Скажи мне, что ты сейчас чувствуешь, — прошептал Блейк надо мной. Его рука скользнула вниз по моему бедру, и он проследил за ней взглядом. Я не могла ответить, но

подёргивание моего живота показало, насколько сильный трепет я испытывала.

— Просто поцелуй меня, — задыхаясь, сказала я. И он поцеловал. Все, что я чувствовала ранее, усилилось. На этот раз все было по-другому; все происходило, потому что он любил меня, а не потому что использовал. Я даже не пыталась подавить стон, не знаю, смогла бы я сделать это, если бы попыталась. — Блейк, презерватив, — выдохнула я, продолжая безумно целоваться с ним.

— Он нам не нужен. Ты на таблетках, а я ни с кем не был уже долгое время. Все в порядке, — сказал он между страстными мокрыми поцелуями.

— Нет нужен. Я не собираюсь рисковать.

Проклятье.

— Чем? — спросил он, выпрямляясь на руках и отстраняясь от меня.

— Чтобы забеременеть, — сообщила я очевидное.

— Никогда?

— Блейк, я думала, мы закончили с разговорами? — мой клитор, казалось, взорвется от трепета. Мои бедра танцевали, а мой пульсирующий бугорок жаждал внимания его пальцев. Почему он вообще решил, что я захочу дать жизнь ребенку в этом бардаке? Он только что рассказал мне самую печальную историю любви, моя мама умерла от рака, моя бабушка умерла от рака, а теперь еще и моя сестра. Мои дети были обречены еще до зачатия. Нет уж, благодарю.

— Я вытащу, — решил Блейк и с легкостью скользнул в меня. Я закатила глаза от удовольствия, когда его большой палец накрыл мой клитор одновременно с моим собственным удовольствием. Я ощущала каждый сантиметр его члена, наполняющего меня с каждым движением. Мой взгляд метнулся вправо в поисках серебристо-черных часов. Мы были внизу. Как же мне засечь время происходящего?

— Перестань смотреть по сторонам. Расслабься, — отрывисто сказал Блейк, поднимая мою правую ногу на свое плечо. Я отвернулась к огням города, стараясь не смущаться из-за новой позиции, — Да, я нажал тонировку стекол. Посмотри на меня, Микки.

Вот черт.

— Я пытаюсь.

— Закрой глаза.

— Нет, так становится только хуже. Я в порядке. Ощущения удивительные. Клянусь.

— Да, и для меня тоже это удивительно, но мне больше не вынести. Я хочу, чтобы ты была тоже счастлива.

— Ты понятия не имеешь, насколько я счастлива. Если бы ты спросил меня пять месяцев назад —,

— Макайла?

— А?

— Заткнись. Я пытаюсь трахнуть тебя.

— О, ладно.

Как только Блейк понял, что я не кончу в такой позе, он сел и усадил меня к себе на колени.

— Мне это не нравится, — заверила его я. Я ненавидела, когда мне приходилось быть к нему лицом. Я не могла быть одной из тех девушек. Я была не так сильно помешана на сексе.

— Неправда, просто приподнимай свои бедра, — приказал Блейк, найдя мой пульсирующий клитор большим пальцем. Я сделала то, что он мне сказал, и это было офигительно, особенно, когда мой мозг был отвлечен его губами. Губы Блейка целовали и посасывали мою шею, тянули мои соски и пожирали мой рот, в то время как мои бедра скользили вверх-вниз, раскачиваясь на его члене. Часы над столом в холле показывали пол первого ночи, и мне стало интересно, как долго мы уже этим занимались.

— Слезай, — сказал Блейк, перестав целовать меня.

— Что? Почему? — спросила я.

— Потому что я готов кончить, а твое тело такое же неподатливое сейчас, как и в первый раз, когда я прикоснулся к тебе. Так ты точно не кончишь.

— Просто продолжай, Блейк. Я в порядке, и мне нравится. Я наслаждаюсь этим. Обещаю, что так оно и есть.

— Нет. Встань на секундочку. Мы попробуем кое-что еще.

— Еще? — я была не против. Мне понравились ощущения, которые вызывал вибратор, но это не меняло того факта, что у него что-то получится. Я была не так устроена. Не все девушки испытывают оргазм. Так говорит Космо.

— Да, шевелись.

Я стояла обнаженная, размышляя, действительно ли Блейк нажал кнопку тонирования стекол, или весь Нью-Йорк наблюдал, как я скакала на нем, на диване.

— Что ты делаешь? — спросила я, когда он подвел меня к роялю и усадил на стул. Он собирался заставить меня играть?

— Блейк?

— Тсс.

— На этом? Зачем? А если он сломается?

— Он не сломается. И не волнуйся, я не собираюсь трахать тебя на нем.

— Ты перестанешь произносить это слово?

— Нет, потому что оно мне нравится. Я совсем не считаю его ругательством. Я нахожу его невероятно сексуальным, и когда ты слышишь, как я говорю слово трахать, я произношу его со всем уважением. Понятно? Мне нравится говорить трахать. Мне нравится направление моих мыслей, возникающее, когда я произношу его. Оно мне нравится так же сильно, как и слово киска, не потому что это грязное словечко, а потому, что я нахожу его невероятно эротичным. Ничто не может быть превосходнее, чем мои дразнящие пальцы, пропитанные твоим возбуждением. Только совсем недалекие люди считают по-другому, понятно?

— Да, понятно, — согласилась я, глядя, как он нажимает кнопку тонирования стекол.

— Ты, засранец, — я упрекнула, но улыбнулась ему. Идиот. Теперь весь Нью-Йорк видел, как я подпрыгивала вверх-вниз у него на коленях.

— Закрой этой глазик, — попросил Блейк, закрывая поцелуем мой правый глаз, — и этот, — продолжил он, делая то же самое с другим глазом. — Ты должна быть совсем неподвижной. Не двигайся, ладно? Хорошо?

— Угу, — пробубнила я что-то бессвязное.

— Пообещай, что не сдвинешься с места, пока я не скажу тебе. И глаза тоже не открывай. Не шевели ни единым мускулом.

— Обещаю.

— Хорошо, а теперь сделай глубокий вдох. Еще раз. — опять я громко вдохнула через

нос, наполняя легкие воздухом, что, как он думал, расслабит меня. Ни его дыхательные упражнения, ни попытки расслабить меня не сработали бы в том, чего он собирался достичь. Я уже пробовала это, и оно мне не помогло. Хотя, я не стала возражать. Мне было приятно, что он собирался приложить дополнительные усилия, чтобы сделать меня счастливой. И я наслаждалась каждой минутой, проведенной рядом с ним, независимо от того, чем мы занимались.

— Не открывай свои глаза. Держи их закрытыми.

— Ладно! — огрызнулась я.

— Тсс, теперь тебе придется снова глубоко вдохнуть. Сделай три глубоких вдоха

Я мысленно покачала головой, закатила глаза и выдохнула, но ублажила его, сделав три громких вдоха. Он еще раз прошептал, чтобы я не открывала глаза, перед тем, как я услышала звуки рояля. У меня сердце слегка заколотилось, когда я услышала мелодию. Шепот Сары? Блейк играл на рояле. Я задумалась о том, когда он последний раз играл, а потом о том, почему он решил, что грустная песня смерти о маленькой немой девочке, в независимости от того выжила она или умерла, заставит меня расслабиться.

Ух ты. Блейк был восхитителен. С закрытыми глазами я понимала, что он проживал эту мелодию, что его глаза были закрыты, а его тело двигалось с большим чувством. Я бы не смогла открыть свои глаза, даже если бы захотела. Я обнаружила, что прижимаюсь к нему, раскачиваясь вместе с ним. Я не знаю, что происходило, расслабилась ли я или еще что, но эмоции просто зашкаливали. Я не чувствовала того, что он хотел, чтобы я чувствовала. Я чувствовала себя неопытной, уязвимой и незащищенной. Слои за слоем ощущения рассеивались, оставляя меня во всей моей наготе и беспомощной.

— Не открывай глаза, — прошептал Блейк на последней грустной ноте. Я не была уверена, что не заплачу. Я могла бы ужасно разрыдаться на его обнаженной груди, но не знала, почему. Я вообще ни о чем не думала все три минуты, пока он играл. Мой разум полностью отключился, и я не ощущала ничего и никого вокруг себя. Единственное, что я чувствовала в течение трех минут, была музыка; я ощущала каждую отдельную ноту.

Я сглотнула, не открывая глаз, и почувствовав, как Блейк провел рукой по моей спине и приобнял меня за талию. Нежно потянув, он поставил меня на ноги, шепча мне в шею,

— Не открывай глаза.

Клавиши рояля зазвучали под моей задницей, а ножки стула заскрипели по полу.

— Мы —

— Тсс, не болтай. Делай только то, что я скажу тебе, — поцелуй Блейка удержал меня от ответа. У меня было ощущение, что я не первая девушка, которую Блейк имел на своем рояле, но я изо всех сил пыталась удержаться от этих мыслей. Одним плавным движением я уже сидела на крышке рояля, а мои босые ноги покоились на клавишах.

Я возвышалась над Блейком, пока он не обнял меня, прижимая наши обнаженные тела друг к другу. Его руки ласкали меня, словно пытались вылепить и запомнить каждый сантиметр моего тела. Его губы были такими же властными, и я с жадностью накидывалась на них каждый раз, когда он приближался ко мне. Блейк прошептал мне, чтобы я не открывала глаза, и обхватил мое горло рукой, нежно заставляя меня лечь на спину. Клавиши зазвучали в диссонансе с моим сердцем, когда Блейк переместил мои ноги на них. Мы собирались сломать рояль стоимостью в несколько тысяч долларов.

Внезапно, мои ноги резко сжались, когда я почувствовала на себе рот Блейка

— Блейк, Боже мой. Остановись. Я к этому еще не готова, — я попыталась

оттолкнуть от себя его голову, но его язык, снова скользнувший вверх по моему клитору, заставил меня прекратить борьбу.

— Просто не открывай глаза, детка. Не думай ни о чем, только о том, что я делаю с твоей киской. — Он произнес это, лаская меня языком после каждого слова. И как я могла возражать?

— Ааах, — выкрикнула я. Блейк обхватил мой клитор губами и всосал его, лаская языком. Ох. Вау. Я перестала дышать, когда почувствовала, как его палец скользит во мне, в то время как еще один, поглаживал и надавливал на тугие мышцы другой дырочки.

Я вытянула руки над головой, слушая в голове Шепот Сары, и сосредоточилась на каждом отдельном ощущении, которое вызывал у меня Блейк.

— Блейк? — всхлипнула я, чувствуя приближение оргазма. Это был он, я чувствовала его, и на этот раз он был настоящим.

Блейк остановился, переплетая наши пальцы, и притянул меня ближе. Его губы тут же наши мои, пока он опускал меня вдоль тела на свой член.

— Я хочу почувствовать это, — объяснил он. Я ощутила, как он полностью вошел в меня, прежде чем волна возбуждения вернулась. Какофония звуков рояля утихла, обостряя осознание чего-то настолько взрывоопасного, что нельзя описать словами. Тяжелые вздохи, смешанные со звуками, которые издавали наши тела, сливаясь в единое целое, и звуки рояля, все вместе было впечатляюще.

— О, черт. О, блядь. О, черт, — выкрикнула я, опуская голову. Произошло что-то бесподобное. Моя голова стала тяжелой, руки одеревенели, дрожь возбуждения опалила меня между ног, и крик вырвался сам по себе. Блейк удерживал меня за бедра, терся о них своими бедрами и ласкал мой бугорок, пока я взрывалась на его члене. Наши взгляды встретились, и он замер внутри меня, подрагивая от каждого пульсирующего сжатия его члена. Я ощутила каждую волну экстаза, видя, что он тоже это чувствует. Может я и впервые кончала, но это был не просто оргазм. Это было что-то большее, что-то, чего я не могу объяснить. Я должна была быть там. Рядом с Блейком и Пи. Я была дома.

Или я так думала. Почему Блейк не рассказал мне о Пи? Я села за свободный столик в Макдональдсе Я не одела толстовку и не пыталась выглядеть подозрительной. Я больше не переживала. Либо это сработает, либо — нет, но я больше не буду убегать.

Как только вошло солнце, я поймала такси и доехала до Центрального Парка. В течение четырех часов я ждала на скамейке, размышляя обо всем. Блейк был прав в одном, мне действительно хотелось срывать с него одежду, как только он появлялся на пороге дома. Он создал монстра, это уж точно. Конечно же, я не стала такой в одночасье, но довольно быстро. Я знаю, что была взволнована и разочарована одновременно, когда у меня начались месячные.

Блейк тоже перестал обращать внимание. Мы оба были настолько увлечены нашей недавно открытой страстью друг к другу. Мне следовало продолжать встречаться с Райаном, позволяя ему думать, что он обыграл Блейка, в то время как мы выясняли бы, что он задумал, прежде чем все так закончилось. А мы были слишком заняты игрой в семью, чтобы заботиться о чем-то еще.

Блейк рано возвращался с работы домой. Он водил нас ужинать и в кино, даже в

боулинг, и свозил нас в Теннесси, чтобы провести Рождество с его мамой. Мне понравилось мое первое Рождество с Пи, и я любила Грейс. Не беря в расчет приступ паники во время перелета, это были лучшие выходные в моей жизни. Я обожала мою маленькую семью.

Райан сдался слишком легко. Мы оба должны были воспринять это, как сигнал тревоги. Я не знала его так хорошо, как Блейк, но он сказал мне, что Райан никогда не оставлял попыток отнять у него Дженни. Даже после их свадьбы. Блейк рассказал мне об этом однажды вечером, пока мы лежали в кровати с Пи и смотрели мультфильм. Она заснула у изножья кровати, опустив руку вниз, и мы закончили просмотр мультфильма. Он был такой забавный, я хотела досмотреть его до конца.

— Блейк, перестань, я хочу увидеть конец.

— Нет, я отнесу Пи в кровать, и потом мы разденемся.

— Подожди, пока он не закончится, — сказала я ему.

Я поцеловала головку Пи и сказала ей, что люблю ее, когда Блейк взял ее на руки. Я улеглась на живот на ее месте на кровати и закончила смотреть мультфильм.

— Какой клевый мультфильм, — я улыбнулась, чувствуя тепло и нежность от семейного фильма, — Почему ты мокрый? Ты принимал душ?

— Я тоже по тебе скучал, — поддразнил Блейк. — Теперь я могу завладеть твоим вниманием? — спросил он, наваливаясь на меня сверху. Я завизжала, подумав, что он меня раздавит.

— Да, мое безраздельное внимание целиком твое. Все, что пожелаешь.

— Все?

— Хмм, последний раз, когда я попала на это, было там, — я кивнула в сторону балкона.

Блейк рассмеялся, ссутулив свои подрагивающие плечи. Ох! Я любила его.

— Я не буду заставлять тебя выходить туда, но все равно это глупо.

— Говорит человек, который не боится высоты. Что бы вы хотели, мистер Коуст?

— Как насчет минета?

— Серьезно?

— Если ты думаешь, что готова.

— Ну, я имею в виду, ты все время делаешь мне это. Так будет справедливо, верно?

— О, да. Полностью согласен с этим утверждением, — поддразнил Блейк.

О Боже...

— Ладно. Как ты хочешь, чтобы я сделала это? Хочешь, чтобы я опустилась на пол, или ты встанешь передо мной, или ты хочешь лечь на спину?

— Господи, Макайла. Я не знаю. Мне никогда прежде не приходилось об этом задумываться. Просто сделай это, — сказал он, стаскивая свои шорты на бедра. Мой взгляд остановился на его еще не возбужденном члене, а потом встретился с его взглядом.

Я чуть не засмеялась, но сдержалась. Ничего не могла поделать. Блейк обращался со мной, как с какой-то хрупкой маленькой куколкой, а я собиралась показать ему, что может сделать пара порнофильмов, полдюжины вишневого леденцов на палочке и немного упражнений против рвотного рефлекса.

— Мне начать сейчас или подождать, пока он встанет?

— Я тебя сейчас прикончу.

— О, так ты просто хочешь, чтобы я сделала это, — сказала я, — Может мне стоит начать с массажа твоих яиц, вот так, — предложила я, обхватив рукой его мошонку. Я нежно сжала ее и увидела, как его член немного дернулся вправо.

— Хмм, хорошо.

— А что, если для начала я немного полиžu его? — спросила я, медленно облизывая головку его наливающегося члена.

— Даа, это хорошая идея.

— Может, мне стоит поласкать его рукой, пока он увеличивается у меня во рту.

— Хмм. Замечательно, — согласился Блейк, толкая свой почти полностью эрегированный член мне в рот.

— Я думаю, может мне стоит слизать предэякулят с твоего члена, вот так, — простонала я, уверенно дразня его каждым предварительным комментарием. Это добило его твердый член, я была уверена, что он не мог стать еще тверже. Я приподнялась над Блейком и продолжила мучить его своим спектаклем.

— Полагаю, я могла бы позволить ему скользнуть внутрь, а?

— Да, да. Можешь сделать это.

Я облизала губы и сделала глубокий вдох. Я не чувствовала того, что думала буду чувствовать, когда дойдет до этого. Я думала, что буду нервничать, и Блейк будет руководить процессом. Не сомневаюсь, он тоже так думал, но я хотела его удивить. Я хотела, чтобы он знал, что я была не против всего того, на что был готов он. Я хотела, чтобы он знал, что я сделаю для него что угодно, что всегда буду делать ради него все возможное. Страх, что мне будет противно, полностью исчез. В этом не было ничего отталкивающего. Это была самая эротичная вещь в мире. Особенно, когда Блейк взял руководство на себя. Мать честная.

Я только что упомянула тот факт, что возможно должна познакомить его со своими железами, и взяла всю его длину по самое горло, отчего он зашипел. Блейк пару раз простонал, прежде чем схватил мои волосы в кулак и повернулся на бок, поворачивая меня вместе с ним. Он держал меня за волосы, нежно толкаясь в мой рот, и также нежно тянул меня за волосы.

— Ох, блядь, детка, — прохрипел он надо мной, двигая своими бедрами туда-сюда, в то время как я наслаждалась всей прелестью того, чем мы занимались. Это было чертовски сексуально.

— Развернись и сядь на мое лицо, — приказал он, испустив еще пару стонов и толкнувшись бедрами.

— Угу, — промурлыкала я, снова глубоко заглатывая его член. Я была хороша в этом и не хотела останавливаться, чтобы сесть на его лицо. О, Боже. Слава Богу, эмоции зашкаливали, чтобы заметить густой румянец на моих щеках.

Блейк полностью вышел и затем погрузился обратно, застонав и зашипев одновременно, самый эротичный звук, который я когда-либо слышала.

— Я лягу на спину, а ты развернешься и сядешь на мое лицо, хорошо? — покалывающая боль и удовольствие от его пальцев, сдавливающих мой чувствительный сосок, подтвердили, что мне не выкрутиться.

Блейк сделал именно то, что собирался, и откинулся на спину. Конечно же, мне пришлось иметь дело с его убедительными руками, прежде чем я расположилась над ним,

уткнувшись своей промежностью в его лицо. Господи. Я бы точно умерла от унижения. А может и нет. Мгновенные приятные ощущения от языка Блейка помогли моему рту возобновить работу над его членом.

Я не помню, когда сдалась и легла на обнаженное тело Блейка. Все, что я помню, это его руки, раздвигающие меня насколько возможно, и его рот. О, этот его рот. Обалдеть. Блейк поглощал каждый сантиметр меня, все, до последнего дюйма. Должно быть, я потеряла подвижность, когда самый потрясающий оргазм в мире накрыл мое тело. Блейк замедлял темп своего языка с каждым затихающим сокращением.

Я едва отошла от своей первой волны, когда странным образом оказалась на полу на коленях, а Блейк врезался в меня сзади. Эйфория после ласк моего клитора, отражения наших тел в окнах перед всем городом и звуками, которые мы вместе издавали, пробудило во мне новое желание, возбуждение снова вернулось в полную силу за несколько минут, всего за три. Блейк последовал следом за мной и рухнул на пол, сразу после меня.

— Я чертовски люблю тебя, — задыхаясь, произнес Блейк мне в волосы.

— Я тоже чертовски люблю тебя, но ты сейчас меня раздавишь, — пожаловалась я, освобождая руки. Он немного приподнялся, достаточно, чтобы я развернулась. Он посмотрел вниз, я — вверх, и мы оба улыбнулись. Я точно знала, что было у него на уме.

— Ты тренировалась? У тебя слишком хорошо получалось. Я ожидал, что мне придется просить тебя, как минимум раза три.

— Я тренировалась. Как ты думаешь, почему Пи жаловалась, что все ее красные леденцы пропали? От них также очень хорошо немеет горло. Угадай, что еще я делала?

— Что? — спросил он, целуя меня. Я раскрыла губы и поцеловала его в ответ. Он планировал просто чмокнуть меня, но это быстро переросло в тридцатисекундный страстный поцелуй, отчего мой клитор снова запульсировал.

— Я смотрела порно на твоём компьютере.

— Правда?

— Ага, а потом мне пришлось ублажить себя.

— Правда? — спросил Блейк с очень серьезным выражением.

— Правда. Тебя не было дома, и я знала, что до этого скоро дойдет.

— Ты смотрела порно ради меня?

— Да.

— Тебе понравилось?

Я пожала плечами и улыбнулась,

— Ну, мне нужно было позаботиться кое о чем тут внизу, так что можно сказать, да.

— Скажи это.

— Скажать что?

— Расскажи мне, что ты сделала. Скажи, что ты ласкала свою киску.

— Нет. Я не могу этого сказать.

— Да, можешь. Скажи это. И я снова тебя трахну.

— Блейк.

— Скажи это, — снова потребовал он, только на этот раз его пальцы оказались между моих ног, но не внутри меня. Я уже была мокрой от того, что он кончил в меня, но уверена, что стала еще более влажной. Не было смысла говорить ему, чтобы он не кончал в меня. Он выходил из меня лишь, когда была сверху, и даже тогда, думаю, это было ради удовольствия. Ему нравилось покрывать мой живот и грудь своей спермой. Конечно же, я

не возражала, я тоже находила это довольно приятным. Пальцы Блейка оставляли легкое возбуждающее покалывание везде, где прикасались; к моему лону, небольшой дорожке волос и к моим губам, — Вели мне дотронуться до твоей киски.

— Я не могу, — простонала я, двигая бедрами.

Блейк раздвинул мои ноги и подразнил, раскрывая меня и облизывая свои губы,

— Ты хочешь, чтобы я прикоснулся к твоей киске?

— Да.

— Скажи мне.

— Дотронься до нее, Блейк, — захныкала я, толкаясь к его дразнящим пальцам, —

Прикоснись к моей киске, — простонала я. И тогда моя спина выгнулась. Блейк работал своими пальцами, как никогда раньше. Я уже почти снова смутилась, когда он встал на колени. Блейк серьезно относился к своему делу. Одна его рука покоилась на моем животе чуть выше лобковой кости, а другая оставалась внутри меня. Блейк ласкал меня своими пальцами, как сумасшедший, внутри и снаружи, в основном внутри. Не знаю, где парни учатся этому, но у Блейка определенно был опыт. Такого рода. Пальцами, лежащими чуть выше моего лона, он также умудрялся пощипывать мой чувствительный бугорок. На этот раз все было иным. Это шло из другого места.

Мое тело дрожало, в то время как вся нижняя часть моего живота взорвалась от трех внезапных судорог. Теперь мне стало стыдно. Черт побери, что это было? Поток какой-то незнакомой реальности пронесся через все мое тело, и я кончила. Ух ты. Я вообще когда-нибудь кончала? Опять же, я не чувствовала того, что думала буду чувствовать. Я была уверена, что, как незрелая восемнадцатилетняя девчонка завизжу и спрячу лицо, но все было не так.

— Мороженое или наркотики? — улыбаясь, предложила я.

Глава тридцатая

Я вздрогнула, когда птичка пролетела прямо передо мной. Полагаю, она подумала, что я была статуей, потому что сидела так неподвижно. Встав, я направилась в сторону небольшого пешеходного мостика. По словам Блейка, Райан всегда хотел то, что было у него, но он не так сильно боролся за меня. Не то, чтобы Блейк говорил, что он боролся за Дженни. Думаю, это очень сильно подкосило Блейка. Он был с ней с самого начала до самого конца. Он находился в каком-то дурацком отеле на церемонии открытия, в которой Зазен не нуждался. И...

Райан был с Дженни. Почему из всех людей это должен был быть Райан? Я понимала, что чувствовал Блейк из-за того, что его там не было.

— Ты хочешь, чтобы тебя поймали? — раздалось позади меня.

— Сара! Где Пи? Она в порядке?

— Конечно же она в порядке. Элиза отлично проводила с ней время. Они раскрасили бетонную скульптуру на заднем дворе. Барри придет в бешенство, когда увидит.

— Может и нет. Что если я скажу тебе —,

— Зачем мне звонит Фарра Брайтон? — спросила Сара, хмурясь больше, чем я.

— Позволь я отвечу, — сказала я, забирая у нее телефон. Зачем ей звонить Саре?

— Алло.

— Здравствуйте, я могу поговорить с Сарой Холден, пожалуйста.

— Она немного занята. Это Макайла Карли. Что ты хочешь?

— Господи. Ты ее связала? Эта женщина и мухи не обидит.

— С ней все хорошо. Зачем ты ей звонишь?

— Я пытаюсь все исправить. Я хочу рассказать ей о Лондон. Райан будет в новостях, как только начнется прямой эфир. Начало через десять минут. Газета напечатает всю историю, и Блейка выпустят к концу дня. Райану не удастся повесить это на кого-либо другого, кроме себя. Все кончено, и я сожалею. Мне жаль, что я ввязалась во все это, и мне жаль, что использовала ребенка Дженни ради кровавых денег. Я искренне прошу прощения за мою роль в этом деле.

— Ты подпишешь бумаги на отказ от всех прав на Пи? Ты больше никогда не появишься рядом с ней?

— Да. Я обещаю.

— Я расскажу эти новости Саре. Фарра?

— Да?

— Еще одно. Не было никакого видео. Я забыла нажать на запись. Будь счастлива.

— Что это было? — спросила Сара.

— Мне пора. Я получу Блейка? — воскликнула я.

— Что? Как?

— Смотри новости минут через десять. Я позвоню тебе позже, чтобы забрать Пи, — сказала я, отскакивая назад и выкрикивая ей, — Скажи ей, что я люблю ее, как до луны и обратно. Скажи ей, что ее мама тоже ее любит.

— Что?

— Блейк все объяснит вам позже. Скоро увидимся. — я развернулась и побежала со всех ног. Как в тот день, когда все началось. Я бежала от переполнявших меня чувств, но на этот раз я чувствовала, что час победы близок. Я нашла Пи, и никто никогда не отнимет ее у меня снова.

Репортеры осаждали здание суда. Фарра не обманула. Все, о чем она сказала, произошло. Из того, что я слышала, Райану Форду, Квинтону Форду и какому-то парню по имени Мэтью Форд были предъявлены обвинения. Кто такой Мэтью Форд, черт возьми? Я затерялась в толпе, слушая репортажи о трех мужчинах, привлеченных к суду в тот самый момент, когда все ожидали освобождения несправедливо обвиненного Блейка Коуста.

Я остановилась на расстоянии вытянутой руки от адвоката Блейка, который обращался к толпе. Он сказал о том, как Блейк признателен, и объяснил его желание поскорее вернуться к своей семье. Как только вопросы перешли на олигархов, глаза Блейка встретились с моими. Прислонившись к желтому столбу, я скрестила ноги, а он пробрался ко мне сквозь толпу и град вопросов.

— Что ты здесь делаешь?

Я пожала плечами и улыбнулась,

— *Я подумала, может ты захочешь улизнуть в Вегас, и пожениться или типа того.*

Блейк улыбнулся,

— Ты за этим стоишь? Это ты сделала?

— Это зависит от того, примешь ли ты мое предложение или нет.

— Ты хочешь, чтобы я женился на тебе? Почему ты хочешь выйти за меня? — спросил Блейк, подходя ближе. Клянусь, никто из нас не замечал толпу людей вокруг, не слышал выкрикиваемых вопросов, и нам не было дела, кто на нас смотрит. Мы были единственными

людьми в Нью-Йорке.

— Из-за твоей малышки, — ответила я, обвиняя его шею руками. Его руки легли на мои ребра, а его улыбающиеся губы коснулись моих.

— Где она?

— У Сары. Мы можем убраться отсюда? Я очень хочу поехать к ней.

Блейк поднял глаза в поисках машины. Я обернулась, чтобы увидеть, кому была адресована его улыбка, его адвокат жестом предложил воспользоваться его машиной.

— О, Боже. Это же Porsche 911.

— Если ты скажешь, что тебе нравится эта машина, потому что такая была у Райана, я брошу тебя здесь.

— Не скажу. Когда я получила права, моя мама вроде как позаимствовала подобную.

— Ты умеешь ездить на механике?

— Типа того. Я ездила лишь однажды.

— Ну, это больше, чем я, по любому. Поехали, заберем Пи.

— Ппподожди. Ты же не умеешь ездить на механике? — заскулил бедняга адвокат.

— Не волнуйтесь. Беру это на себя, — заверила я, похлопав его по груди, и улыбнулась, увидев его растерянное выражение лица. Я скользнула на двухцветные кожаные сиденья и наклонилась к центру. Вспышки камер и шквал вопросов окружили машину, но единственное что я видела, был Блейк. Быстро чмокнув его в губы, я выжала сцепление. Мы несколько раз дернулись, прежде чем до меня дошло, что мы были на третьей передаче. Как только я переключилась на первую, я рванула с места, как чемпион, ну вроде того.

— Позвони Саре и скажи, чтобы она встретила нас в их доме на Стейтен-Айленд вместе с Барри.

— Зачем?

— Просто сделай это. Ты понятия не имеешь, как я счастлива снова видеть тебя. Очень, очень счастлива.

Блейк улыбнулся и набрал номер. Он бы выпрыгнул бы из машины для меня, если бы я приказала ему, он любил меня. Мы болтали все сорок минут поездки. Ну, я болтала. Он больше слушал.

— Вы жили в лесу три дня? Вас могли бы убить.

— Меня могли бы, если бы я не выяснила, кем был Куин, ой и Пи, она не забыла взять с собой все необходимое для выживания. Я взяла чистые носки.

— Он делал такое раньше. Это, должно быть, было очень опасно для вас.

— Ну, кто-то же должен был вытащить твою задницу из тюрьмы. Либо пан, либо пропал. Мы хорошие бойцы. У нас хорошая команда, но это еще не все. Ты все еще не соскочил с крючка.

— Что это значит? И я говорил тебе, как счастлив видеть тебя? Я скучал по тебе.

Мой большой палец переместился на тыльную сторону его запястья, погладив его.

— Увидишь. И я тоже по тебе скучала. Очень.

Пересекая мост Верразано, я думала про мост, как переправу. Ничего не осталось. Мы направлялись домой, где бы он ни был. Это даже не имело значения. Каждой своей клеточкой я понимала, что это было началом чего-то, что никто из нас не мог постичь.

Блейк накрыл своей рукой мою руку, ту которой я держала рукоятку в форме бильярдного шара, рычага переключения передач, и направляла нас по верному пути. Я вела машину на большой скорости, и наши эмоции зашкаливали, пока этот путь вел нас к новым

местам, новым приключениям и новой любви.

— Спорю на сто баксов, что моя Дженни держит твою маму за руку прямо сейчас, — предположил Блейк.

— Неа, они поздравляют друг друга с успехом и делают сальто назад, — возразила я. Из того, что я узнала о Дженни, и зная свою маму, у них была вечеринка.

— Спорим, они напились, — решил Блейк. Я засмеялась, соглашаясь с этим утверждением.

Пи, увидев нас, отстранилась от Сары и выбежала во двор. Она не знала, к кому бежать, ко мне или к Блейку. Я не оставила ей выбора. Я сама подбежала к ней.

— О, Боже. Я так сииильно по тебе скучала.

— Ты позаимствовала папу из тюрьмы? — забеспокоилась Пи.

— Нет. Ему не нужно туда возвращаться.

— Никогда? — спросила Пи, позволяя Блейку забрать ее из моих рук. Она прижалась к нему, и он обнял ее, чувствуя ее. Он на самом деле любил ее, и я почувствовала, как слезы застилают мои глаза.

— А что с машиной? — спросила Пи, поднимая голову, — Вы позаимствовали ее?

— Да, но на этот раз я спросила разрешения, — пообещала я, забирая ее обратно. Я ничего не могла поделать, я до смерти соскучилась по ней.

— Прости меня, Блейк. Мне следовало знать, что ты никогда ничего не возьмешь у меня. Даже не знаю, как заглядеть свою вину перед тобой, — произнес Барри с роскошного крыльца.

— Блейку тоже есть, что рассказать вам, — сказала я, спуская Пи с рук.

— Правда? — спросил он.

— Да, — ответила я, глядя на Пи.

— О чем ты, Макайла? — спросил Блейк, нахмурившись.

— Эй, идите сюда. Я хочу показать вам котят. Они прячутся под крыльцом, и мне надо забрать одного домой, потому что Сара разрешила, — воскликнула Пи, потянув меня к крыльцу.

— Хорошо, ты иди и выбери одного, а я приду через минуту.

— Ладно. Я хочу черненького. У него белое пятно вокруг глаза.

Сара махнула рукой Элизе, поставив легкие закуски на стол в беседке. Я подождала, пока она налила вино и исчезла, затем обратилась к Блейку, взяв его за руку.

— Расскажи им, Блейк. Они имеют право знать.

— Знать что? — растеряно спросил Блейк.

— Почему ты это сделал? Я не понимаю, почему ты не хотел, чтобы они узнали о ней.

— О чем она говорит, Блейк? — спросил Барри.

Блейк побледнел и сглотнул, прежде чем ответил.

— Я не знал, как это сделать.

— Сделать что, Блейк? — спросила Сара.

— Когда Фарра сказала мне, что ЭКО сработало, я разозлился. Я сказал ей избавиться от этого.

— ЭКО? — снова спросила Сара. Я оставила Блейка и села на скамейку напротив нее. Ее рука дрожала в моей руке, и думаю, она уже все поняла.

— Помните, когда Дженни было семнадцать, мы пропали на три дня?

Холден внимательно посмотрел на Блейка и ответил,

— Да, я хотел звонить в полицию, но Сара не позволила мне.

— Я не хотела расстраивать ее, — ответила Сара упавшим голосом. Она пыталась вспомнить. Я улыбнулась Блейку обнадеживающей улыбкой, и он продолжил.

— Это было как раз перед тем, как ей должны были вырезать оба яичника. Дженни плакала в течение трех дней, потому что она не сможет родить мне ребенка. Я взял десять тысяч долларов из страховки своего отца. Я отказывался прикасаться к этим деньгам, потому что он бросил нас. Я собирался доказать ему. Я не собирался никогда прикасаться к этим деньгам; я не хотел их, до тех пор, пока Дженни не стало плохо. Сколько бы я ни говорил ей, что в любом случае не хочу иметь дурацких детей, она все равно плакала. Благодаря ее новому другу Райану Форду, мы нашли парня за кулисами отдела социального обеспечения. Он мог изменить ее возраст, и все, что нам нужно было сделать, это взять ее карту социального страхования и подделать свидетельство о рождении в Департаменте транспортных Средств. Мы спокойно объяснили, что она потеряла свои водительские права, и они выдали ей новые, как взрослой, восемнадцатилетней.

— Господи, а я все ругалась с погребальной конторой из-за этого. Мне пришлось перерыть все, чтобы нанести правильную дату ее рождения на ее надгробную плиту, — закричала Сара.

— Эй, эм, я просто поем мороженое, а потом найду котенка, ладно. У нее есть мятно-шоколадное? — прервала нас Пи, подходя ко мне. Я приобняла ее за талию и поцеловала в щеку. Этот поцелуй был для Дженни.

— Блин. Теперь ты будешь пахнуть, как мятная конфетка. Ладно. Я приду через пару минут.

— Хорошо.

Я посмотрела вслед Пи, а потом обернулась назад, чтобы посмотреть, как Блейк выкрутится из этого,

— Да, знаю. Я должен был сказать тебе тогда. Я хотел.

— Скажи мне, Блейк, — взмолилась Сара, ей нужно было услышать то, что он собирался сказать, хотя она уже знала это.

— Мы отправились в клинику, расположенную на Харбор Стрит, и встретились с репродуктологом. Дженни рассказала ему о своем состоянии, и он просмотрел ее медицинскую карту. Хотя она не могла выносить ребенка, он заверил нас, что сможет подарить нам нашего ребенка. Нам просто нужен был кто-то, кто мог бы удержать его в течение девяти месяцев или около того, — Блейк замолчал, обеда взглядом наши лица в ожидании ответа. Никто не сказал ни слова. Он уронил голову на колени и глубоко вздохнул, — В день, когда у Дженни случился припадок, мы пережили его на кухонном столе.

— Нам не нужны подробности, — Барри сообщил ему. Было немного забавно. Мне, по крайней мере.

— Нет, нужны. Мы были так счастливы. В ближайшие три дня мы должны были узнать, будет ли у нас ребенок. Дженни хотела что-нибудь приготовить. Еда или наркотики. Мы готовили, но закончилось тем, что все сгорело, потому что мы были слишком возбуждены, чтобы быть серьезными. Я думал, она дурачится. Я не знал, что что-то случилось. Она упала на стол, и ее тело немного дрожало. Я понял, что что-то случилось только, когда увидел, как ее руки одеревенели и скрючились, как от артрита.

— За три дня до хороших новостей мы обнаружили, что рак вернулся, только в этот раз

его не победить, удалив яичники. Его нельзя было победить, не убив ее. Я умолял Фарру сделать аборт. Она не захотела.

— Потому что Райан подслушал ваш разговор. Я не знаю наверняка, но полагаю, что Райан имел на нее виды. У меня довольно хорошо получилось разговаривать с ней. Уверена, что смогла бы выяснить это, а может все было просто из-за денег, кто знает.

— Откуда ты знаешь? — спросил Блейк.

— Фарра рассказала мне. Райан знал, что она вынашивает ребенка Холдена. Он больше не мог получить Дженни, ты был на вершине успеха, и у него были доллары в глазах. Но почему ты скрывал это? Эту часть я не понимаю. Пи получила бы любовь с первых минут, как открыла свои крошечные глазки. Это единственная вещь, за что я тебя ненавижу. Дженни не хотела бы, чтобы ее дочь первые три года жизни прятала в пентхаусе и выводила в свет лишь по особым случаям ради пиара Фарры. Почему ты никому не рассказал?

— Я не знаю. Черт. Однажды Холден зашел в мой кабинет во время нашего разговора. Она была на громкой связи, а я смотрел в окно. Он не слышал весь разговор, а лишь последнюю часть его.

— Фарра плакала, умоляя тебя попытаться. Она говорила, что Дженни умерла и не вернется. Она специально кричала, что носит твоего ребенка ради тебя, чтобы дал ей шанс, — вспомнил Барри, — Я мог бы вышвырнуть тебя в окно в тот день. Но потом, спустя несколько дней я простил тебя, потому что знал, как Фарра вилась вокруг тебя. Я понимал, что возможно она была рядом, когда ты нуждался в этом, и ребенок получился из того, как ты справлялся со своим горем.

— Я разозлился на тебя, что ты мог подумать обо мне такое, а потом Фарра уговорила меня никому не рассказывать, она обещала разделить опеку. Казалось, никому не было дела, и ложь переросла в правду. Так было до тех пор, пока не появилась мисс Задавака, — Блейк улыбнулся и подмигнул мне.

Я фыркнула и улыбнулась в ответ,

— Райан уже копал под тебя. Ты терпел поражение, и не осталось бы никого, кроме него, чтобы взять на себя руководство Зазен Ризортс. К тому же, он собирался стать героем, придя к тебе с новостями о твоей внучке, — объяснила я, заполняя недостающие кусочки, о которых даже Блейк не знал, — Вдруг, откуда ни возьмись, появляюсь я и все порчу. В отличие от Блейка, Райан тщательно подготовился и был внимательным. Он знал, кем я была, и даже несколько не сомневался. Сначала, он думал, что сможет завоевать меня, но потом Блейк остановил расследование и не позволил мне находиться рядом с ним. Райан знал, что Блейк отвлекся на меня. Он знал, что Блейк рано уходил с работы, проводил выходные дома и ходил в зоопарк.

— Райан использовал эти несколько месяцев, чтобы отточить свой план. Единственный след, который можно было найти, вел из домашнего компьютера Блейка. Это означает, что, либо я сделала это, либо Блейк, либо Райан. Я не знаю, когда он был у нас дома, но мои деньги всегда были делом рук Райана. В тот день, когда в пентхаус вломились, Блейк был дома с Пи один. Ларри, лифтер, позвонил мне и рассказал, что Блейка арестовали, Фарра забрала Пи, а я была в розыске. Все деньги всплыли на моем счету, и никаких следов, откуда они появились.

Холден тоже внес свою лепту в эту головоломку,

— Кроме Райана. Именно он привлек мое внимание к подозрительной деятельности. Я не мог поверить, что след возвращался к твоему домашнему компьютеру, — объяснил

Барри, — Вот тогда я и отказался от вас обоих. Я знал, что ты появилась не для того, чтобы дать мне шанс все исправить. Я больше не знал, кем являлся Блейк, и я понимал, что это был заговор.

— Я бы никогда ни пенни у тебя не взял. И я прошу прощения, что скрывал от вас Пи. Думаю, я боялся сделать ее настоящей, боялся любить ее так же сильно, как и ее мать, а потом потерять ее. Я не смогу пережить это опять, но я не могу не любить ее, и мне очень стыдно за себя, что пытался это делать. Чтобы понять это, мне потребовалось, чтобы Макайла выстрелила мне в голову пулей Нёрф.

— Пи? Дженни? — спросила Сара, прикрывая рот рукой и сжимая мою руку.

— Подожди, — сказал Блейк, выпрямившись. — Как ты забрала Пи?

— Я похитила ее.

— Я знаю. Меня допрашивали о твоём местонахождении. Но как ты забрала ее?

— Это было довольно легко. Ее новая няня повела ее на прогулку в парк в милым маленьком платьице, Пи стояла на тротуаре, пока ее няня разговаривала с кем-то по телефону. Мне очень стыдно за следующую часть, честно, — объяснила я, — Я вытащила из кармана рогатку за два доллара и выстрелила маленьким камешком. Как только маленький мальчик громко заплакал, я позвала Пи. Толпа побежала посмотреть, что произошло с этим плачущим малышом, а Пи побежала ко мне. Я переодела ее в биотуалете, и мы ушли до того, как ее хватились. Мы спрятались под мостом и просидели там до темноты.

— Вот когда она позвонила мне, — добавила Сара, вставляя еще один кусочек, — Я пыталась сказать ей, чтобы она не звонила мне, и что она попадет в тюрьму за похищение. Я попыталась не ввязываться в это.

— Что? Что ты знаешь об этом, Сара? — выпалил Холден.

— Мне пришлось. Я слышала отчаяние в ее голосе. Она умоляла меня по телефону, как я молилась Богу много раз. Микки отрезала бы себе пальцы по одному за этого ребенка, если бы это спасло Пи от возвращения к Фарре. Я связалась с подпольной организацией по защите женщин, переживших насилие. С помощью больших уговоров и двадцати пяти тысяч долларов мне удалось получить документы на две новые личности. Дженна и Пенелопа Бредфорд жили в маленьком домике в штате Айдахо, где и должны были остаться жить долго и счастливо, — объяснила Сара.

Сара была права. В тот день я молила о помощи ценой своей жизни. Я купила дешевый телефон с предварительно оплаченным балансом и умоляла ее помочь мне. Мне больше некому было позвонить. Холден считал меня частью схемы по краже его денег, Блейк был в тюрьме без права выйти под залог, Грейс была первой, у кого они будут искать, а Фарра была сукой. Сара была единственным человеком, кто мог бы мне помочь. И слава Богу она это сделала.

Глава тридцать первая

Проведя лучший вечер в моей жизни, я старалась заснуть. Бессонница стала результатом слишком больших волнений за один день. Я была слишком возбуждена, чтобы уснуть. Я выбралась из постели и закуталась в мягкий халат. Улыбнувшись Блейку, я на цыпочках вышла на кухню.

Я попыталась развернуться и уйти прежде, чем как он заметил меня, но опоздала. Черт. Я не была готова к этому разговору. У меня был потрясающий день, и мне не хотелось

разрушать его, толкнув перед Холденом речь, полную ненависти, которую я так много раз репетировала в своей голове. Я не хотела возвращаться в кровать злой.

— Микки?

— Привет, — сказала я, обернувшись к Холдену. Я подошла к раковине и налила стакан воды.

— Я не знал, что она была больна.

— Да, я знаю, — сказала я, прислоняясь к раковине.

— Ты себе не представляешь, как мне больно, что ты пришла ко мне, а я оттолкнул тебя.

— Я долго ненавидела тебя за это, может быть вплоть до сегодняшнего дня, но я больше не испытываю ненависти к тебе. В моем сердце нет для этого места, и тебе не советую. — подождите. Что? Это не речь. Это не та речь, где я хотела сказать ему, как его ненавижу, и куда ему идти. Все, что я придумала в своей голове, что хотела сказать ему, больше не казалось важным. Рассказать ему о том, как я жила в нищете, пока он шиковал, больше не казалось таким уж важным.

— Ты добрый человек, — сказал Холден, вставая. Я не пошевелилась, когда он подошел ко мне. Взяв меня за руки, он поцеловал меня в макушку, — Я тоже не хочу занимать свое сердце этим, — добавил он, оставив меня с белым конвертом, адресованным ему. Я посмотрела вниз на конверт, потом на него, — Я бы хотел прочитать его в тот день, когда получил.

Я посмотрела вслед Холдену, а потом взглянула на продолговатый конверт в своей руке. Я узнала почерк своей матери. Я поняла это, как только увидела букву К в нашей фамилии, я тоже так закругляла нижний конец. Я положила его на стол и уставилась на него, боясь прикоснуться. Глубоко вздохнув, я осмотрелась в поисках ручки. Найдя одну в стакане на окне, я села и еще раз посмотрела на конверт. Ручка прикоснулась к моей коже, и я начала рисовать кончик пера. Пера Форреста.

Мой разум плыл в воспоминаниях о моей жизни, благословенной жизни. Я бы снова прожила ее. Может у каждого действия, были свои причины. Возможно, моей маме и Дженни пришлось страдать, чтобы обеспечить нашу с Блейком связь. Может быть, Блейк должен был попасть в тюрьму, чтобы Фарра и Райан были остановлены. Если все это было ради Пи, оно того стоило.

К тому времени, как я вытащила письмо из конверта, моя рука была разрисована эпизодами из моей жизни, а часы на микроволновке показывали 12:15. Я сделала глубокий вдох и развернула листок бумаги. Сложенная втрое страница, оказалась письмом, адресованным Барри.

Барри,

Пожалуйста, не игнорируй это письмо, я нуждаюсь в тебе больше, чем когда-либо. Я знаю, что обещала не связываться с тобой, но мне больше не к кому обратиться. Знаю, что сейчас ты испытываешь все муки ада, потеряв свою дочь, но, Барри, у тебя есть еще одна, которой ты вскоре будешь нужен как никогда.

Это мой второй приступ рака, на этот раз в поджелудочной железе. Он распространяется намного быстрее, и мы упустили его. Холден, пожалуйста, ей семнадцать, и она совсем одна. Я не могу оставить ее, зная, что ее некому любить. Она такая красивая, Барри. Подожди, пока увидишь ее. Она во многом напоминает мне Дженни. Помнишь, как ты пытался одеть ее в платье во время торжественного открытия в

Атланте? Каждый раз, когда ты отворачивался, она переодевалась в джинсы. Возможно, я купила ей одну или две пары.

Барри, она не заслуживает этого. Она хорошая девочка и посвятила свою жизнь заботе обо мне. Если кто и заслуживает счастья, так это Микки. Она такая сильная и независимая. Ее настойчивость передалась от Холдена. За всю свою жизнь я не встречала более решительного человека. Рядом с тобой, эта девочка сможет сделать все, что задумает. Дай ей шанс. Если она в чем-то твердо убеждена, она никогда не сдастся. Просто дай ей шанс, Холден.

Я так сильно ее люблю, и мне нужно знать, что с ней все будет хорошо. Мне нужно знать, что ты будешь рядом. Она — Холден, поэтому не забывай об этом, когда она несколько раз пошлет тебя к черту, прежде чем перестанет сопротивляться. Поверь мне. Но не сдавайся, Холден. Пожалуйста, не сдавайся. Позвони мне. Пожалуйста. Умоляю тебя своим последним вздохом. Пожалуйста, приди и заведи ее.

P.S. Не волнуйся о том, что она пахнет, как мятная конфетка, она ненавидит шоколад с мятой.

Пожалуйста, говори ей каждый день, как сильно я ее люблю. Говори ей каждый день, какая она особенная.

*С любовью,
Виктория Дж. Карли.*

Я проглотила сухой комочек, образовавшийся в горле, и позволила слезе скатиться по щеке и упасть на руку. Я посмотрела, как мои слезы смешивались с чернилами, и снова сглотнула. Черный дождь стекал по моим рукам ручейками, и я всхлипнула.

— Макайла? — спросил Блейк, стоя в дверном проходе. Я снова всхлипнула и отвела взгляд от черного дождя.

— Никто не сказал ей, что я в порядке. Я просила ее не уходить. Я заставила ее уйти в незнании, — заплакала я.

Блейк не потянул меня на ноги, он упал на колени, и притянул меня в свои объятия. Я уткнулась лицом в изгиб его шеи и разрыдалась. Закупоренные эмоции вырвались наружу, заполняя мою душу. Я не могла остановить их, и не хотела. Я отпустила прошлое и иду вперед. Мой выбор — быть счастливой и наслаждаться каждым днем по полной; каждым подаренным днем.

Блейк крепко сжимал меня, пока его футболка не намочила от моих слез,

— Прости, — извинилась я, наконец, придя в себя и перестав вести себя как безумная. Я накрыла рукой черный дождь на другой руке. Я не пыталась спрятать его; я лишь положила руку на половинку сердца с неровными краями. Я держала сердце своей мамы.

— Я послала тебе запрос на дружбу.

— Запрос на дружбу? — спросил Блейк, держа обе мои руки.

— Да, в Facebook, — вдруг все это выглядет глупо.

Блейк улыбнулся и поцеловал меня в губы,

— Я принял его, когда ты была в душе.

— Правда?

— Да, я с удовольствием буду твоим другом в Facebook. Не могу дождаться, чтобы

увидеть твои посты.

— Много фоток Пи, возможно, — захихикала я.

— Мне нравится это. Что ты хочешь, Микки? Хочешь вернуться обратно в Нью-Йорк?

— А ты по-прежнему собираешься работать на Холдена?

— Не думаю. Что скажешь, если мы создадим какой-нибудь небольшой театр и будем учить детей играть на рояле?

— Правда? Мне это нравится, — согласилась я.

Я собиралась любить Блейка сильнее, чем он любил меня, и я собиралась любить Пи так, как моя сестра любила бы ее. Я собиралась позволить Грейс и Саре быть мне матерями, когда мне понадобится совет. И я собиралась стать лучшей мамой для Пи. Меня не волновало, где был бы наш дом. Блейк и Пи были моим домом. Пока они были у меня, я была дома.

Я смыла с руки черный дождь, Пи снова спала с опущенной вниз рукой, а Блейк был в моей постели. Я сложила руки на груди и улыбнулась в его объятьях, радуясь предстоящей жизни.

Я расслабилась и вздохнула, кончики моих пальцев почувствовали это первыми, и тогда я перестала дышать...

Конец.

Больше книг на сайте — Knigolub.net